

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ

**Тезисы конференции
молодых ученых**

*в рамках Дней славянской письменности
и культуры*

24–25 мая
2022 г.

МОСКВА
2022

УДК 930.85
ББК 63.3(0=Слав)
С47

Ответственные редакторы:

Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова

Редколлегия:

А.К. Александрова,

С.А. Борисов,

А.В. Грасько,

А.М. Дронов,

Н.В. Евстафьев,

П.В. Мошечков

Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 24–25 мая 2022 г. / Отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. — М.: Институт славяноведения РАН, 2022. — 218 с.

ISSN 2619-0869

DOI 10.31168/2619-0869.2022

Более двадцати лет Институт славяноведения РАН отмечает День славянской письменности и культуры традиционной научной конференцией. С 2014 г. она проходит в формате конференции молодых ученых. В 2022 г. участники из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Калининграда, Ростова-на-Дону, Смоленска, а также Германии, Китая и Чехии продолжили эту традицию. Вновь обсуждался широкий круг проблем, связанных с историей славянских народов от Средних веков до наших дней в национальном, региональном, этноконфессиональном и международном контексте; с типологией славянских языков и диалектов, лингвогеографией, социо- и этнолингвистикой; с формированием, развитием, современным состоянием и перспективами славянских литератур и пр.

УДК 930.85

ББК 63.3(0=Слав)

ISSN 2619-0869

DOI 10.31168/2619-0869.2022

© Коллектив авторов, текст, 2022

© Институт славяноведения РАН, 2022

Секция
«**ИСТОРИЯ**»

ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И Юго-Восточной Европы

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.1.01

Образ стража-мусульманина в славянских житиях XVI в.

Никита Владимирович Евстафьев

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: nikichan1@yandex.ru

Ключевые слова: Славянские жития XVI в., Османская империя, межконфессиональные и межнациональные отношения христиан и мусульман

The Portrayal of a Muslim Guardian in the XVIth Century's Slavic Vitae

Nikita V. Evstafyev

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: nikichan1@yandex.ru

Keywords: XVIth century's Slavic vitae, Ottoman empire, inter-religious and interethnic relations of Christians and Muslims

В XVI в. на балканских землях Османской империи пострадало за веру несколько христиан, позднее причисленных к лику святых: Георгий Новый Кратовец (Софийский) (ок. 1497–1515), Георгий Новейший Софийский (ум. между 1515 и 1538 гг.), Иоанн Серрский (ум. между 1500 и 1510 гг.), Антоний Супрасльский (вторая половина XV в. — начало XVI в.), Николай Новый Софийский (ок. 1510–1555) и др.

Для большинства из них были позднее составлены жития, ставшие одним из важнейших источников информации о положении подвластного Османской империи христианского населения. Агиографические произведения — это довольно специфический источник, который построен по определенной модели и не слишком точно отражает реальные события¹, однако сведения из житий способны как минимум пролить свет на то, как христианские авторы изображали османские власти и простых мусульман. Этой актуальной проблематике посвящено совсем немного научной литературы². Поэтому в настоящих тезисах мы обратим внимание на один из типичных для такой житийной литературы образов — образ стража-мусульманина, который охраняет темницу и конвоирует обвиняемого христианина на суд.

Разумеется, большинство «агарян» в житиях святых показаны отрицательно как гонители и хулители «истинной веры», испытывающие страх или ярость при соприкосновении с христианской верой. Стражи-мусульмане часто изображаются точно так же. Например, в житии Антония Супрасльского один из разъяренных стражей насмерть забил его железной палкой прямо перед казнью (правда, сам будущий святой спровоцировал конвоира, плюнув тому в лицо)³. В житии св. Иоанна Серрского стражи темницы испытывают ужас при виде божественного света, который появляется в ответ на молитвы Иоанна⁴.

Однако в этом ряду есть исключения. Так, в житиях Георгия Нового и Николая Нового Софийских мы встречаем как минимум нейтральный, а в некотором смысле и положительный образ стража-мусульманина, который интересным образом сочетается с таким же неоднозначным образом кадия (судьи шариатского суда). Наиболее показательный пример виден в житии св. Николая Нового Софийского⁵. Насильно обращенный в ислам, но втайне сохранивший христианскую веру, Николай в конце концов был раскрыт и схвачен разъяренной толпой мусульман. Кадий поместил его на время в темницу, где остальные заключенные (мусульмане) относились к сокамернику-христианину негатив-

но и всячески пытались ему навредить⁶. Более того, во время общения с посетителями Николаю и другим христианам пришлось перейти на греческий (к сожалению, в житии не сказано, на каком языке они общались прежде), чтобы заключенные не могли их понять и сдать властям. В то же время мусульманин — стражник тюрьмы неожиданно проникся уважением к стойкому Николаю и перед очередным судебным заседанием даже отказался связывать его веревкой, пока сам Николай не попросил это сделать, чтобы не навлечь ни на кого проблем. Кроме того, стражник предложил Николаю подыскать для него лучшее место, но и тогда Николай отказался. Вместе с тем мусульмане — стражи темниц не чураются брать взятки. Как мы уже упоминали, к Николаю в темницу приходило несколько посетителей-христиан, прознавших о благочестии будущего мученика. Для того чтобы встреча состоялась, они заплатили стражнику мзду. Здесь же страж темницы назван «разумным» человеком, с которым у одного из христианских посетителей сложились хорошие отношения⁷.

Нечто похожее мы находим и в южнославянском варианте жития другого софийского святого — Георгия Нового Кратовца⁸. Там стражники также пускают к будущему мученику посетителя — священника Пейо, у которого в доме раньше жил Георгий. Позднее тело мученика, которое мусульмане собирались сжечь на костре, было украдено из-под носа у задремавших на посту стражников. Чтобы избежать наказания, стражи сообщили судье, что тело «внезапно сделалось невидимым». Кадий, который сочувствовал приговоренному им же к казни Георгию, признал произошедшее чудом и отказался от разбирательства⁹.

Любопытно, что в возникшем позднее на пару десятков лет (в 1530-е гг.) русском варианте жития Георгия Нового¹⁰ ничего подобного нет: мусульмане там изображены крайне негативно, включая судью (кадия), что совершенно не характерно южнославянским житиям этого периода. И сам святой Георгий в русской версии жития чувствует себя намного увереннее, открыто хулит мусульманскую веру, прово-

цируя гнев со стороны иноверцев, и не нуждается ни в какой моральной поддержке священника и других посетителей. Соответственно, и образ стража в этом варианте практически не раскрыт и носит однозначно негативный характер. Исследователи объясняют эти различия тем, что перед русским автором состояла задача отрицательно изобразить мусульман. Почти ничего русский автор не знал и о реалиях Османской империи. Вполне возможно и то, что в русской версии жития были перемешаны события из жизни сразу двух святых: Георгия Нового и Георгия Новейшего Софийских¹¹. Последнему, однако, не посвящено ни одного известного нам жития.

Итак, образ стража-мусульманина в славянских житиях неоднозначен. Страж может выступать в качестве достаточно положительного персонажа, который проникается уважением к мученику и старается облегчить его страдания. В то же время ему свойственны человеческие слабости: он может задремать на посту и не чурается брать взятки. Но бывает и так, что страж-мусульманин не отличается от остальных своих единоверцев (изображенных в житиях), которые выражают открытую ненависть по отношению к христианам и в злобе своей причиняют им вред. Сам святой также по-разному, в зависимости от ситуации, относится к стражам порядка. Он может намеренно провоцировать их или поддерживать с ними вполне нормальные отношения. В любом случае проблема межконфессиональных отношений в османском обществе XVI в. требует дополнительного изучения и привлечения других, в том числе османских источников. К сожалению, это выходит за рамки наших тезисов.

Примечания

- ¹ Цибранска-Костова М. Святой и общество: конфликты и ценности («Житие святого Николая Нового Софийского» Матвея Грамматика, XVI в.) // Взгляд на славянскую аксиологию / отв. ред. И.А. Седакова. М., 2019. С. 10. <https://doi.org/10.31168/0428-2.1>
- ² См., например: Градева Р. Българи и турци XV–XVIII в. // Представата за «другия» на Балканите / съст. Н. Данова и др. София: БАН, 1995. С. 47–54; *Она же*. Турците в българската книжнина XV–XVIII в. // Балкански идентичности в бъл-

- гарската култура от модерната епоха / научни ръководители Н. Аретов, Н. Чернокозев. София, 2001. Т. 1. С. 112–134.
- ³ *Турилов А.А.* Житие преподобномученика Антония Супрасльского и славянские жития балканских мучеников XVI в.: К постановке проблемы // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband. 2013. Bd. 82. S. 265–275. Подробнее об этом святом см. также: *Он же.* Антоний Супрасльский // Православная энциклопедия (далее — ПЭ). М., 2008. Т. 2. С. 680.
- ⁴ Само неизданное житие св. Иоанна Серрского: Государственная национальная библиотека, Одесса. № 1/119. Сборник смешанного содержания («Сборник А. Кухарского»). Л. 367–375 (посл. четв. XVI в.). Подробнее о святом и посвященном ему житии см., например: *Лосева О.В.* Первые новомученики-«автоклиты» — греческие и славянские монахи-святогорцы // Фон и славянский мир. Материалы международной научной конференции, посвященной 1000-летию присутствия русских на Святой Горе. Белград, 16–18 мая 2013 г. / сост. Ж.Л. Левшина. М., 2014. Сборник 1. С. 28–34; *Иоанн Серрский* // ПЭ. М., 2015. Т. 24. С. 608.
- ⁵ *Сырку П.А.* Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. Житие св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. СПб., 1901. (Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. LXXXI. № 2); *Стара българска литература.* София, 1986. Т. 4: Житиеписни творби / съст. Кл. Иванова. С. 308–376. Подробнее о самом святом, посвященном ему житии и его авторе см., например: *Цибранска-Костова М.* Матей Грамматик // ПЭ. М., 2021. Т. 44. С. 210–211; *История на българската средновековна литература* / ред. А. Милтенова. София, 2008. С. 705–707.
- ⁶ *Цибранска-Костова М.* Святой и общество: конфликты и ценности... С. 25.
- ⁷ *Стара българска литература.* София, 1986. Т. 4: Житиеписни творби / съст. Кл. Иванова. С. 358.
- ⁸ *Богдановић Д.* Житије Георгија Кратовца // Зборник историје књижевности. Београд, 1976. Књ. 10. С. 230–265.
- ⁹ Там же. С. 258–259.
- ¹⁰ *Калиганов И.И.* Георгий Новый у восточных славян. М., 2000. С. 209–218.
- ¹¹ Подробнее об этом казусе и самих святых см.: *Турилов А.А., Темелски Хр.* Георгий Новый Кратовский // ПЭ. М., 2009. Т. 11. С. 70. *Они же.* Георгий Софийский Новейший // Там же. С. 81–82.

Образ королевы Ядвиги в польском музыкальном искусстве XIX в.

Анна Михайловна Ланцева

Институт славянской культуры РГУ имени А.Н. Косыгина,
Москва, Российская Федерация; e-mail: Lancev86@mail.ru

Ключевые слова: королева Ядвига, опера, либретто, Кароль Курпиньский, Национальный театр

The image of Queen Jadwiga in Polish musical art of XIXth century

Anna M. Lanceva

Institute of Slavic Culture, RSU named after A.N. Kosygin,
Moscow, Russian Federation; e-mail: Lancev86@mail.ru

Keywords: Queen Jadwiga, opera, libretto, Karol Kurpinski,
National theatre

Одной из выдающихся личностей, вошедших навсегда в этнонациональное сознание польского народа, стала святая Ядвига, королева Анжуйская (1374?–1399) — женщина-король, инициатор христианизации Литвы¹, покровительница образования, науки, искусства и меценатства, основательница Краковской Академии² (ныне — Ягеллонский Университет), покровительница³ польского народа⁴, прозванная набожными поляками «матерью народа польского», о которой сложилось довольно много легенд⁵, существующих в польской католической практике народного благочестия (pía exercitia)⁶ вплоть до настоящего времени.

Образ королевы Ядвиги послужил стимулом для развития польского музыкального жанра XIX в. на сакрально-историческую тематику, став сюжетом оперы композитора

Кароля Курпиньского⁷ «Ядвига, королева Польши, или Объединение Литвы с Коронай Польской», написанной на либретто поэта и драматурга Юлиана Урсина Немцевича⁸. Обращение Курпиньского к личности святой королевы было обусловлено религиозным сознанием самого композитора, который уже в 12 лет служил органистом в церкви, а также интересом к выдающейся политической фигуре, связанной с «золотыми страницами» польской истории и культуры, что было характерно для эпохи национального возрождения славянских народов и на волне зарождающихся романтических идей в среде творческой интеллигенции.

Опера «Ядвига, королева Польши, или Объединение Литвы с Коронай Польской» была создана во время заседания Венского конгресса (1814–1815), созванного для внесения территориальных изменений на карту Европы⁹. Поляки надеялись, что конгресс возродит к жизни Польское Королевство, куда войдут и литовские земли. Поэтому выбор темы музыкального произведения был очень актуальным. Сама премьера оперы (24 декабря 1814 г.) пришлась на день рождения «освободителя Европы», русского императора Александра I, который был главной политической фигурой Венского конгресса. Премьера оперы состоялась в Национальном театре Варшавы¹⁰.

Опера К. Курпиньского, состоящая из трех действий, считается монументальным произведением в польской музыкальной культуре начала XIX в. Это объясняется тем, что музыкальный стиль Курпиньского аккумулировал в себе европейские, преимущественно французские, оперные тенденции, введя их в польскую исполнительскую практику того времени. Главными персонажами оперы выступают Ядвига, трое претендентов на ее руку — эрцгерцог Вильгельм, великий князь литовский Ягайло, князь Земовит и великий магистр Тевтонский — Конрад¹¹. Основой сюжета является выбор Ядвигой жениха и последующее заключение польско-литовского союза, а также вступление Ядвиги на польский трон: налицо несколько линий — любовь, власть, долг перед страной и народом¹². Фигура королевы Ядвиги прекрасно

вписывалась в концепцию польского театра начала XIX в., где конфликт любви и власти был чрезвычайно востребован. Двое претендентов на польский трон просят руки Ядвиги, которая в детстве была помолвлена с герцогом австрийским Вильгельмом Габсбургом. Ядвига поступает чувством любви ради христианского долга и преданности польскому народу: она выходит замуж за литовского князя Ягайло, который принимает христианство и коронуется польским королем.

Музыкальными составляющими частями оперы являются арии, сочиненные композитором по образцу итальянских арий эпохи барокко, а также дуэты, речитативы, интродукции, интерлюдии, сцены с участием солистов и хора. Самобытный стиль Курпиньского заключается в использовании простых гомофонных¹³ хоров, мелодии которых были отчасти заимствованы из польского фольклора¹⁴.

После торжественной премьеры оперы «Ядвига, королева Польши» в Варшаве грандиозное музыкальное действие было поставлено в Вильне (1816), Кракове (1821) и Познани (1822). В первой половине XIX в. насчитывалось более тридцати грандиозных исполнений оперы К. Курпиньского.

В опере «Ядвига, королева Польши» композитор обобщил и развил уже существующий в мировой музыкальной культуре опыт сочинения произведений крупных музыкальных форм на исторические сюжеты. Драматург Национального театра Людвиг Адам Дмушевский в «Польском и зарубежном еженедельнике» написал целое стихотворение — гимн творчеству К. Курпиньского, сравнив польского композитора с такими величайшими мастерами как Ж.-Б. Люлли, В.А. Моцарт и К.В. фон Глюк¹⁵.

Образ королевы Ядвиги в опере Кароля Курпиньского «Ядвига, королева Польши» на слова Ю.У. Немцевича объединяет в себе черты святой — покровительницы Польши, любящей жены, патриота и выдающегося политического деятеля, представленные в агиографии, гимнографии, историографии, художественной литературе и изобразительном искусстве на протяжении нескольких веков. Опера «Ядвига, королева Польши» является уникальным произведением по-

добного рода, синтезирующим в своей композиции славянские и европейские тенденции, сакральное и профанное, национальное и общечеловеческое, рационализм и гуманизм.

Примечания

- 1 *Korczak L.* Chrystianizowanie Litwy za panowania Władysława Jagiełły // *Św. Jadwiga Królowa a chrystianizacja Litwy* / red. H. Byrska, J. Dziasek. Kraków, 2010. S. 46–56; *Biliński W.* Dzieło Jadwigi i Jagiełły: w sześćsetlecie chrztu Litwy i jej związków z Polską. Antologia historyczno-literacka. Warszawa, 1989. 334 s.
- 2 *Ożóg K.* U źródeł wiedzy. Studenci z Litwy w Uniwersytecie Krakowskim w XV i na początku XVI w. // *Św. Królowa Jadwiga* / red. H. Byrska. Kraków, 2006. S. 59.
- 3 Термин «покровительница» характерен для восточнославянской православной культуры, у католиков и в западнославянской культуре — «патрон» или «патронка».
- 4 *Długosz J.* Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Warszawa, 1981. T. 10. S. 197–198; *Ożóg K.* Jadwiga Andegaweńska a episkopat polski u schyłku XIV w. // *Św. Królowa Jadwiga...* S. 59.
- 5 Жанр «легенды» в рамках католической агиографии представляет собой краткое житие того или иного святого, предназначенное для чтения во время богослужения (бревиарное чтение в рамках Литургии часов) или дома. См. подробнее: *Jean de Mailly.* Abbreviatio in gestis et miraculis sanctorum. Supplementum hagiographicum / ed. G.P. Maggioni. Firenze, 2013. 588, [5] p.; *Witkowska A.* Hagiografia średniowieczna // *Dzieje teologii katolickiej w Polsce* / ed. M. Rechowicz. Lublin, 1974. T. 1. S. 337–357; *Eadem.* Sancti. Miracula. Peregrinationes. Wybór tekstów z lat 1974–2008. Lublin, 2009. 435 s.
- 6 Практика народного благочестия характерна для католической церкви. Об этом подробнее: Конгрегация богослужений и дисциплины Таинств. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vatican.va/roman_curia/congregations/ccdds/documents/rc_con_ccdds_doc_20020513_vers-direttorio_en.html (дата обращения: 23.04.2022); *Jungman J.* Liturgie und «pia exercitia» // *Liturgisches Jahrbuch*, 1959. № 9. P. 79–85; *Werbiński I.* Nabożeństwo // *Leksykon duchowości katolickiej* / ed. M. Chmielewskiego. Lublin; Kraków, 2002. S. 557–560; *Кунцлер М.* Литургия Церкви. Т. 1.: 1.3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/195/229/page04.htm> (дата обращения: 23.04.2022).
- 7 *Goldberg H.* Music in Chopin's Warsaw. Oxford, 2018. P. 15; *Tygodnik ilustrowany*. 1861. T. III. N 70. S. 25–26; *Płońska K.* Katalog tematyczny oper Karola Kurpińskiego. Warszawa, 2015. S. 31–40.
- 8 *Niemcewicz J.U.* Jadwiga Krolowa Polski. Drama muzyczne w 3ch aktach wierszem. Warszawa, 1814. 72 s. *Czartoryski A.J.* Żywot J.U. Niemcewicza. Poznań, 1860. S. 319; *Estreicher K.* Historia sceny warszawskiej do roku // *Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej*. 1936. T. 33. N 1/4. S. 742, 745; *Papierzowa A.* Libretta oper polskich z lat 1800–1830. Kraków, 1959. S. 183–184.
- 9 *Goldberg H.* Music in Chopin's Warsaw. P. 13–14; 16–17.
- 10 *Estreicher K.* Historia sceny warszawskiej do roku. S. 729–775.
- 11 *Płońska K.* Katalog tematyczny oper Karola Kurpińskiego. S. 31.

- ¹² *Żórawska-Witkowska A.* People, Nation and Fatherland in Three Operas: “Cud mnie-many, czyli Krakowiacy i Górale” (1794), “Jadwiga, królowa polska” (1814), “Król Łokietek, albo Wiśliczanki” (1818) // Nation and/or Homeland. Identity in 19th Century Musica and Literature Between Central and Mediterranean Europe / ed. I. Cavallini. Milano; Udine, 2012. P. 41–59.
- ¹³ В музыкальной теории XXI в. термины «гомфонный» и «гомфонический» используются на равных правах. Кроме того, в некоторых музыковедческих работах отмечается, что термин «гомфонный» или «гомфонно-гармонический» является устаревшим, либо применяется в историческом контексте к музыке Средних веков. См. подробнее: *Холопов Ю.Н.* Гомофония // Музыкальная энциклопедия / под ред. Ю.В. Келдыша. М., 1973. Т. 1. С. 1048–1055; *Он же.* Введение в музыкальную форму. М., 2006. 432 с.; *Должанский А.Н.* Краткий музыкальный словарь. Санкт-Петербург, 2007. С. 48, 61.
- ¹⁴ *Мачеевска Е.С.* Из истории польской музыкальной фольклористики: от истоков до первой трети XIX века // Opera musicologica. 2017. № 1 (31). С. 60.
- ¹⁵ *Dmuszewski L.A.* Wiersz na cześć Kurpińskiego // Tygodnik Polski i Zagraniczny. 1818. N 31. S. 417–418.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.1.03

«Храбрые мужчины, женщины и медведи»: образ восточного славянства в фэнтези-сеттинге мейнстримных видеоигр

Евгений Андреевич Колосков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: eakoloskov@gmail.com

Ключевые слова: видеоигры, фэнтези, образ другого, историческая память, Восточная Европа, славянство

“Brave men, women and bears”: an image of the East Slavs in the fantasy setting of mainstream video games

Evgenii A. Koloskov

Saint Petersburg University,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: eakoloskov@gmail.com

Keywords: video games, fantasy, image of Other, historical memory, Eastern Europe, slavicness

В рамках нашего исследования мы проанализировали образ восточного славянства на примере наиболее коммерчески успешной видеоигры фэнтези-сеттинга, то есть игры, чей внутренний сюжет использует исторические сюжеты и образы в полностью вымышленном нарративе. Учитывая обилие игр жанра и необходимость сокращения материала в рамках статьи, мы ограничимся разбором игры *Total War: Warhammer III* — наиболее успешной из недавно вышедших игр. Данная игра связана с средневековым сеттингом, что отражает классическое представление о фэнтези с характерным для него концептом «магии и меча». Учитывая очевидное, пусть и не всегда осознанное, стремление представить воображаемый мир (или, иначе, игровую вселенную) в виде отражения реального исторического прошлого, наш поиск образов восточного славянства и в целом Восточной Европы в данном жанре видеоигр представляется вполне обоснованным. При значимости России и Восточной Европы для современной создателям видеоигр политической реальности, необходимость включения возможности играть за представителей данной страны и региона или их армии очевидна современным разработчикам компьютерных игр.

Помимо упомянутой видеоигры источником нашего исследования будут выступать дополнительные материалы, используемые для наполнения соответствующей игровой вселенной, а именно художественная и игровая литература (правила настольных игр), концепт-арты и работы профессиональных художников.

Игра, которую мы рассмотрим, — *Total War: Warhammer III* (2022 г.) — является продолжением серии игр британской студии *Creative Assembly* в сеттинге популярной британской же игровой вселенной *Warhammer (Fantasy Battles)*, начавшей свою историю в качестве настольной игры в 1983 г. Данная игра является третьей в серии и вводит в игру четыре новые фракции, связанные с Царством Хаоса — олицетворением зла и возможностей данного сеттинга. Помимо демонов Хаоса и гигантов-людоедов игрок выбирает возможность играть за одну из двух фракций людей, представленных в качестве защитников мира от зла: Кислев (англ. *Kislev*) и

Великий Китай (англ. *Grand Cathay*). Первая фракция, очевидно, считается как Россия — Восточная Европа эпохи XVI—XVII вв., вторая — как средневековый Китай. Отметим, что предыдущие серии игры уже ввели фракции, ассоциируемые со Священной Римской империей эпохи Ренессанса (англ. *Empire*), Британией и Францией в стиле артурианского цикла (англ. *Brettonnia*), Скандинавией эпохи викингов (англ. *Norska*) и абсолютным злом без внятной временной привязки (англ. *Chaos Warriors*).

Отметим, что описание Кислева в сеттинге *Warhammer (Fantasy Battles)* не было создано исключительно для видеоигры и имеет весьма давнюю историю. «Крылатые всадники Кислева» (англ. *Kislev Winged Lancers*)¹ и «унгольские конные лучники» появляются в составе войск уже упомянутой Империи (англ. *Empire*) в 1993 г.², а в дальнейшем получают собственные «книги правил» — брошюру с историей и игровыми нормативами — как для серии тактических настольных (позволяет собрать армию Кислева)³, так и для ролевых игр (позволяет создать персонажа-кислевита)⁴, а также посвященные Кислеву литературные сочинения⁵. В компьютерной игре Кислев описывается следующим образом: «Не получающие благодарности за свою бесконечную задачу быть оплотом против Хаоса, дабы защитить Королевство Людей, храбрые мужчины, женщины и медведи Кислева полны решимости не допустить, чтобы их родина была осквернена. От самого скромного фермера до самого могучего наездника на медведях, от снежных барсов, бродящих по пустошам, к живому воплощению самой земли и бога народа — все они готовы сражаться за каждый дюйм территории и никогда не позволят Хаосу пройти. Если они падут — все остальные будут сокрушены вслед за ними»⁶. Царица Катарина (англ. *Tzarina Katarin*), дочь царя Бориса (англ. *Tzar Boris Bokha*), известного также как «Красный царь» (англ. *the Red Tzar*) или патриарх Косталтын (англ. *Kostaltyn, Supreme Patriarch of the Cult of Ursun, Leader of the Great Orthodoxy*), персонаж, специально созданный для игры⁷ и явно вдохновленный образом Григория Распутина⁸, вместе с боярами (англ. *Boyars*), атаманами (англ. *Atamans*), патриархами (англ. *Patriarchs*)

и ледяными ведьмами (англ. *Ice Witches*) верхом на медведях (англ. *War Bear*) ведут в бой коссаров (англ. *Kossars*), стрельцов (англ. *Streltsi*), коссовитских дервишей (англ. *Kossovite Dervishes*) и крылатых всадников (англ. *Winged Lancers*)⁹. Подобное сочетание прекрасно выглядит в ярком и насыщенном мире фэнтези-сеттинга и является визитной карточкой *Total War: Warhammer III*, присутствуя в ролике, анонсирующем игру¹⁰.

Интересно, что в компьютерной версии игры разработчики отошли от существовавшего в настольной версии внутреннего деления фракции на «унголов» (англ. *Ungols*)¹¹ — более ассоциируемых с татарскими народами, и «господарей» (англ. *Gospodars*) — пришедший с востока европеоидный народ, поработивший унголов и основавший Кислев¹². Вместо этого деление фракции прошло по линии двух основных персонажей: царица Катарина и Ледяной двор противопоставлены патриарху Косталтыну и Великой Ортодоксии. Возможен и гендерный конфликт: на данный момент не очевидно присутствие в игровой вселенной женщин — «патриархов» Великой Ортодоксии и некоего мужского аналога ледяных ведьм. Также отметим, что в компьютерной версии поменялся в значительной степени визуальный образ войск Кислева за счет более очевидной «русификации»: ледяные ведьмы носят кокошники, коссары ориентализировались и перестали походить на массовку фильма «Огнем и мечом» 1999 г., как они были представлены в книгах правил настольных игр и более ранних игр¹³.

В целом, рассуждая об игре *Total War: Warhammer III*, мы можем говорить о медиевализации медиевализма: образы и нарративы XX в., апеллирующие к средневековью и раннему новому времени, помещаются в фэнтези-сеттинг, использующий медиевализм. Кавалерия на медведях, феминистическая царица Катарина, феминистический дискурс в патриархальных странах, холодные северные красавицы (ведьмы), мистические старцы, бескрайняя ледяная пустыня, пожирающая армии захватчиков, героическая оборона против несокрушимого противника — все это вполне понятные отсылки к образу России и Восточной Европы в мас-

совой культуре XX в. Отметим, что это характерно и для других игр данного сеттинга: достаточно вспомнить команду «Динамо Кислев» из дополнения к игре *Blood Bowl 2 — Kislev Circus* (2017 г.)¹⁴. Также отметим, что Кислев весьма удачно демонстрирует географию восприятия Восточной Европы в глазах по крайней мере разработчиков: на севере, северо-западе — местный аналог викингов (кстати, подаривших Кисливитам самого популярного скандинавского бога Тора) Норска, на северо-востоке — дикие кочевые народы и, в целом, силы непонятного зла, на востоке — горы Края мира, на юге — земля вампиров Сильвания (англ. *Sylvania*) — очевидная отсылка к Трансильвании, на западе — Империя, ассоциируемая с Центральной Европой.

Примечания

- ¹ Warhammer Armies: The Empire (4th Edition). 1993. P. 52–53.
- ² Ibid. P. 64.
- ³ *Thorpe G., McNeill G.* Warhammer Armies: Kislev (6th Edition). Nottingham, 2003. 34 p.
- ⁴ Realm of the Ice Queen / ed. by K. Hamilton. Nottingham, 2009. 144 p.
- ⁵ *Abnett D.* Riders of the Dead. Nottingham, 2003. 416 p.
- ⁶ Total War: WARHAMMER III Kislev Roster reveal / Total War. URL: <https://www.totalwar.com/blog/total-war-warhammer-3-kislev-roster-reveal/> (дата обращения: 25.05.2022).
- ⁷ Who is Kostalyn of Kislev? Behind the Scenes / Total War. URL: <https://www.totalwar.com/blog/who-is-kostalyn-kislev/> (дата обращения: 25.05.2022).
- ⁸ Andy Hall (@AndyWordyHall) // Twitter. 19 мая 2021 г. URL: <https://twitter.com/AndyWordyHall/status/1395029660786991108> (дата обращения: 25.05.2022).
- ⁹ Total War: WARHAMMER III Kislev Roster reveal / Total War. URL: <https://www.totalwar.com/blog/total-war-warhammer-3-kislev-roster-reveal/> (дата обращения: 25.05.2022).
- ¹⁰ Total War: WARHAMMER III Announce Trailer — Conquer Your Daemons | Coming 2022 // Youtube. 3 февраля 2021 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HAr7yUIMOPo> (дата обращения: 25.05.2022).
- ¹¹ Realm of the Ice Queen. P. 88–89.
- ¹² Ibid. P. 88.
- ¹³ Total War: WARHAMMER III Kislev Roster reveal / Total War. URL: <https://www.totalwar.com/blog/total-war-warhammer-3-kislev-roster-reveal/> (дата обращения: 25.05.2022); *Thorpe G., McNeill G.* Warhammer Armies: Kislev (6th Edition). Nottingham, 2003. 34 p.
- ¹⁴ Данная игра представляет собой настольный вариант brutального американского футбола в фэнтези-сеттинге.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.1.04

Белорусская идентичность в биографическом нарративе

Давид Пергл

Карлов университет,
Прага, Чешская Республика; e-mail: dav.pergl@gmail.com

Ключевые слова: белорусская идентичность, биографические интервью, национализм, коллективная память

Belarusian identity in the biographical narrative

David Pergl

Charles University,
Prague, Czech Republic; e-mail: dav.pergl@gmail.com

Keywords: Belarusian identity, biographical interviews, nationalism, collective memory

В данной статье я исследую формирование белорусской коллективной идентичности, сосредоточив внимание на том, как отдельные представители белорусской народности конструируют свои национальные нарративы в контексте своих эпизодических биографий. В этой связи на первый план выходят интересу субъективно разделяемые представления о собственной национально-гражданской идентичности, которые идеологически вырабатываются и поддерживаются в форме исторической или коммуникативной памяти, подчеркивая важность символических фигур памяти.

В своей работе я фокусируюсь на концепции национальной идентичности, которая начала продвигаться в XIX в., однако не следует забывать, что в различных аспектах отдельные национальные движения могли опираться на предыдущую идентичность господствующих слоев, и поэтому современная национальная идентичность имеет характер идентичности государственной¹.

Предметом нашего исследования не является феномен идентичности, который объективно существовал бы вне субъективного сознания рассказчиков, а создается именно через их собственные повествования. Процесс самоидентификации также нельзя считать статичным или заранее завершенным, напротив, он имеет динамический характер, который претерпевает многочисленные трансформации в течение жизни индивидов².

Данная статья основывается на результатах этнографических исследований, проведенных мной как во время нескольких учебных поездок за границу, так и благодаря активному участию в Межвузовском двустороннем сотрудничестве между Западнечешским Университетом и Белорусским государственным университетом, благодаря которому я ежедневно общался с белорусскими студентами. Во время моего исследования я провел более двух десятков биографических интервью с помощью биографического подхода, предложенного немецким социологом Фрицем Шютце³.

Центральным принципом в концепции Шютце является спонтанное рассказывание историй (или импровизированное повествование). Он исходит из стратегического предположения, что выбранный респондент не будет знаком с тематическими областями исследования, а исследователь предоставит информатору в рамках интервью широкий простор для свободного повествования.

На начальной стадии интервью участнику опроса предлагается рассказать о своей жизни, в то время как исследователь оставляет ему совершенно открытое пространство, поэтому общение носит монологизирующий характер. После того как сам информант естественным образом исчерпает себя и закончит свое повествование, наступает другая часть беседы, по-

звояющая исследователю задавать вопросы, которые не были разъяснены и стояли на заднем плане повествования.

Главная цель представленной работы состояла в том, чтобы с помощью собственного этнографического исследования, а также с использованием данных биографических интервью зафиксировать текущее состояние дискурсов национальной идентичности в Белоруссии. В то же время я пытался представить, как эти национально ориентированные дискурсивные практики затронули выбранных белорусских респондентов, а также то, как они конструировали и интерпретировали собственное национальное самосознание.

Часто пропагандируемый постулат о слабости или неразвитости белорусской национальной идентичности не был подтвержден во время моего собственного полевого исследования. Наоборот, у информаторов в основном преобладала твердая вера в их собственную белорусскую идентичность. Такие выводы могут противоречить с рядом исторических работ о белорусской национальной идентичности, которые часто приписывают неудачу или провал белорусскому национальному процессу⁴.

Более сложная ситуация произошла с выбранными мной информаторами тогда, когда необходимо было конкретизировать их собственную национальную концепцию и вопрос о том, как, с их точки зрения, охарактеризовать белорусскую коллективную идентичность. Отдельные утверждения и интерпретации разошлись, что, например, существенно коррелирует с важностью белорусского языка как ключевого показателя национальной идентичности.

Большинство респондентов признали белорусский язык ключевой символической национальной ценностью, но с практической точки зрения в их высказываниях он часто считался ненужным или для кого-то мертвым языком. На самом деле, лишь несколько человек в группе моих информантов придавали белорусскому языку такое фундаментальное значение, так как это должно было стать решающим фактором для возможности ознакомления с национальным литературным и культурным наследием.

Отдельным биографическим эпизодам, рассказанным респондентами, также не хватало объединяющей черты с точки зрения общей интерпретации и оценки значимых мест в истории Белоруссии. Если бы рассказчики интерпретировали отношение к древним и де-факто мифологизирующим событиям в истории Белоруссии, можно было бы отметить большую тенденцию к совпадению (например, повторялось представление Великого княжества Литовского как золотого века). Однако в том, что касается интерпретации более современной истории, в оценке респондентов наблюдалась значительная непоследовательность. Это может показаться понятным, когда мы будем рассматривать ее в контексте коммуникативной памяти⁵. Прежде всего, в разных слоях повествования часто проявляла себя память о Великой Отечественной войне, наследие которой долгое время поддерживается официальным дискурсом. Однако наиболее противоречиво респондентами воспринимались события в Белоруссии после распада Советского Союза и прихода к власти нынешнего белорусского президента.

Тем не менее эти конкретные различия не могут быть оценены с точки зрения ценности в том смысле, что некоторые из упомянутых критериев несут в себе более релевантные проявления «Белоруссии». Это казалось бы неоправданным и было бы очень близко к эссенциализму, часто содержащемуся в некритическом изначальном взгляде на концепцию нации. В аналогичном смысле, однако, крайние полюса дискурсивных проектов в современной Белоруссии стремятся достичь догматически ограниченной интерпретации национальной памяти, не допуская при этом многомерного характера в интерпретации белорусской идентичности. Поэтому в своей работе я попытался зафиксировать происходящие трансформации в этих дискурсивных практиках, свидетелями которых я мог быть непосредственно и для которых иногда используется термин «мягкая белорусизация». Сосредоточив внимание на этих процессах, я привожу несколько конкретных примеров, отражающих способы определения символических национальных границ в современной Белоруссии, что в настоящее время часто происходит за счет «русского мира».

В ходе своих исследований я пришел к выводу, что национальная белорусская идентичность не может быть просто очерчена, но измерение многозначности в ее формировании должно считаться постоянно открытым. Моя работа показывает, как отдельные политики и модели белорусской идентичности регулярно вмешиваются в этот процесс, пытаясь выразить себя в форме коллективной памяти.

Примечания

- ¹ *Smith A.D.* Etnický základ národní identity // *Pohledy na národ a nacionalismus: čítanka textů* / ed. M. Hroch. Praha, 2003. S. 271.
- ² *Fischer-Rosenthal W.* Potíže s identitou: biografie jako řešení některých (post)moderních dilemat // *Biograf*. 1997. URL: <http://www.biograf.org/clanek.php?clanek=1201> (дата обращения: 24.03.2018).
- ³ *Schütze F.* Biographieforschung und narratives Interview // *Neue praxis*. 1983. N 13 (3). S. 283–293; *Idem.* Biography Analysis on the Empirical Base of Autobiographical Narratives: How to Analyse Autobiographical Narrative Interviews — Part I // *European Studies on Inequalities and Social Cohesion*. 2008. N 1 (2). P. 153–242.
- ⁴ *Snyder T.* *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*. New Haven, 2002; *Marples D.R.* *Belarus: a denationalized nation*. London, 1999.
- ⁵ *Assman J.* *Kultura a paměť: písmo, vzpomínka a politická identita v rozvinutých kulturách starověku*. Praha, 2001. S. 46.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.1.05

Исторические мифы в публикациях сетевых медиа как фактор конструирования белорусской национальной идентичности

Кристина Олеговна Долголаптева

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: k.dolgolapteva@yandex.ru

Ключевые слова: национальная идентичность, Беларусь, политика памяти, сетевые медиа

Historical Myths in Online Media Publications as a Factor of the Belarusian National Identity Construction

Kristina O. Dolgolapteva

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: k.dolgolapteva@yandex.ru

Keywords: national identity, Belarus, politics of memory, online media

Вопрос конструирования национальной идентичности сохраняет актуальность в общественном дискурсе Республики Беларусь. Деятельность сетевых медиа накануне предвыборной кампании и во время последовавших за президентскими выборами протестов в 2020 г. способствовала росту ангажированности белорусов и социальной поляризации. В публикациях сетевых медиа прослеживалось своеобразная полемика двух концептов национальной идеи¹. Интерпретация исторических фактов в контексте актуальных событий стала одним из способов конструирования национальной идентичности.

Объектом исследования стали процессы конструирования белорусской национальной идентичности, предметом — тиражирование мифов в сетевых медиа о событиях прошлого, которые происходили на территории современной Беларуси. Под историческим мифом мы понимаем искаженную, упрощенную картину прошлого, а также изъятые из общего контекста объективные факты, используемые для иллюстрации или аргументации субъективного мнения. Эмпирическую базу исследования составили редакционные материалы изданий «СБ Беларусь сегодня», «Рэспубліка», «Народная газета», «Наша Ніва», «Куку», «Радыё Свабода», «БелСат» (большая часть оппозиционных изданий была запрещена² Министерством информации Республики Беларусь в 2020–2021 гг., однако продолжает свою деятельность), а также

публикации Telegram-каналов Nexta, «Желтые сливы», «Сильные новости», «Реальная Беларусь», «Люстэрка ўладзь», «Светлана Тихановская», «Чай з малинавым варэннем», «Беларусь головного мозга», «Бульба престолав». В выборку вошли 411 материалов за январь 2020 г. — декабрь 2021 г. с отсылкой к историческим фактам (основания для выборки — метод ключевых слов, научный метод — контент-анализ).

Опираясь на культурологические теории национализма (работы Б. Андерсона и К. Хирши), мы проанализировали публикации с отсылкой к истории и выяснили, как выстраивается политика памяти в Республике Беларусь на современном этапе посредством государственных и оппозиционных медиа. Согласно Б. Андерсону, контент периодических печатных изданий формирует образ всей нации как воображаемого сообщества³ в сознании отдельных индивидов. Заметим, сетевые медиа более эффективны в формировании отношения аудитории к общественно-политическим реалиям благодаря мультимедийным вовлекающим форматам⁴. В работах К. Хирши утверждается, что национальная идентичность часто базируются не столько на чувстве сопричастности во время переживания актуальных событий, сколько на культуре прошлого, героев и традиций⁵.

Результаты исследования показали, что процесс формирования новой национальной идеи связан с осмыслением в медиатекстах особого исторического пути белорусских земель и анализе актуальных событий с выводами, убеждающими читателя в необходимости смены курса развития страны. Из общего количества материалов 1/3 часть была полностью посвящена исторической тематике, остальные 2/3 описывали или анализировали актуальные события, ссылаясь на исторические прецеденты. За исследуемый период вышло 49 аналитических текстов (12%) объемом более 5000 знаков, где прослеживалось стремление автора непредвзято, многомерно осветить тему; остальные 362 (88%) публикации носили, как правило, публицистический характер, их объем составлял 500–3500 знаков, исторические факты в них

возникали в виде авторского комментария либо экспертного мнения, которое нередко выдавалось авторами медиа как факт. Жанровое разнообразие публикаций было следующим: информационная заметка (42%), авторская колонка (34%), аналитическое интервью (10%), аналитическая статья (12%), репортаж (2%).

Мифотворческая деятельность в контексте истории была связана с сознательным отсечением сопутствующих деталей (например, авторы оппозиционных медиа рассматривают становление Беларуси с XII в., игнорируя длительный период, когда на этой территории проживал древнерусский народ), с подменой фактов мнениями националистических деятелей XX в. (у мифа о наиболее упоминаемом в оппозиционных медиа «белорусе» К. Калиновском есть точка отсчета — фальсифицирующая факты статья В. Ластовского⁶), с жонглированием идеологической риторикой советских книг в своих целях (показательна дихотомия Калиновский — Муравьев⁷, когда образ классового врага и реакционера прагматически трансформировался в образ врага национального), с разоблачением игнорируемых государственным аппаратом исторических событий (Москва представляется как исторический агрессор; внешняя политика московских князей в отношении белорусов с целью воссоединения народов с общим языком, культурой, верой, национальным самосознанием рассматривается исключительно как реваншизм⁸).

Фрейминг исторической риторики стал одним из ключевых приемов социального влияния на современном этапе. Он стал фактором закрепления в общественном сознании символов новой национальной идеи, которую транслировали оппозиционные медиа: культивировании в публикациях медиа польских и литовских деятелей как национальных белорусских героев, на педалировании отличий между русскими и белорусами, на создании привлекательного для аудитории медиаобраза будущего Беларуси как демократического государства с постиндустриальной экономикой.

Государственные медиа транслировали символическое поле старой национальной идеи, ориентированной на совет-

ское прошлое страны, победу в ВОВ, создание положительного образа аграрного труда и демонизацию глобалистских процессов. Государственные медиа проигрывали оппозиционным потому, что не учитывали запросов молодого населения на смену курса развития государства и нечетко артикулировали преимущества и обоснованность той идеи, которую они транслировали.

Мы классифицировали публикации, вошедшие в выборку, следующим образом: отрицающие западнорусскую идею (белорусы не часть русского народа), апеллирующие к этнографическим теориям балтского субстрата, проводящие параллели с различными национально-освободительными движениями, аргументирующие состоятельность польских и литовских деятелей как белорусских национальных героев, обслуживающие дискуссии о проблемах белорусского языка, пересматривающие отношение к советскому прошлому (в том числе причины и итоги Великой Отечественной войны), подводящие историческое обоснование протестной (альтернативной государственной) символике.

Если выделять общие черты в способах обращения к историческим реалиям в государственных и оппозиционных сетевых медиа, то, как правило, они были подчинены политической задаче сформулировать для общества образ мирной нации с курсом на выгодное многовекторное сотрудничество со всеми заинтересованными в этом странами. Отчасти этим обусловлен факт, что белорусский лидер А.Г. Лукашенко не отрицает принадлежности К. Калиновского к белорусской нации, но обращается к историкам с просьбой быть внимательными к «некоторым нюансам»⁹, а также благоволил установке памятника руководителю освободительного восстания 1794 г. в Речи Посполитой против Российской империи Т. Костюшко¹⁰.

За исследуемый период в белорусском обществе выросло доверие к оппозиционным медиа и их повестке, несмотря на череду запретов изданий. Гибкость реакции на запросы аудитории, внедрение новых форматов и осуществление функции трактовки информации позволили негосударствен-

ным медиа продвигать концепт новой национальной идеи в контексте актуальных инфоповодов. В качестве аргументов часто использовались отсылки к историческим событиям, истолкованным в субъективном ключе, что не мешало убеждать не слишком искушенного в вопросах истории и политики молодого читателя-белоруса.

Примечания

- ¹ *Вилисов М.В., Батоврина Е.В., Михайлова О.В.* Образ России в сознании молодежи постсоветских стран: опыт социологической оценки // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2021. Т. 14. № 5. С. 212–230. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-11>
- ² См., например: На сайт tut.by в Беларуси завели уголовное дело. Сайт заблокирован, 13 сотрудников задержаны // *BBC [сайт].* URL: <https://bbc.in/3LtQ7pu> (дата обращения: 14.02.2022); В Белоруссии заблокировали сайт оппозиционного издания «Наша Нива» // *РБК [сайт].* URL: <https://bit.ly/3tXLEpe> (дата обращения: 14.02.2022).
- ³ *Культурные корни // Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016. С. 87.
- ⁴ *Будущее журналистики: сетевая журналистика // Как новые медиа изменили журналистику / под ред. С. Балмаевой, М. Лукиной.* М., 2017. С. 84.
- ⁵ *Hirschi C.* The Origins of Nationalism. An Alternative History from Ancient Rome to Early Modern Germany. Cambridge, 2011. P. 118. <https://doi.org/10.1017/S009781139032551>
- ⁶ *Формирование национально-политического мифа о Кастусе Калиновском // Анатомия этнополитики / под ред. Л.В. Савинова.* Новосибирск, 2015. С. 165.
- ⁷ *Бендин А.Ю.* Образ Виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева в современной белорусской историографии // *Беларуская Думка.* 2008. № 6. С. 42–46.
- ⁸ *Криштапович Л.Е.* Беларусь как русская святыня. Белгород, 2012. С. 58.
- ⁹ *Калиновский: за что и как боролся революционер? // Sputnik [сайт].* URL: <https://bit.ly/3tWu3Oa> (дата обращения: 14.02.2022).
- ¹⁰ *Первый в Беларуси памятник Тадеушу Костюшко появился в его родовой усадьбе // Sputnik [сайт].* URL: <https://bit.ly/3NEGw0T> (дата обращения: 14.02.2022).

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ПРОБЛЕМА ВОЗРОЖДЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.1.06

Память в глубоком тылу: «Гусов юбилей» 1915 г. в Праге в условиях Первой мировой войны

Тимур Владимирович Гимадеев

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Российская Федерация;
e-mail: timur.gimadeev@yahoo.com

Ключевые слова: Ян Гус, гуситское движение, историческая память, коллективная память, коммеморация, Первая мировая война

Memory in the Rear Area: Hus Anniversary of 1915 in Prague in the conditions of World War I

Timur V. Gimadeev

Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russian Federation; e-mail: timur.gimadeev@yahoo.com

Keywords: Jan Hus, the Hussite movement, historical memory, collective memory, commemoration, World War I

6 июля 1915 г. отмечался «Гусов юбилей»: исполнялось 500 лет со дня приведения в исполнение приговора Констанцского собора о казни Яна Гуса — выдающегося чешского религиозного деятеля, основателя гуситского движения. Юбилей 1915 г. должен был стать для «возрожденной» в XIX в.

чешской нации вторым по счету, в 1869 г. национальная общественность достаточно широко отметила другой «полумиллениум» — со дня рождения Яна Гуса, центром торжеств тогда стал южночешский Гусинец, родина проповедника¹.

Юбилей 1915 г. планировался загодя. Центром торжеств на сей раз должна была стать Прага. Предполагалась обширная программа торжеств и, что еще важнее, широкое международное участие, призванное «напомнить всему миру о жертве, которую чехи положили на алтарь образования и просвещения человечества, начав первое движение за исправление духовной жизни средневековой Европы»². По словам историка Яна Галандауэра, 6 июля 1915 г. в Праге должно было состояться «величайшее торжество из всех, которые доселе устраивали чехи»³. Планы, однако, пришлось скорректировать — за год до юбилея разгорелась Первая мировая война, поставившая крест на этих надеждах: широкое международное участие становилось невозможным а priori, масштабные торжества внутри страны ограничивались противодействием властей и самой военной атмосферой в обществе.

Тем не менее жизнь шла своим чередом, и часть мероприятий в июле 1915 г. все же состоялась. Центром торжеств стал памятник Яну Гусу — многолетний чешский долгострой, вызванный к жизни еще спорами об убранстве главного здания музея Чешского королевства 1889 г., в котором не нашлось места ни портрету, ни статуе, ни даже имени Яна Гуса в ряду деятелей чешской культуры. Руководствуясь лозунгом «Нация — себе», патриотическая общественность решила самостоятельно установить памятник Яну Гусу. В 1890 г. был учрежден комитет для устройства памятника Яна Гусу. Споры, согласования и проволочки, однако, сделали возможным определение места для установки памятника — им стала Староместская площадь — лишь в 1899 г., выбор скульптора — им стал Ладислав Шалоун (1870–1946) — в 1905 г., назначение подрядчика — фирмы «Спрек» — в 1911 г., работа же над памятником началась лишь в июле 1913 г. Работа эта, однако, шла быстро, и 2 марта 1914 г. было принято ре-

шение о формальном назначении даты открытия памятника на вторник, 6 июля 1915 г. Работы над памятником были завершены 14 июня 1915 г.⁴

Чешская общественность до последнего надеялась организовать массовые празднования в честь открытия памятника, однако еще 27 июня 1915 г. проведение уличных демонстраций по случаю торжественного открытия монумента было напрямую воспрещено⁵. Днем 4 и 5 июля пражане тем не менее активно собирались около освобожденного от строительных лесов памятника, «обложив его», атмосфера на Староместской площади характеризовалась словами «совсем как в церкви», подчеркивалось, что собравшиеся вели себя тихо⁶.

Официальные празднования 6 июля имели своим центром закрытое заседание комитета для устройства памятника Гусу, состоявшееся утром 6 июля: около четырехсот членов комитета собрались за закрытыми дверями в Староместской ратуше, где выслушали торжественную речь главы комитета, депутата Рейхсрата Карела Баксы (1862–1938), передала памятник на баланс городу Праге, который представлял градоначальник Карел Грош (1865–1938), поприветствовали автора памятника, Л. Шалоуна, спели песни «Где мой дом?»* и «Хорал чешского народа» и вскоре разошлись⁷.

Памятные мероприятия в Праге, однако, одной встречей в зале Староместской ратуши все же не ограничились. Особое место в чешской культуре тех лет занимала музыка, так что важными мероприятиями стали торжественные концерты, прошедшие в пражском Муниципальном доме в воскресенье, 4-го, и в понедельник, 5 июля. Первый концерт включал в себя исполнение различных музыкальных произведений на гуситскую тематику, главным из которых была «Гуситская увертюра» Антонина Дворжака (1841–1904)⁸, далее следовали религиозные песни и гимны времен гуситских войн⁹.

* Песня из комедии «Фидловачка, или не бранись и не сердись» (1834), ставшая впоследствии составной частью гимна Чехословакии и современным гимном Чешской республики, слова Й.К. Тыла, музыка Ф. Шкroupa.

В условиях ограничения общественной и политической активности важная роль досталась чешским историкам. На 1915 г. пришелся вал историографической продукции о Яне Гусе. В этом же году должен был состояться конкурс работ на тему «Ян Гус, его жизнь, сочинения, деятельность и значение», организованный Чешской академией. На призовой фонд в 2 400 крон претендовали церковный историк, профессор Брненской семинарии Ян Эвангелиста Седлак (1871–1924) и команда из двух человек: Вацлава Новотного (1869–1932), профессора Пражского университета, и приват-доцента того же университета Властимила Кибала (1880–1958). Оба, однако, к юбилею не успели: Я.Э. Седлак опубликовал свою содержащую критическую оценку деятельности Яна Гуса¹⁰ работу в конце года, работа Новотного и Кибала, напротив, имевшая апологетический характер, вышла лишь в 1919–1931 гг., премию, однако, им удалось получить «авансом», в 1918 г.¹¹

Отчасти оправдывала опоздание Новотного активная общественная работа, развернутая им в 1915 г. Вместе с искусствоведом Карлом Хитилом (1857–1934) они выступили соавторами «парадной» выставки Чешского музея к 500-летию Яна Гуса, экспонировавшейся с 16 июня по 22 июля 1915 г.¹² Но главным вкладом Новотного в «Гусов юбилей» стала лекция, произнесенная им на торжественном собрании Академического сената Пражского университета 5 июля, также приуроченном к 500-летию со дня казни Яна Гуса. Главным тезисом выступления Новотного было положение о том, что Ян Гус принадлежал к числу «наиболее примечательных людей в мировой истории, величайших сыновей чешского народа», был «самым славным ректором Пражского университета», который своей смертью «открыл дорогу к свободе» для всего человечества¹³.

Вацлав Новотный фактически стал главным действующим лицом «пражского» юбилея Яна Гуса. Но мероприятия проводились не только в Праге и не только в Чехии. Юбилей казни Яна Гуса активно вспоминали и в России, в подчеркнуто антинемецком ключе¹⁴. Однако наибольшее исто-

рическое значение имела речь Томаша Гаррига Масарика (1850–1938), произнесенная 6 июля 1915 г. в Женеве. Если в речи Новотного речь шла об абстрактной свободе мышления и совести, то в речи Масарика речь шла о «свободе чешского народа», за которую бились «Гус, Жижка, Хельчицкий, Коменский». Слова «между чешской идеей и Австрией мир невозможен»¹⁵ стали фактически декларацией войны державе Габсбургов — войны, о которой в те дни не говорили в пражских залах, войны, из которой Т.Г. Масарик вышел победителем.

Примечания

- ¹ О юбилее 1869 г. см.: *Котов В.В.* Ян Гус, гуситы и «соколы»: инструментализация событий XV века чешскими националистами и отзвуки их акций в Российской империи (1862–1916) // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2 (5). С. 111–117.
- ² *Národní listy*. 27.06.1915.
- ³ *Galandauer J.* 6.7.1915 — pomník Mistra Jana Husa: český symbol ze žuly a bronzu. Praha, 2007. S. 6.
- ⁴ *Galandauer J.* Velká česká slavnost se nekonala // *Dějiny a současnost*. 2007. Roč. 29. Č. 12. S. 12.
- ⁵ *Národní listy*. 27.06.1915.
- ⁶ *Lidové noviny*. 06.07.1915.
- ⁷ *Národní listy*. 06.07.1915.
- ⁸ *Ibidem*.
- ⁹ *Národní listy*. 05.07.1915.
- ¹⁰ См.: *Гумадеев Т.В.* Основные тенденции в чешской католической историографии гуситского движения конца XIX — начала XX вв. // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2018. Вып. 13. № 1–2. С. 34–45.
- ¹¹ *Hoffmanová J.* Václav Novotný: Život a dílo univerzitního profesora českých dějin. Praha, 2014. S. 353–356.
- ¹² *Ibid.* S. 241–244.
- ¹³ *Novotný V.* Rektor pražské university M. Jan Hus v historii a ve veřejném mínění své doby. Praha, 1915.
- ¹⁴ См.: *Галямичев А.Н.* 500-летие со дня трагической гибели Яна Гуса и русское общество в годы Первой мировой войны // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2015. № 2. С. 39–42.
- ¹⁵ Masarykova práce: sborník ze spisů, řečí a projevů prvního presidenta československé republiky / red. J.B. Kozák. Praha, 1930. S. 187–190.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.1.07

Прокламация Королевства Польского во время Первой мировой войны в дискурсе немецкой прессы

Александра Александровна Илларионова

Институт общественных наук РАНХиГС,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: aleksandraa.illarionova@gmail.com

Ключевые слова: польский вопрос, Королевство Польское, Германия, Германская империя, немецкая пресса

Proclamation of the Kingdom of Poland in the First World War in German Media discourse

Aleksandra A. Illarionova

Institute for Social Sciences of RANEP, A,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: aleksandraa.illarionova@gmail.com

Keywords: polish question, Kingdom of Poland, German Empire, German media

Тему немецко-польских отношений нельзя считать в достаточной степени изученной, а проблемы, связанные непосредственно с польским вопросом в Германии, все еще слабо освещаются в отечественной историографии. Большой пласт литературы по данной проблематике можно найти в немецкой исторической науке¹.

В 1915 г. Германия и союзники перебросили свои силы с Западного фронта на Восточный с целью вывести Россию из

войны рядом мощных ударов с территорий Восточной Пруссии и Галиции. В результате германского наступления и великого отступления русской армии уже летом Российской империя лишилась своих польских земель. На оккупированных территориях была создана германская оккупационная администрация. Центральные державы придерживались политики, направленной на сохранение стабильности и порядка при одновременном эксплуатировании экономических и людских ресурсов земли в военных целях. Поэтому генерал-губернатор Варшавы Ганс фон Безелер выступал в качестве благосклонного и справедливого главы государства, называя себя «Отцом Отечества»², и основоположника немецко-польской коалиции против России, следовательно, его польская политика принципиально отличалась от репрессивного прусского курса. Защищая в первую очередь германские интересы, он стремился мобилизовать ресурсы бывшего Царства Польского, и для этого было предложено создать независимое польское государство в марионеточном виде, что было поддержано канцлером Бетман-Гольвегом³.

Создание Королевства Польского 5 ноября 1916 г. стало в определенной степени переломным моментом в истории немецко-польских отношений. Их трансформация из внутривосточных в международные отношения не могла не возродить в прусских поляках надежду на такие же изменения и в восточных провинциях⁴. Эти стремления получили мощный импульс после обещания императора Австро-Венгрии Франца Иосифа дать автономию Галиции⁵. Поэтому события 1915–1916 гг. нашли весьма противоречивое отражение в немецкой правой прессе. Консервативная «Кройццайтунг» справедливо отмечала, что для Пруссии складывается опасная ситуация ввиду наличия собственного (внутреннего) польского меньшинства, которое в результате антипольской политики и исключительных законов оказалось изолировано от политической и экономической жизни страны. Ситуация осложнялась тем, что незадолго до создания Королевства Польского юрист и польский политик Владислав Сейда заявил в парламенте, что поляки восточных

провинций никогда не переставали идентифицировать себя с другими представителями польской нации⁶.

Пангерманская газета «Тэглихе Рундшау» представила отчет, который должен был продемонстрировать якобы многократные проступки поляков в прусской армии⁷: так, например, они обвинялись в отставании от немцев в ходе различных военных операций, а также не участвовали в деятельности Красного креста⁸. Досталось и полякам, оставшимся в восточных провинциях Пруссии, которых уличили в скупке и продолжительной парцелляции крупных земельных участков, несмотря на то, что колонизационная деятельность была официально приостановлена на время войны⁹. Такие обвинения, конечно, были безосновательны, однако только так правые газеты могли аргументировать свое мнение о пересмотре прусского внутривосточного курса. Ситуацию усугубляло распространение представлений о «польской опасности» и негативном образе врага в лице поляков, культура и государственность которого сложилась только благодаря немецкой колонизации в Средние века¹⁰.

О создании Королевства Польского Гаката¹¹ высказывалась, как ни парадоксально, очень сдержанно. В первом отзыве, который был опубликован в леволиберальной «Берлинер Тагеблатт», немецкий политик Людвиг Рапцдау выступил хоть и не с прямой критикой, но все же выразил недоверие и заявил о неприемлемости для Германии ситуации, в которой поляки могли бы влиять на политические процессы в стране¹². Также от прусских поляков потребовали отказаться от притязаний на прусские земли, признать превосходство немецкого народа и немецких интересов над польскими и таким образом прекратить национальный конфликт¹³.

Немецкий политик и председатель Свободно-консервативной партии Октавио фон Цедлиц-Нейкирх выступил с не свойственными для правого крыла заявлениями. В своей статье «От чего зависит окончательное решение», опубликованной в ноябре 1916 г. в газете «Ди Пост», он объявил политику новой ориентации (внутренние реформы и новый курс в отношении национальных меньшинств) в Пруссии необхо-

димой мерой и закономерным следствием создания Королевства Польского. По мнению фон Цедлица-Нейкирха, результатом такой политики станет то, что «поляки почувствуют себя настоящими гражданами империи» и будут в большей степени политически ангажированы. Главное условие — отсутствие в восточных провинциях и в соседнем Королевстве Польском антинемецких настроений¹⁴.

В следующей статье Октавио фон Цедлиц-Нейкирх вновь подчеркнул важность исполнения двусторонних обязательств немецкой и польской сторонами и еще раз подтвердил свое мнение о необходимости отмены антипольских законов¹⁵. Предвосхищая упреки в непостоянности политических взглядов, политик указал на изменение внешнеполитической ситуации, которая требовала коррекции внутриполитического курса.

В прессе Партии католического Центра, левых либералов и социал-демократов царило единодушие в том, что результатом создания польского государства станет конец репрессивного курса прусской внутренней политики. Подчеркивалась важность усилий как немцев, так и поляков для завершения национального конфликта¹⁶, требовавших от сторон отбросить старый образ мыслей и развивать взаимные доверительные отношения¹⁷.

В конце 1916 г. в фокусе парламентских дебатов и обсуждений на страницах немецких газет и журналов находилось заявление польской фракции, озвученное польским политиком Тадеушом Стычинским. Создание Королевства Польского получило от фракции сдержанную оценку, но рассматривалось как необходимый начальный этап решения польского вопроса и завершения немецко-польского национального конфликта. Стычинский подтвердил факт национального единения всего польского народа, в связи с чем потребовал отказаться от названия поляков Пруссии «польскоязычными пруссами», так как оно подразумевало «польское национальное отчуждение»¹⁸.

Факт появления независимого, хоть и марионеточного Королевства Польского ознаменовал важную веху в немецко-

польских отношениях, а требования консервативно-национальных партий — переломный момент в дебатах по польской политике Пруссии. Последние участвовали во внутривнутриполитических обсуждениях с опорой на довоенную аргументацию. В результате создания Королевства Польского и сторонники политики примирения, и немецкие правые стремились доказать свои позиции по внутривнутриполитическому польскому вопросу, используя в качестве доводов польское суверенное государство. Первые обратили внимание на политику соглашения и компромиссов со стороны Германии, последние собирали сведения о нависшей над Германской империей польской опасности, в связи с чем они требовали сохранения антипольских мер.

Примечания

- ¹ *Conze W.* Polnische Nation und deutsche Politik im Ersten Weltkrieg. Köln; Graz, 1958. (Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart, 4); *Recke W.* Die polnische Frage als Problem der europäischen Politik. Verlag von Georg Stilke. Berlin, 1927. 399 s.; *Spät R.* Für eine gemeinsame deutsch-polnische Zukunft? Hans Hartwig von Beseler als Generalgouverneur in Polen 1915–1918 // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2009. Bd. 58. N 4. S. 469–500. <https://doi.org/10.25627/20095848966>
- ² *Spät R.* Für eine gemeinsame deutsch-polnische Zukunft? S. 493.
- ³ *Müller S.O.* Nationalismus in Deutschland und Großbritannien im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2002.
- ⁴ *Naumann F.* Die Beurteilung des Manifestes in politischen Kreisen // Berliner Tageblatt. N 569. 06.11.1916.
- ⁵ *Binder H.* Galizien in Wien. Parteien, Wahlen, Fraktionen und Abgeordnete im Übergang zur Massenpolitik. Wien, 2005. (Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie, Bd. XXIX). S. 30, 320–336.; *Idem.* “Galizische Autonomie” — ein streitbarer Begriff und seine Karriere // Moravské vyrovnání z roku 1905 = Der Mährische Ausgleich von 1905 / Hrsg. von L. Fasora. Brno, 2006. S. 239–245, 262–265.
- ⁶ Das Königreich Polen // Kreuzzeitung. N 567. 06.11.1916; Цит. по: *Gasteiger D.* Kuno von Westarp (1864–1945): Parlamentarismus, Monarchismus und Herrschaftsutopien im deutschen Konservatismus. Oldenburg, 2018. S. 76.
- ⁷ Zur Wiederaufrichtung Polens // Kölnische Volkszeitung. № 897. 07.11.1916. Цит. по: *Koszyk K.* Deutsche Pressepolitik im Ersten Weltkrieg. Düsseldorf, 1968. S. 166.
- ⁸ *Tzu-hsin T.* Die Deutsche Ostsiedlung als Ideologie bis zum Ende des Ersten Weltkriegs. Diss. zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie. Universität Kassel. 2009. S. 192.

- ⁹ Einhundertachtzehnte Kriegswoche // Tägliche Rundschau. N 576. 06.11.1916. Цит. по: *Gerlach H.V.* Der Zusammenbruch der deutschen Polenpolitik. Verlag Neues Vaterland. Berlin, 1919. S. 10–11.
- ¹⁰ *Prof. Kranz.* Aus Preußens Ostmark // Die Grenzboten. 1916. Jg. 75. S. 5–12; *Chlapowski S.* Zur Ansiedlungsfrage: eine Polemik mit dem Vorsitzenden des Ostmarkenvereins Herrn v. Tiedemann-Seeheim. Berlin, 1918.
- ¹¹ Союз восточных провинций был создан тремя немецкими землевладельцами Ганземаном, Кеннеманом и Тидеманом (Hansemann, Kennemann, Tiedemann), в польской историографии этот союз известен под названием «ГКТ» (польск. НКТ), автор использует русифицированное наименование «Гаката».
- ¹² *Naumann F.* Die Beurteilung des Manifestes in politischen Kreisen // Berliner Tageblatt. N 569. 06.11.1916.
- ¹³ Frankfurter Zeitung vom 11.11.1916, zweites Morgenblatt.
- ¹⁴ *Von Zedlitz und Neukirch O.* Wovon das Endurteil abhängt // Die Post. N 56. 06.11.1916. Bl. 6.
- ¹⁵ *Von Zedlitz und Neukirch O.* Zur Lösung der Polenfrage // Der Tag. 06.11.1916.
- ¹⁶ Frankfurter Zeitung. 06.11.1916. Abendblatt; *Resurrectio Poloniae* // Kölnische Volkszeitung. N 892. 06.11.1916; Die Reichspartei und die Polenfrage // Vorwärts. 07.11.1916.
- ¹⁷ Zur Wiederaufrichtung Polens // Kölnische Volkszeitung. N 897. 07.11.1916; Frankfurter Zeitung. 08.11.1916, Abendblatt.
- ¹⁸ Antrag der Abgeordneten v. Trampczyński und Genossen vom 29. Februar 1916 // Sammlung der Drucksachen des Preußischen Hauses der Abgeordneten. N 129. S. 1198. Vgl. *Styczyński* Begründung des Antrags. Stenographische Berichte. Sitz. V. 1.3.1916. S. 1178.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.1.08

К вопросу о деятельности Православного церковного совета во Второй Речи Посполитой (1919–1921 гг.)

Анастасия Александровна Чибисова

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: aachibisova@mail.ru

Ключевые слова: православная церковь в Польше, автокефалия, Православный церковный совет, Владимир (Тихоницкий), Георгий (Ярошевский)

On the question of activity of Orthodox Church Council in the Second Polish Republic (1919–1921)

Anastasiya A. Chibisova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: aachibisova@mail.ru

Keywords: Orthodox Church in Poland, autocephaly, Orthodox Church Council, Vladimir (Tikhonitsky), George (Yaroshevsky)

В начальный период обретения поляками независимости — на момент образования Второй Речи Посполитой — жизнь православной церкви в Польше была полностью расстроена. Координирование церковной деятельности и религиозных вопросов пришлось взять на себя Русскому комитету, который был создан 2 января 1919 г. по инициативе группы российских активистов-эмигрантов в Польше. С согласия общего собрания прихожан Варшавы 1 июня 1919 г. для налаживания приходской жизни города Русским комитетом была сформирована особая церковная комиссия под председательством Ю.Я. Соловьева, которая была утверждена и официально признана Министерством религиозных исповеданий и народного образования (МРИиНО) на правах церковно-приходского попечительства¹. Вскоре комиссия расширила свою компетенцию и стала фактически руководить жизнью православной церкви всей страны, вследствие чего была переименована в Православный церковный совет (ПЦС).

Деятельность ПЦС не являлась предметом специального исследования ни в российской, ни в польской историографии. Вместе с тем документы Архива новых актов в Варшаве, Государственного архива Российской Федерации, а также материалы прессы позволяют пролить свет на некоторые аспекты деятельности этой эмигрантской организации в Польше.

Существование ПЦС пришлось на 1919–1921 гг. — то есть на то время, когда Польская православная церковь переживала структурные и кадровые изменения, а польское правительство приступило к реализации плана по реорганизации православной церкви на автокефальных началах с целью выведения ее из-под юрисдикции Московского патриархата. В указанный период ПЦС сыграл ключевую роль в принятии двух важнейших решений, повлиявших на историю Польской православной церкви в начале 1920-х гг.: в определении канонической юрисдикции Варшавской и Холмской епархий, лишенных после Первой мировой войны высшего управления, и в зарождении антиавтокефального движения во Второй Речи Посполитой.

В мае 1920 г. Соловьев выступил посредником в переговорах между польскими властями и православными епископами, проживающими в границах польского государства². В ходе переговоров обсуждался вопрос о передаче указанных выше епархий под временную юрисдикцию епископа Белостокского Владимира (Тихоницкого). Однако в связи с быстро менявшейся обстановкой на польско-советском фронте³ вопрос о назначении епископа пришлось отложить до осени, когда началось согласование окончательных условий мирного договора, который должен был закрепить восточные районы с преимущественно православным населением в составе польского государства. В итоге назначение епископа Владимира фактически пролоббировал ПЦС, с которым владыка имел тесные контакты⁴. В письме к министру исповеданий от 12 ноября 1920 г. член правления ПЦС Н.С. Серебренников напомнил о прошедших в мае переговорах и просил поскорее передать под управление епископу Владимиру Варшавскую и Холмскую епархии⁵. Спустя несколько дней после письма Серебренникова, 17 ноября 1920 г., Министерство исповеданий направило владыке уведомление о его новом назначении при условии согласия с требованиями МРИиНО, представленными в протоколе переговоров, прошедших в мае⁶.

Именно епископ Владимир рассматривался польским правительством как удачная кандидатура на пост будуще-

го предстоятеля автокефальной польской церкви, однако он этих надежд не оправдал и достаточно быстро был заменен более лояльным в отношении к властям бывшим архиепископом Минским Георгием (Ярошевским). С осени 1921 г. архиепископ Георгий в союзе с польским правительством приступил к реализации проекта автокефалии. Часть православного епископата и православная общественность Польши не поддерживали их устремлений, и первым против автокефалии выступил ПЦС. По его инициативе в августе 1921 г. в Варшаве должен был состояться съезд представителей православных приходов, однако правительство не дало своего разрешения на проведение съезда⁷. Выборы делегатов съезда тем не менее состоялись⁸, однако провести его пришлось неофициально. Прибывшие 8 сентября 1921 г. в Варшаву делегаты собрались на частное совещание, на котором высказались против идеи польской автокефалии: «...собравшиеся как представители всего православного населения, проживающего на территории Польши, иначе не мыслят себе православной церкви в Польше, как нераздельной частью единой всероссийской церкви, возглавляемой святейшим патриархом московским Тихоном»⁹. Это было первое заявление православных верующих против процесса автокефализации польской церкви. На следующий день Серебренников передал архиепископу Георгию мнение участников совещания. Архиепископ с глубоким возмущением (по словам Серебренникова) ответил, что участники съезда не могут касаться вопроса об автокефалии как канонического, не подлежащего их компетенции¹⁰. Пользуясь своим правом епархиального архиерея в пределах Варшавской и Холмской епархий, архиепископ декретом от 28 октября 1921 г. закрыл ПЦС, а декретом от 9 декабря 1921 г. запретил его деятельность на территории польского государства как надъепархиальной легальной организации¹¹.

Таким образом, следует отметить, что с одной стороны ПЦС обладал в польском государстве большим влиянием на правительство и нравственным авторитетом¹². С другой стороны, нежелание ПЦС сотрудничать в вопросе введения

автокефалии польской церкви не позволило ему просуществовать длительное время, так как после 1921 г., когда процесс ее получения вступил в активную фазу, его деятельность была прекращена.

Примечания

- ¹ Обзор деятельности Русского комитета в Варшаве со дня его основания 2 января 1919 г. по 15 ноября 1920 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 5802. Оп. 1. Д. 1497. Л. 4об.
- ² Pismo MWRiOP Pana Przedstawiciela Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich w Warszawie (06.05.1920) // Archiwum Akt Nowych (далее — AAN). Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego (далее — MWRiOP). Sygn. 999. K. 441; Pismo MWRiOP w sprawie zjazdu biskupów prawosławnych w Wilnie (06.05.1920) // AAN. MWRiOP. Sygn. 999. K. 431.
- ³ Подробнее см.: *Михутина И.В.* Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994.
- ⁴ Pismo Komitetu Rosyjskiego w Warszawie (09.07.1919) // AAN. MWRiOP. Sygn. 1027. K. 212.
- ⁵ Pismo M. Serebrenikowa do Pana Ministra WRiOP // AAN. MWRiOP. Sygn. 1027. K. 220. В январе 1921 г. предположительно Н.С. Серебренников в письме к председателю Русского комитета с удовлетворением отмечал, что епископ Владимир признан главою Варшавской, Холмской и Гродненской епархий благодаря усиленным ходатайствам со стороны ПЦС (Письмо Н.С. Серебренникова Председателю Русского эвакуационного Комитета в Польше (январь 1921) // AAN. Komitet Rosyjski w Polsce. Sygn. 13. K. 6, 8.
- ⁶ Protokół narady o sprawach cerkwi prawosławnej w granicach Rzeczypospolitej Polskiej, która odbyła się w Wilnie dnia 24 maja 1920 roku // AAN. MWRiOP. Sygn. 1027. K. 225.
- ⁷ Memorjał Sejmu Ustawodawczego w sprawie prawosławnej cerkwi (15.02.1922) // AAN. MWRiOP. Sygn. 960. K. 115.
- ⁸ Ibidem.
- ⁹ Доклад представителей православных приходов в Польше председателю правления Церковного совета в Польше Н.С. Серебренникову // ГА РФ. Ф. 5999. Оп. 1. Д. 7. Л. 19.
- ¹⁰ Там же. Л. 19об.
- ¹¹ Письмо Варшавской столичной православной духовной консистории Н.С. Серебренникову (01.11.1921) // ГА РФ. Ф. 5999. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.
- ¹² О реальной силе ПЦС свидетельствует также тот факт, что уже в августе 1919 г. он добился освобождения из польского плена заточенных в католическом монастыре Камедулов под Краковом русских архипастырей: митрополита Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого), архиепископа Волынского и Житомирского Евлогия (Георгиевского) и епископа Чигиринского, викария Киевской епархии Никодима (Короткова). См.: Обзор деятельности Русского комитета в Варшаве... // ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 1497. Л. 5об.

РОССИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНЕ: БОРЬБА ИДЕЙ

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.1.09

Польско-литовская литературная пропаганда периода Смутного времени: к вопросу периодизации

Игорь Александрович Прохоренков

Российская национальная библиотека,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: ocelot_a@mail.ru

Ключевые слова: Смутное время, история польской литературы, пропаганда, история русско-польских отношений

The Polish-Lithuanian literary propaganda during the Time of Troubles: the issue of periodization

Igor' A. Prohorenkov

The National Library of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: ocelot_a@mail.ru

Keywords: Time of Troubles, history of Polish literature, propaganda, history of Russian-Polish relations

История сосуществования Речи Посполитой и Московского царства в XVI–XVII вв. являет нам весь спектр дипломатических отношений между государствами: от непримиримых войн до проектов уний, предполагавших последующее

образование единого политического организма¹. Во внешнеполитической доктрине польско-литовской республики мотивы войны, подчинения и колонизации России рука об руку шли с проектами мира, союза и объединения с ней же. От актуальной политической обстановки в восточноевропейском регионе зависело, какой конкретно мотив выступал на передний план.

Смутное время, ставшее переломным историческим периодом для России, также значительно затронуло всех ее соседей. Отношение польско-литовского общества к разыгравшимся на их глазах драматическим событиям в Московском государстве изменялось на протяжении всей Смуты. Этот процесс удалось не только запечатлеть, но и даже направить в выгодное для королевской канцелярии русло поэтам и писателям Речи Посполитой. Мы предлагаем вниманию читателей нашу схему периодизации русско-польских отношений в период Смуты, сущностно базирующуюся на анализе литературных произведений злободневного и пропагандистского характера, изданных на территории Речи Посполитой.

Первая «дмитриада» и надежды на унию (1604–1606).

Вступлению польско-литовского отряда Лжедмитрия I в пределы Московского государства предшествовал длительный период поиска дипломатического компромисса. Череда польских бескоролевий, элекция 1587 г. и мирные переговоры 1590–1591 гг. послужили плодородной почвой, на которой рождались разнообразные интеграционные проекты. В 1600–1601 гг. в Москве проходила работа посольства Льва Сапегы, в рамках которого в последний раз перед событиями Смуты обсуждалась возможность унии между Россией и Речью Посполитой². Составленная по этому поводу дипломатом Гелиашем Пельгримовским поэма³ была наполнена глубоким пессимизмом. По мнению автора, мирного компромисса с Москвой никогда не удастся достичь, поэтому будущее двух государств будет решаться на полях сражений.

Успешность военной экспедиция Лжедмитрия I, казалось бы, подтвердила представления Пельгримовского. В Речи Посполитой с 1604 по 1606 г. было издано множество про-

изведений пропагандистского характера, призывающих добровольцев собираться под знаменами «царевича Дмитрия». Наиболее ярко это направление в литературе Речи Посполитой иллюстрирует т.н. «московская трилогия»⁴ Яна Жабчица.

События, общественные настроения и ожидания от первой «дмитриады» нашли комплексное отображение в стихотворном сборнике Станислава Гроховского⁵ и поэме Яна Юрковского⁶. Брак Дмитрия и Марины Мнишек интерпретировался поэтами как торжество унии, в рамках которой объединенные народы могли бы бросить вызов их истинным врагам: шведам и туркам.

Эскалация антимосковских настроений (1606–1609). Убийство Лжедмитрия I в Москве в мае 1606 г. перечеркнуло все надежды на мирное объединение государств. В злободневной литературе звучали как призывы к немедленному отмщению погибших на свадьбе лжецаревича Дмитрия и Марины Мнишек гостей, так и раздавались голоса противников интервенции⁷. К моменту официального объявления войны Речью Посполитой России количественно в литературном поле преобладали именно сторонники военной кампании Сигизмунда III. Картину последовательного нарастания антимосковских настроений можно проследить, если обратиться к изданным в указанный период трудам Себастьяна Лиффтеля⁸ и Себастьяна Петрици⁹. Особенно ярко звучала антироссийская полемика в произведениях Павла Пальчовского. В поэме *Kołąda moskiewska*¹⁰ автор сравнивал миссию польско-литовского рыцарства в России с действиями конкистадоров в Новом Свете¹¹.

Триумф польского оружия (1609–1613). Центральным сюжетом для польско-литовской литературы пропагандистского характера в обозначенные годы стала успешная осада Смоленска королевскими войсками. С 1611-го по 1612 г. было издано около 20 поэм, посвященных взятию Смоленска¹². По случаю отвоевания города-крепости, который считался неприступным, король Сигизмунд III устроил четыре триумфа в Речи Посполитой: в Кракове, Вильне, Варшаве и По-

знани¹³. Пропагандистская кампания активно продвигала идею тождественности взятия Смоленска и полной победы в войне. Как считалось, вместе с этим городом к ногам короля пала и вся Москва. Вплоть до изгнания польского гарнизона из Московского Кремля «триумф» как специфичный жанр литературы пользовался наибольшей популярностью среди авторов-панегиристов, описывавших актуальные события в России¹⁴.

Затухание триумфальных мотивов (1613–1618). Освобождение Москвы Вторым народным ополчением прервало череду польских триумфов. Это не сразу было осознано польско-литовским обществом: хронологически в литературе инерция по интерпретации действий войск Речи Посполитой как блестящих военных успехов сохранилась вплоть до Деулинского перемирия, однако мотив быстрого подчинения Москвы из текстов постепенно исчез¹⁵. Событийно произведения наполнилась новыми сюжетами, такими как рейд Лисовского и поход королевича Владислава на Москву.

После 1618 г. интерес к новостям из России никуда не пропал из злободневных произведений: эхо событий Смутного времени долго звучало в литературе Речи Посполитой. К начавшейся в 1632 г. Смоленской войне память о тех событиях актуализировалась, что вдохнуло новую жизнь в образы и символы русско-польской войны 1609–1618 гг.

Примечания

- ¹ *Maciszewski J.* Polska a Moskwa. 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968. S. 83–87.
- ² *Gajda M.* Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie w latach 1600–1601 w świetle polskich relacji dyplomatycznych oraz relacji Izaaka Massy i Jacques’a Margereta // *Piotrkowskie Zeszyty Historyczne.* 2001. № 12/1. С. 124.
- ³ *Pielgrzymowski E.* Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą, Poselstwo do Zygmunta Trzeciego / wydał i opracował R. Krzywy. Warszawa, 2010.
- ⁴ *Żabczyc J.* Mars moskiewski krwawy. Kraków, 1605; *Żabczyc J.* Pośel moskiewski. Kraków, 1605; *Żabczyc J.* Żegnanie ojczyzny możnej cesarzowej moskiewskiej. Kraków, 1606.
- ⁵ *Grochowski St.* Piesni na fest ućieszny wielkim dwiema narodom polskiemu y moskiewskiemu... do slawy tegoz wielkiego cara sluzacych. Kraków, 1606.

- ⁶ Hymenaeus niaśniejsze[go] monarchy Dymitra Iwanowica. Kraków, 1605.
- ⁷ *Budzyńska-Daca A.* O cudownym rozmnożeniu Dymitrów, czyli retoryka wielkiej mistyfikacji // *Napis*. 2006. Seria XII. S. 158.
- ⁸ *Liffel S.* Gody moskiewskie tamże na Moskwi opisane. Kraków, 1607.
- ⁹ *Petrycy S.* Horatius Flaccus w trudach więzienia moskiewskiego na utulenie żalów... w liryckich pieśniach zawarty. Kraków, 1609.
- ¹⁰ *Palczowski P.* Kolęda moskiewska. To jest, Woyny Moskiewskiej, Przyczyny Sluszne, Okazyu pozadana... Kraków, 1609.
- ¹¹ *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. С. 270.
- ¹² *Oszczęda A.* Tryumfy smoleńskie. Propagandowe treści wierszy triumfalnych z 1611 roku // *Hołd carów Szujskich / pod red. J.A. Chrościckiego*. Warszawa, 2012. S. 71.
- ¹³ *Chrościcki J.A.* Sztuka i polityka: funkcje propagandowe sztuki w epoce Wazów 1587–1668. Warszawa, 1983. S. 73.
- ¹⁴ См., например: *Tryumf niezwycciónemu monarsze Zygmuntowi III*. Kraków, 1611; *Chlebowski W.* Tryumf radosny wszystkich obywatelów koronnych i Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kraków, 1611; *Krajewski J.* Tryumf Poznański. Poznań, 1611; *Radawski A.* Victoria de Moscho Sigismundi III, rege maximo, triumphatore regnate relata. Cracoviae, 1611.
- ¹⁵ См., например: *Stanisławski J.* Wojna moskiewska. [b.m.], 1613; *Dusza-Podhorecki J.* Nemezis kraju północnego. Zamość, 1614; *Krajewski J.* Chronologia wojny moskiewskiej... pilnie opisana 1615. Kraków, [1615].

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.1.10

«Славянство» как мировоззренческая категория в творчестве казачьего историка- любителя В.М. Пудава

Артем Юрьевич Перетяtko

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Ключевые слова: славянство, донское казачество, историография, В.М. Пудавов

“Slavdom” as the Worldview Category in the Works of the Cossack Amateur Historian V.M. Pudavov

Artyom Yu. Peretyatko

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Keywords: Slavdom, Don Cossacks, historiography, V.M. Pudavov

В XIX в. для донских казаков был характерен интерес к прошлому, апелляция к традиционным идеалам. Любопытно, что даже председатель одной из немногих правительственных комиссий, в которую были допущены выборные от станиц, генерал Н.А. Маслаковец, в 1899 г. жаловался, что «...казак на Дону слишком, быть может, долго увлекался красотами таких былин (о своем славном прошлом. — А. П.)»¹. В результате в казачьем сообществе сформировался запрос на создание истории Донского Войска, но научных центров в регионе не было, а попытки привлечь к написанию таких нарративов профессиональных историков не увенчались успехом (самая серьезная из подобных попыток предпринималась в 1877 г., когда местный краевед А.А. Карасев с разрешения войскового атамана вел переговоры с Н.И. Костомаровым²). Освещать различные сюжеты казачьего прошлого пытались местные чиновники и офицеры, многочисленные тексты которых дошли до наших дней лишь частично. Обычно донская любительская историография XIX в. изучается специалистами по истории казачества. Однако она интересна также с точки зрения эволюции исторической науки и общественной мысли в России, поскольку отражает воззрения непрофессиональной, но образованной и патриотически настроенной прослойки на проблемы региональной истории и методы исторической науки.

В связи с этим внимания заслуживают личность и труды одного из первых донских историков — полковника В.М. Пудавова. Его творчество занимает особое место в донской историографии. Позднейшие донские авторы упоминали В.М. Пудавова редко, зачастую в качестве объекта критики (например, один из первых профессиональных историков казачьего происхождения П.П. Сахаров в начале XX в. назвал одну из его работ «напыщенно-ораторским произведением»³). По мнению авторитетного специалиста по донской историографии профессора Н.А. Мининкова, творчество В.М. Пудавова было «примером использования автором знания донской истории для [...] грандиозных философских построений»⁴. Фактически В.М. Пудавов был единственным, в творчестве которого центральное место занимала оригинально трактуемая идея «славянства», причем для него «славянство» выступало не столько этнической, сколько мировоззренческой категорией. Показательно, что за несколько лет до смерти В.М. Пудавова гораздо более известный казачий историк — кубанец И.Д. Попко — так описал значение творчества своего старшего современника для историографии казачества: «Вот основная мысль его исследования. В области древне-европейской цивилизации господствуют два противоположные мирозерцания: греческо-римское и славянское. [...]. Казачество — крайнее выражение славянского мирозерцания»⁵.

В.М. Пудавов не имел не только профессионального исторического, но и высшего образования вообще: он родился в 1804 г., окончил четырехклассную гимназию в Новочеркасске и с 1819 г. до самой своей смерти в 1863 г. занимал различные должности в гражданском управлении Войска Донского⁶. Большая часть его произведений при жизни оставалась в рукописях, частично опубликованных в 1890-е гг. по инициативе сына историка⁷. Таким образом, В.М. Пудавов был именно чиновником, в свободное время занятым историческими изысканиями, и о каких-либо личных его связях с российскими славянофилами и деятелями славянского движения неизвестно. Его специфические представ-

ления о «славянстве» были, судя по всему, оригинальными. Собственные взгляды на исторические судьбы славянских народов В.М. Пудавов наиболее полно изложил в первой главе своей главной книги «История войска Донского и старобытность начал казачества» (1890). В ней много ссылок на достаточно бессистемно подобранные источники информации (от Лаврентьевской летописи до «Журнала Министерства народного просвещения» и от трудов Н.М. Карамзина до «Христианского чтения»)⁸. Однако упоминаний произведений классиков русского славянофильства и славянского движения в этой главе нет, зато несколько раз встречаются ссылки на «Славянский сборник» ныне почти забытого Н.В. Савельева-Ростиславича⁹.

Так каким же, в самых общих чертах, был взгляд В.М. Пудавова на «славянство»? К сожалению, его творчество отличалось напыщенностью стиля и метафоричностью формулировок, что сильно затрудняет точную реконструкцию идей автора. Во всяком случае, в трудах В.М. Пудавова понятия «Восток Европы»¹⁰ и «славяно-русский мир»¹¹ выступали как синонимы. При этом Восток Европы противопоставлялся Западу в рамках того различия греко-римского и славянского мирозерцаний, которое считал принципиальным для творчества В.М. Пудавова И.Д. Попко. Европейский Запад позиционировался В.М. Пудавовым как «царство реального эгоистического духа», основанного на рациональном мышлении, а славянский Восток выступал «царством мира и любви», основанным на этическом нравовании¹². Важнейшим же процессом мировой истории, необходимым для «возведения человечества в христианский возраст», В.М. Пудавов считал именно борьбу Запада и Востока Европы, трактуемую как борьба «мышления» и «верования»¹³. Кроме того, В.М. Пудавов был знаком со средневековыми представлениями о происхождении славян от скифов и сарматов (он ссылался на работы одного из последних сторонников этой гипотезы, С. Богуш-Сестренцевича¹⁴) и считал скифов не просто древними предками славян, но и первыми исторически достоверными носителями идеи «славянства»¹⁵. В.М. Пудавов

пытался противопоставлять даже западную и славянскую науки, доказывая, что русским ученым пора отказаться от методов западной рациональной научной критики и создать взамен «историческую критику, согласную с преданием», чтобы написать «историю, достойную народа русского»¹⁶.

Идеи В.М. Пудавова, отличавшиеся от трудов других донских авторов глобальностью построений и фантастичностью, как нам кажется, имеют некоторое сходство со взглядами некоторых русских ученых первой половины XIX в., например, Ю.И. Венелина, считавшего уже Аттилу «русским царем»¹⁷. Наследие донского автора показывает, как представления о славянстве могли трансформироваться в представлениях не слишком хорошо образованного провинциального чиновника. Именно в таком — мировоззренческом — контексте книги В.М. Пудавова, не содержавшие ни новых фактов, ни научно обоснованных теорий, представляют собой интереснейший исторический источник.

Примечания

- ¹ *Маслаковец Н.А.* Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донецкого. Новочеркасск, 1899. С. 6.
- ² *Карасев А.А.* История донской истории // Русский архив. 1898. № 12. С. 593–599.
- ³ *Мининков Н.А.* Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века // Терминология исторической науки. Историописание / отв. ред. М.С. Бобкова, С.Г. Мереминский. М., 2010. С. 266–285.
- ⁴ Там же. С. 266–285.
- ⁵ Есаул. Старый Черкасск // Военный сборник. 1861. № 11–12. С. 485.
- ⁶ *Пудавов М.В.* Предисловие // *Пудавов В.М.* История войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890. С. VII–X.
- ⁷ *Савчук Г.В.* Василий Михайлович Пудавов — забытый историк донского казачества // Донской временник. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 12. С. 159–165.
- ⁸ *Пудавов В.М.* История войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890. С. 36–39.
- ⁹ Там же. С. 6, 15, 22, 27.
- ¹⁰ Там же. С. 87.
- ¹¹ *Пудавов В.М.* Взгляд на основные начала Донского края. Новочеркасск, 1895. С. 11.

- ¹² Пудавов В.М. История войска Донского... С. 87.
- ¹³ Там же. С. 87.
- ¹⁴ Там же. С. 71–72.
- ¹⁵ Там же. С. 87.
- ¹⁶ Там же. С. 91.
- ¹⁷ Касаткин К.А. Болгария в идеологии «русского» панславизма (1820–1870-е гг.) // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 13–14 октября 2020 г. / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М., 2020. С. 28.

ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ XX в. ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИКИ И АРХИВОВ

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.1.11

Евреи Варшавы и городская система здравоохранения в начале XX в. (по материалам идишеязычной газеты «Хайнт» 1908–1909 гг.)

Ася Леонидовна Лейдерман

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: leiderman.asya@yandex.ru

Ключевые слова: евреи в Польше, Варшава, польско-еврейские отношения, медицина, реклама, пресса на идиш

Interaction between Poles and Jews within the framework of the Warsaw healthcare system based on the materials of the Jewish newspaper in Yiddish “Haynt” (1908–1909)

Asia L. Leyderman

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: leiderman.asya@yandex.ru

Keywords: Jews in Poland, Warsaw, Polish-Jewish relations, medicine, advertising, Yiddish press

Медицина — это та сфера повседневной жизни, которая неизбежно касалась всех жителей Варшавы начала XX в. В нашей работе, написанной по материалам газеты на идиш

«Хайнт», представлен еврейский взгляд на городскую систему здравоохранения. В 1908–1909 гг. «Хайнт» был самой популярной ежедневной газетой на идиш (тираж достигал 100 тыс. экземпляров) и оказывал значимое влияние на общественное мнение евреев Варшавы. «Хайнт» нередко называют революцией в мире еврейской прессы¹. Цель нашего исследования заключается в том, чтобы определить, сложилась ли в Варшаве специфически еврейская система здравоохранения или же она функционировала в рамках общегородской. Задачи исследования состоят в том, чтобы 1) выделить элементы системы здравоохранения, которые были доступны варшавским евреям, 2) охарактеризовать польско-еврейское взаимодействие в рамках варшавской системы здравоохранения, 3) определить, какую роль играла национальность врача в его профессиональной деятельности.

В своем исследовании мы опирались как на работы, непосредственно связанные с историей еврейской медицины в Польше, так и на обобщающие труды, дающие представление о развитии «Хайнта» и еврейской печати на идише в указанный период. К первой группе можно отнести: статью Марка Тушевицкого, посвященную изучению медицинской прессы на идиш в довоенный период²; доклад Анеты Болдырев о сотрудничестве польских и еврейских врачей в сфере популяризации медицинских знаний на рубеже XIX–XX вв.³; и статью Кристиана Кройдер-Зоннен, в которой автор исследует, как эпидемия холеры изменила восприятие еврейских врачей и еврейского тела на биологическом уровне⁴. Ко второй группе работ, посвященной изучению феномена прессы на идиш и специфике «Хайнта», можно причислить статью Иоанны Налевайко-Куликов об эволюции идишеязычной прессы⁵, а также второй том монографии А. Полонского⁶, в которой феномен возникновения и развития идишеязычной прессы изучается в контексте общего изменения положения евреев.

Варшавскую систему здравоохранения, прежде всего, составляли больницы, которые, по материалам «Хайнта», можно разделить на еврейские и христианские. Естественно,

в еврейской газете больше писали о еврейских госпиталях и, как ни странно, о них писали только самое плохое. Что неудивительно, ведь статьи «Хайнта» основывались на историях читателей, которые обращались в редакцию в основном в тех случаях, когда были чем-то недовольны. Кто же будет сообщать журналистам о том, как удачно сходил к врачу? Евреи обращались в газету, чтобы жаловаться, а не хвастаться. Поэтому практически вся информация о еврейских больницах на страницах «Хайнта» имеет негативный или даже скандальный оттенок. Так, на одной из первых полос газеты еврейская больница даже выступает как обитель антисемитизма, откуда старого еврея, пришедшего навестить дочь, выгоняют с криками «Убирайся, жид!»⁷.

Похожие истории были не редкостью. В нескольких ноябрьских номерах газеты смакуется случай, произошедший с некой вдовой Гольдштейн, умершему мужу которой без ее ведома сделали вскрытие, что противоречит законам иудаизма. Женщина обратилась в редакцию «Хайнта», и журналисты начали расследование, опрашивая медицинский персонал с целью найти виновных⁸. В ходе поиска истины репортер дошел даже до врача христианской больницы. Его опрашивали на тему этической стороны применения вскрытия. Врач рассказал, что христианские больницы придерживаются т.н. «морального кодекса» и относятся очень уважительно к еврейским религиозным законам, отпуская умирающих по их просьбе домой⁹. Примечательно, что в данной истории именно христианский врач является одним из немногих положительных персонажей.

Еврейские госпитали были популярны прежде всего у набожных евреев, которые, по оценкам «Хайнта», составляли до 90% всех содержащихся там больных. Они боялись обращаться в христианский госпиталь из страха, что в случае смерти их тело не смогут похоронить по еврейскому закону¹⁰. Более ассимилированные и секуляризированные евреи могли обращаться к христианским врачам.

Важным элементом варшавской системы здравоохранения была частная медицинская практика. На рекламных

страницах «Хайнта» публиковалось множество врачебных объявлений, где могла содержаться информация о том, где и во сколько тот или иной специалист ведет прием, о том, что он переехал по новому адресу, вернулся в Варшаву из отпуска и т.д. Здесь можно было найти врачей самых разных специальностей, от окулиста до венеролога. Врачебные объявления регулярно повторялись, так что человек, в первый раз купивший «Хайнт», с большой долей вероятности мог найти интересующего его специалиста. Реклама в газете была нацелена на модернизированную, но в то же время традиционную варшавскую аудиторию обоих полов¹¹.

Большая часть врачебных объявлений в «Хайнте» — от еврейских врачей, однако это большинство не подавляющее. В газете регулярно встречается реклама польских и русских врачей. Иногда объявления даются сразу на нескольких языках, например, фамилия врача на польском, а остальное на идише. Вероятно, это можно связать с тем, что вывески и названия улиц в Варшаве были написаны на польском. Фамилии на польском могут быть как еврейские, так и польские, и наоборот — польские врачи давали объявления на идиш. Врачи нередко подавали объявления одновременно в польские и еврейские газеты¹².

Феномен многоязычия именно медицинской рекламы многое говорит о тесном характере польско-еврейских контактов. Ведь пациент должен доверять врачу и его профессиональным навыкам и легко изъясняться с ним на одном языке. Судя по обилию объявлений польских врачей в самой крупной еврейской газете, многие евреи ходили к польским врачам, иначе те не тратили бы деньги на рекламу, если бы не рассчитывали найти с ее помощью клиентов.

Еврейские врачи составляли важную часть польского медицинского сообщества и тесно сотрудничали с польскими коллегами: состояли в научных обществах, публиковались в профессиональных изданиях¹³. Религия не играла большой роли в структуре медицинского сообщества Варшавы, еврейские врачи не имели собственной организации и входили в «Варшавское сообщество врачей» (правда, в связи с нараста-

нием антисемитизма вход еврейских врачей был запрещен с 1907 г.)¹⁴. Это неудивительно, ведь польские и еврейские врачи проходили одинаковые этапы обучения и имели схожие возможности для трудоустройства после него: еврейские врачи могли устроиться в христианскую больницу и наоборот. К тому же получение высшего образования чаще всего означало разрыв с традиционной средой и ассимиляцию¹⁵.

Таким образом, анализ статей и рекламных объявлений в «Хайнте» не дает оснований говорить о существовании в Варшаве отдельной системы здравоохранения. Напротив, между поляками и евреями в Варшаве в начале XX в. происходило активное бытовое взаимодействие, проявлявшееся в различных сферах жизни, в том числе в медицине. На страницах «Хайнта» можно найти много информации о тех ступенях, из которых складывалась варшавская система здравоохранения: еврейских и христианских больниц и врачей, занимающихся частной практикой, которые искали через газету новых клиентов. Анализ рекламных объявлений, значительную часть которых составляли объявления польских врачей, показывает, как тесны были польско-еврейские контакты, если евреи Варшавы готовы были пользоваться услугами польских врачей и доверять им самое главное — свое здоровье.

Примечания

- ¹ *Nalewajko-Kulikow J.* “Who Has Not Wanted To Be an Editor?”. *The Yiddish Press in the Kingdom of Poland, 1905–1914* // *Polin. Studies in Polish Jewry* / ed. by G. Dynner et al. Liverpool, 2015. Vol. 27: Jews in the Kingdom of Poland, 1815–1918. S. 283. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1hm8j64>
- ² *Tuszewicki M.* Giving Tshuve to the sick: correspondence columns of the Yiddish medical press in Poland // *Science in Context*. 2019. Vol. 32. Issue 1: Scientific Medicine and the Politics of Public Health: Minorities in Interwar Eastern Europe. S. 25–41. <https://doi.org/10.1017/S0269889719000024>
- ³ *Botdyrew A.* Współpraca lekarzy polskich i żydowskich na niwie popularyzacji wiedzy i działalności społecznej w Królestwie Polskim na przełomie XIX i XX w. // 15th International Conference of the German-Polish Society for the History of Medicine. Conference abstracts. S. 14–16. URL: <https://docplayer.pl/2886445-Conference-abstracts-15-th-international-conference-of-the-german-polish-society-for-the-history-of-medicine.html> (дата обращения: 25.05.2022).

- ⁴ *Kreuder-Sonnen K.* Jewish Bodies and Jewish Doctors During the Cholera Years of the Polish Kingdom // *Jewish Medicine and Healthcare in Central Eastern Europe. Shared Identities, Entangled Histories* / editor-in-chief M. Moskalewicz. Cham, 2019. S. 79–97. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-92480-9>
- ⁵ *Nalewajko-Kulikov J.* “Who Has Not Wanted To Be an Editor?” S. 273–304.
- ⁶ *Polonsky A.* The Jews in Poland and Russia. London; Liverpool, 2019. Vol. 2: 1881 to 1914. S. 509.
- ⁷ Haynt. № 198. 14.09.1908. S. 1.
- ⁸ Haynt. № 253. 23.11.1908. S. 3.
- ⁹ Haynt. № 254. 24.11.1908. S. 3.
- ¹⁰ Ibidem.
- ¹¹ The Jews in Poland and Russia. Vol. 2. S. 384.
- ¹² *Tuszewicki M.* Giving Tshuve to the sick... S. 27.
- ¹³ *Bołdyrew A.* Współpraca lekarzy polskich i żydowskich... S. 14.
- ¹⁴ *Kreuder-Sonnen K.* Jewish Bodies... S. 88.
- ¹⁵ Ibid. S. 89.

ЮГОСЛАВИЯ И ЕЕ СТРАНЫ-НАСЛЕДНИЦЫ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ XX – НАЧАЛА XXI в.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.1.12

Проблема функционирования наднациональной структуры управления Боснии и Герцеговины в контексте интересов России на Балканах на рубеже XX–XXI вв.

Денис Павлович Ерёмин

Институт Европы Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: eremindp1994@gmail.com

Ключевые слова: Босния и Герцеговина, Дейтонские соглашения, политическая система, Высокий представитель, европейская интеграция, НАТО

Functioning problem of supranational structure of governance in Bosnia and Herzegovina in the context of Russian interests on the Balkans at the turn of 21st century

Denis P. Eremin

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: eremindp1994@gmail.com

Keywords: Bosnia and Herzegovina, Dayton Accords, political system, High Representative for Bosnia and Herzegovina, European integration, NATO

Ход мировой истории поместил Балканы в перекрестье интересов великих держав¹. На текущий момент в регионе непосредственно присутствуют пять внешних игроков: ЕС, США, Россия, Турция и Китай². Окончание «холодной войны» и распад Югославии предопределили включение Балкан в сферу влияния коллективного Запада, прежде всего Европейского союза, так как Балканы — замыкающее звено в его системе безопасности, а также направление системной конфронтации с Россией³. На данный момент только ЕС предлагает Балканам комплексную программу развития⁴, однако осуществление евроинтеграции Балкан не представляется возможным без включения в этот процесс Боснии и Герцеговины (БиГ), искусственного образования⁵, функционирование которого обеспечивается, определяется и направляется наднациональной структурой управления, претерпевшей определенную эволюцию на рубеже XX–XXI вв.

Политическая система БиГ создана соглашениями в Дейтоне 1995 г., включавшими «Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине» (11 статей) и еще 19 документов, преимущественно приложений. Ими определялся облик новой, послевоенной Боснии уже в качестве формально независимого государства.

Де-факто Дейтонские соглашения представляли собой определение и решение всех «жизненно важных вопросов» для всех народов страны международными структурами⁶. Одним из приложений являлась конституция послевоенной Боснии. Дейтонская конституция стала компромиссом, согласовавшим основные требования конфликтовавших боснийских сторон, что позволило обеспечить мир, однако ее текст на референдум не выносился, одобрения населения она не получила⁷. Таким образом, конституция изначально носила недемократический характер, так как народы БиГ в принципе не стремились к совместному проживанию в рамках единого государства.

Отдельное место в политической системе Боснии стал занимать институт Высокого представителя (ВП) — особого должностного лица, основной задачей которого изначально

было облегчение осуществления гражданских аспектов урегулирования путем координации деятельности организаций и учреждений. В обязанности ВП⁸ входило, прежде всего, участвовать во встречах с организациями-донорами, особенно по вопросам восстановления. Непременным условием финансирования послевоенной реконструкции обозначалось выполнение основными политическими силами положений Дейтонских соглашений. Таким образом, непосредственно Дейтонскими соглашениями предполагался технический характер должности ВП, однако необходимо отметить, что ими не был определен порядок оценки выполнения положений мирного соглашения и роли ВП в этом процессе.

Отмеченная неточность Дейтонских соглашений, а также дисфункциональный характер политической системы БиГ во многом обусловили эволюцию Администрации Высокого представителя (АВП) в орган исполнительной власти БиГ. Данный процесс определялся, прежде всего, не проведением мирного урегулирования, а стремлением ряда внешних сил к интеграции страны в евроатлантические структуры вне зависимости от внутривнутриполитических реалий страны. С этой целью Совет по выполнению Мирного соглашения (СВМС), правопреемник Международной конференции по бывшей Югославии (МКБЮ), наделил ВП «боннскими полномочиями», таким образом превратив АВП в орган внешнего управления государством, что сомнительно с точки зрения международного права: Дейтонскими соглашениями СВМС и его Руководящий совет в качестве механизма их реализации не предусматривались. СВМС легитимизировался как правопреемник МКБЮ, что отражено в Заключении Лондонской конференции по выполнению Мирного соглашения⁹ и резолюции 1031 СБ ООН¹⁰. В то же время необходимо подчеркнуть, что МКБЮ не была уполномочена принимать решения по вопросам урегулирования: окончательные решения мог принимать только Совет Безопасности ООН.

Наиболее активное использование «боннских полномочий» пришлось на первые 10 лет существования Дейтонской БиГ, то есть до середины 2000-х гг. Ограниченный характер

их использования впоследствии был обусловлен изменившейся ситуацией в регионе и обострением международных отношений. Смена элит и приход к власти в 2006 г. в РС правительства Милорада Додика позволили республике заблокировать процесс централизации БиГ на фоне проводившихся референдумов о независимости в Черногории и самопровозглашенной Республике Косово. В данном вопросе РС пользуется поддержкой Российской Федерации, так как централизация БиГ предполагает интеграцию страны не только в ЕС, но и в НАТО. Это обуславливает заинтересованность России в сохранении Дейтонского status quo и предопределяет стремление российской стороны упразднить наднациональную структуру управления в БиГ.

Примечания

- ¹ Волков В.К. Многоградальный регион: Балканы // Современная Европа. 2004. № 4. С. 75.
- ² Энтина Е.Г. Балканы вчера и завтра // Современная Европа. 2015. № 1. С. 42.
- ³ Энтина Е.Г. Евро-атлантическая интеграция республик бывшей Югославии и российский фактор // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 1. С. 193.
- ⁴ См. подробнее: Кандель П.Е. Уроки балканского расширения Евросоюза и перспективы отношений Украины с ЕС. URL: <http://ieras.ru/pub/analitka/kandel1.pdf> (дата обращения: 23.01.2021).
- ⁵ См. подробнее: Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 (16). С. 72–74.
- ⁶ Bildt C. Peace Journey: The Struggle for Peace in Bosnia. London, 1998. P. 139.
- ⁷ Сидоренко А.В. «Навязанный федерализм» как инструмент конфликто разрешения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2009. Вып. 2. С. 393.
- ⁸ См. подробнее: Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине. URL: <https://peacemaker.un.org/bosniadaytonagreement95> (дата обращения: 23.01.2021).
- ⁹ PIC London Conclusions. Conclusions of the Peace Implementation Conference Held at Lancaster House London. 12/08/1995. URL: <http://www.ohr.int/pic-london-conclusions-6/> (дата обращения: 23.01.2021).
- ¹⁰ Резолюция СБ ООН. S/RES/1031(1995).

Секция

«ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.01

К этимологии русского слова сачок 'лентяй'

Татьяна Владимировна Шалаева

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: koulkuk@gmail.com

Ключевые слова: русская этимология, диалектная лексика, сачок, лентяй

On the etymology of the Russian word сачок 'lazybones'

Tatiana V. Shalaeva

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: koulkuk@gmail.com

Keywords: Russian etymology, dialect vocabulary, lazybones

В работе предлагается новая этимология русской разговорной лексики *сачок* 'лентяй, бездельник'. Помимо данного значения, зафиксированного в литературном языке, в говорах отмечаются следующие: *сачок* 'пронирливый, хитрый, ловкий в делах человек' (р. Урал), 'плут, мошенник' (моск., пенз., бурят.), 'вор' (влад.), 'отчаянный, безрассудный человек' (моск., влад.), 'ухажер' (моск.)¹.

Происхождение этого слова не раз рассматривалось исследователями². На наш взгляд, наиболее убедительная из предложенных этимологических версий принадлежит Е. Гавловой, которая связывает *сачок* 'ухажер' с макед. *sa-*

кам се ‘ухаживать за девушкой’, возводимому к и.-е. **seku-* ‘преследовать’. При этом семантическое развитие реконструируется следующим образом: ‘любить’ ← ‘хотеть, желать’ (ср. с.-хорв. *voljeti* в обоих значениях) ← ‘искать’ (ср. болг. *иска-кам* ‘хочу’) ← ‘преследовать’ (ср. русск. диал. *сочѣтъ* ‘искать, выслеживать (вора, зверя)’, *сáчкаць, вѣсачкаць* ‘просить, выпрашивать, клянчить’). Однако автор также не исключает родство лексем со значением ‘ухаживать’, ‘ухажер’ с и.-е. **seku-* ‘говорить’, так как имеются, например, чешские формы *namlouvat si* ‘ухаживать; свататься’, *námluvy* ‘ухаживание; сватовство’³.

Указанный индоевропейский корень имеет продолжения в большинстве славянских языков, в частности, в составе праславянских глаголов **sočiti*/**sakati*: ср. русск. диал. *сочѣтъ* ‘искать, выслеживать (вора, зверя)’, укр. *сочѣти* ‘подкарауливать’, белорус. *сачѣць* ‘то же’, др.-русс. *сочити* ‘искать, разыскивать; вести тяжбу’, болг. *сѫча* ‘указывать’, макед. *сакам* ‘ищу’, серб. *сѫчити* ‘уличить, обнаружить, разыскать’, словен. *sáčiti* ‘следить’⁴, а кроме того — с речевой семантикой — чешск. *sočit*, *osočit* ‘обвинить; оклеветать’⁵, словац. *osočovat* ‘клеветать, хулить’, *osočit* ‘лживо обвинить, очернить’⁶, ст.-польск. *osoczyc* ‘обвинить (в основном несправедливо), оклеветать’⁷.

По нашему мнению, гипотеза о связи с и.-е. **seku-* ‘преследовать’ объясняет появление семантики *сачѣк* ‘ухажер’, но оставляет без внимания такие значения, как ‘пронырливый, хитрый, ловкий в делах человек’, ‘плут, мошенник’, ‘вор’ и ‘лентяй’. В то время как ‘ухажер’ вполне может быть производным от ‘ловкий человек’. Относительно последнего значения кажется показательным следующий русский диалектный материал: *сáчкаць* ‘выпрашивать, выманивать что-либо’ (арх.)⁸, *вѣсачкаць* ‘выпросить, выманить что-либо’ (арх., Даль)⁹, *сочѣтъ* ‘просить, канючить, выманивать что-либо обманом’ (Даль)¹⁰, ‘просить милостыню, нищенствовать’¹¹, *вѣсочкаць* ‘выпросить, выклянчить что-нибудь у кого-нибудь’ (арх., Даль)¹². Данные глаголы объединяет значение ‘выманивать, стараться получить хитростью’, которое

вполне могло стать основой для ‘хитрый, ловкий человек’ и далее ‘мошенник’. Результат того же семантического развития реализуют лексемы, очевидно родственные форме *сачок* и приведенным глаголам: русск. диал. *посак* ‘вор, мошенник’ (пск., твер.)¹³, *посач* ‘босяк, оборванец’ (олон. (?)), (мн.) ‘жулики, мошенники’ (калин.), ‘ловкач’ (Латв. ССР)¹⁴, *посачить* ‘попрошайничать, собирать милостыню’ (олон. (?))¹⁵, *посачество* ‘бродяжничество, попрошайничество’ (олон. (?))¹⁶. Как можно видеть, в них к тому же сочетаются значения ‘выпрашивать’ и ‘вор, мошенник’.

В свою очередь, значение ‘выпрашивать, выманывать’ могло развиваться из ‘говорить’, представленного в следующих русских диалектных формах: *сакать* ‘обсуждать какой-либо спорный вопрос, спорить’ (влад.), ‘разговаривать, судачить’ (костром.), ‘совещаться, советоваться’ (влад., казан.)¹⁷, ‘говорить, попусту болтать’ (арх.)¹⁸, ‘заниматься пересудами, сплетнями’¹⁹, *сакать* ‘совещаться, советоваться’ (пенз.)²⁰, ‘разговаривать, болтать, проводя время праздно’²¹, *посакать* ‘поболтать, поговорить, посудачить’ (пенз., симб., нижегор.)²², ‘поговорить о пустяках, поболтать’²³, *сочить* ‘говорить колкости кому-либо, укорять, упрекать’ (Абхаз. АССР)²⁴, *сочило* ‘говорун, весельчак’²⁵. Традиционно при реконструкции семантики говорения для **sočiti/*sakati* восточнославянский материал не привлекается (см. выше), однако, как представляется, нет ни структурных, ни семантических препятствий для возведения указанных русских слов к этому праславянскому корню²⁶.

Таким образом, в рамках изложенной версии, *сачок* ‘ловкач; мошенник, жулик’, является производным от глагола *сакать* с первичным значением ‘говорить’. С точки зрения словообразования, аналогией являются другие отглагольные дериваты с суффиксом *-ок*, называющие производителя действия: ср. русск. *едок* от *есть*; *ездок* от *ездить*; *ходок* от *ходить*; *игрок* от *играть*; *стрелок* от *стрелять*²⁷; диал. *скачок* ‘прозвище человека, имеющего прыгающую походку’ (ленингр.), ‘прозвище непоседливого человека’ (барнаул.), ‘тот, кто уходит из дома, отделяется от родителей’ (дон.)²⁸ от *скакать*.

Что касается значения *сачок* ‘лентяй’, то, по всей видимости, оно сформировалось на основе семантики ‘человек, хитростью избегающий работы’, то есть ‘ловкач, пройдоха’. Случаи такого семантического перехода имеются в русских диалектах. Примером могут служить следующие лексемы: *махлюй* ‘лентяй’ (смол., пск.)²⁹, *махлюйка* ‘ленивая, плохая работница’ (смол., пск.)³⁰ при *махлюй* ‘плут’ (смол., пск.)³¹, *махлёвка* ‘обман’ (калуж.), ‘плутовка, лгунья’ (смол.)³², *ма́хлер* ‘плут, лгун’ (смол.)³³. Они возводятся к немецкому глаголу *takeln* ‘быть маклером, посредником’ через посредство польского языка³⁴. Также можно привести русские диалектные образования с корнем *альыр-*: *альёрник* ‘бездельник, лентяй; дармоед’ (южн.-сиб., сарат., перм., ворон., тамб., твер., моск. и др.)³⁵ при *альёрник* ‘обманщик, плут, мошенник’ (курск., калуж., тамб., нижегор., смол., ворон., арх., новг., волог., сарат.), ‘карманный вор’ (Даль, без указ. места)³⁶; *альёрить* ‘бездельничать, лениться’ (вят., нижегор., уфим., симб., казан., сибир., влад., перм.)³⁷ при *альёрить* ‘промышлять обманом, мошенничать’ (пск.), ‘притворяться больным’ (вят.)³⁸. Эта основа считается заимствованной из тюркских языков, ср. тур. *alır* ‘возьмет, отнимет’ от *al-* ‘брать, покупать’³⁹. Кроме того, фиксируется лексема *дуросвёт* ‘бездельник, лентяй’ (Даль, без указ. места; брян., влад., орл., курск.)⁴⁰ при *дуросвёт* ‘обманщик, мошенник, шарлатан’ (Даль, без указ. места; брян., влад., орл., курск.)⁴¹, *дуросвётить* ‘дурить, дурачиться’ (ворон.), ‘притворяться (простаком, больным и т. п.)’ (ворон.)⁴². Следовательно, и слово *сачок* ‘мошенник’ с большой долей вероятности могло стать наименованием ленивого человека, избегающего работы.

Примечания

¹ Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–24), Ф.П. Сороколетов (вып. 25–46), С.А. Мызников (вып. 47–). М.; Л., СПб., 1965–. Т. 36. С. 158; *Малеча Н.М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург, 2002–2003. Т. 4. С. 25; Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1999–2006. Т. 4. С. 233.

² *Мокиенко В.М.* В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. 2-е издание, переработанное и дополненное. СПб.,

1999. С. 87–89; *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология: Историко-этимологический словарь / Под ред. В.М. Мокиенко. 3-е издание, исправленное и дополненное. М., 2005. С. 625; *Грачев М.А., Мокиенко В.М.* Русский жаргон: Историко-этимологический словарь. М., 2008. С. 226–227; *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В.У. Мартынаў* (т. 1–8), *Г.А. Цыхун* (т. 9–14–). Мінск, 1978–. Т. 11. С. 330.
- ³ *Havlová E.* Nářeční homonyma z okolí Moskvy // *Etymologica Brunensia*. Praha, 1978. S. 27–28. Относительно наличия или отсутствия генетической связи между и.-е. **seku-* / **soku-* ‘преследовать; искать; окружать’ и и.-е. **seku-* / **soku-* ‘говорить’ высказывались разные мнения, но анализ этой проблемы не входит в задачи данной статьи (см. литературу, указанную в следующем после сноски абзаце).
- ⁴ *Machek V.* *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, 1971. S. 566; *Kralík L’.* *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava, 2015. S. 409; *Borys W.* *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 2005. S. 396; *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева*. Изд. 4-е, стереотипное. М., 2003. Т. III. С. 708, 731; *Этимологічний словник української мови / Голов. ред. О.С. Мельничук*. Київ, 1982–2012. Т. 5. С. 364; *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы... Т. 11*. С. 330–331; *Български етимологичен речник / Ред. В.И. Георгиев, И. Дуриданов, М. Рачева, Т.А. Тодоров, Л. Димитрова-Тодорова, Л. Селимски*. София, 1971–. Т. VI. С. 427–428; *Там же*. Т. 7. С. 376–377; *Bezlaj F.* *Etimološki slovar slovenskega jezika / Avtorji F. Bezlaj, M. Snoj, M. Furlan; ured. M. Snoj, M. Furlan*. Ljubljana, 1977–2005. Knj. II. S. 238; *Ibid.* Knj. III. S. 212–213; *Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / Под ред. О.Н. Трубачева* (вып. 1–31), *О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева* (вып. 32), *А.Ф. Журавлева* (вып. 33–39), *А.Ф. Журавлева и Ж.Ж. Варбот* (вып. 40), *Ж.Ж. Варбот* (вып. 41–). М., 1974–. Вып. 29. С. 248–250; *Derksen R.* *Etymological Dictionary of Slavic Inherited Lexicon*. Leiden; Boston, 2008. P. 458–459; *Варбот Ж.Ж.* *Праславянская морфология, словообразование и этимология / Отв. ред. О.Н. Трубачев*. М., 1984. С. 31–32; *Pokorny J.* *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; München, 1959. S. 896–898; *Lexicon der indogermanischen Verben / Ed. H. Rix*. Weisbaden, 2001. S. 525–527.
- ⁵ *Machek V.* *Etymologický slovník jazyka českého... S. 566.*
- ⁶ *Kralík L’.* *Stručný etymologický slovník slovenčiny... S. 409.*
- ⁷ *Borys W.* *Słownik etymologiczny języka polskiego... S. 396.*
- ⁸ *Словарь русских народных говоров... Т. 36*. С. 158.
- ⁹ *Там же*. Т. 6. С. 17.
- ¹⁰ *Там же*. Т. 40. С. 93.
- ¹¹ *Словарь русских говоров на территории Республики Мордовии / Сост. Т.В. Михалева, Р.В. Семенкова, Л.К. Чикина*. СПб., 2013. Ч. II. С. 1211.
- ¹² *Словарь русских народных говоров... Т. 6*. Т. 27.
- ¹³ *Там же*. Т. 30. С. 137.
- ¹⁴ *Там же*. С. 138.
- ¹⁵ *Там же*.
- ¹⁶ *Там же*. О другой этимологии русск. диал. *посák* см. *Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Торопова Е.В.* Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // *Вопросы языкознания*. 2017. № 4. С. 15–16.

- 17 Словарь русских народных говоров... Т. 36. С. 48.
- 18 Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2005. Т. 5. С. 623.
- 19 Словарь русских говоров на территории Республики Мордовии... Ч. II. С. 1109.
- 20 Словарь русских народных говоров... Т. 36. С. 48.
- 21 Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / Под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров, 1996–2018. Вып. 10. С. 12.
- 22 Словарь русских народных говоров... Т. 30. С. 137.
- 23 Словарь русских говоров на территории Республики Мордовии... Ч. II. С. 921.
- 24 Словарь русских народных говоров... Т. 40. Т. 93.
- 25 Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003. С. 502.
- 26 О других этимологиях русск. диал. *сáкать* см. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка... Т. III. С. 547, 708–709; Этымалагічны слоўнік беларускай мовы... Т. 11. С. 295; Этимологічний словник української мови... Т. 5. С. 345–346.
- 27 *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. 2-е издание, исправленное. М., 2005. С. 339.
- 28 Словарь русских народных говоров... Т. 37. С. 399.
- 29 Словарь русских народных говоров... Т. 18. С. 48.
- 30 Там же.
- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 Там же.
- 34 Этимологічний словник української мови... Т. 3. С. 419–420; Этымалагічны слоўнік беларускай мовы... Т. 6. С. 270. О другой этимологии см. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка... Т. III. С. 19.
- 35 Словарь русских народных говоров... Т. 1. С. 243.
- 36 Там же.
- 37 Там же. С. 242–243.
- 38 Там же.
- 39 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка... Т. I. С. 74; *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. М.; СПб., 2007–. Т. 1. С. 176.
- 40 Словарь русских народных говоров... Т. 8. С. 272.
- 41 Там же.
- 42 Там же.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.02

К вопросу о функционировании сослагательного наклонения и инфинитива с частицей *бы* в истории русского языка

Наталья Павловна Иордани

МГУ имени М.В. Ломоносова,
ИРЯ им. В.В. Виноградова Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: iordani.natasha@yandex.ru

Ключевые слова: сослагательное наклонение, сослагательный инфинитив, побудительное значение, старорусские деловые документы

On functioning of the subjunctive mood and the infinitive with particle *by* in the history of the Russian language

Natalia P. Iordani

Lomonosov Moscow State University,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: iordani.natasha@yandex.ru

Keywords: subjunctive mood, subjunctive infinitive, imperative meaning, Middle Russian business documents

Инфинитив с частицей *бы*, выступающий в качестве независимого предиката, в современном русском языке занимает периферийное положение и встречается в текстах гораздо реже, чем формы сослагательного наклонения. Как показывает исследование Н.Р. Добрушиной, в рамках кото-

рого была проанализирована выборка примеров с 1970 по 1990 гг. из Национального корпуса русского языка, инфинитивы составляют лишь 6% (56 примеров) от общего количества контекстов с частицей *бы*, в то время как *l*-форма представлена в 90% случаев (831 пример)¹.

В старорусских документах делового и бытового содержания, написанных в XVI–XVII вв., сослагательный инфинитив употребляется регулярно, конкурируя с *l*-формой. Например, в текстах, созданных в период с 1600 по 1650 гг., представленных в историческом подкорпусе Национального корпуса русского языка², по состоянию на 26 февраля 2022 г. было зафиксировано 719 инфинитивов и 852 *l*-формы в сочетании с частицей *бы*, что составляет 46% и 54% соответственно.

Изменения, произошедшие в истории русского языка с сослагательным инфинитивом, не только отразились на частотности его употребления, но и затронули его семантику. В современном русском языке инфинитив с частицей *бы* в своем значении не пересекается с формами сослагательного наклонения и выражает оценку, которую Н.Р. Добрушина описывает как ‘желательность’ и ‘необходимость’³. Например:

(1) *Уехать не уедешь, зато каждый день можно где угодно пропасть. Мне **бы** пропасть... Так, чтобы всё кругом стало новое* (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001) = ‘**Хотел бы я пропасть**’

(2) *Их **бы** свести с Клавдией — отлично поняли бы друг друга* (И. Грекова. Фазан (1984) = ‘**Нужно свести их с Клавдией**’

В отличие от форм сослагательного наклонения инфинитив с частицей *бы* не способен выражать побудительное значение, ср. примеры Н.Р. Добрушиной⁴:

(3) *Здесь ездят машины. **Отошли бы** вы в сторону.*

(4) *Здесь ездят машины. ***Отойти бы** вам в сторону.*

Различаются и типы контекстов, в которых употребляются сослагательное наклонение и инфинитив с частицей *бы* в современном русском языке: *l*-форма встречается в контекстах, характеризующихся референцией к конкретной ситуации в будущем, в то время как инфинитив отсылает к событиям, для осуществления которых нет никаких предпосылок⁵.

В старорусском языке ситуация была принципиально иной: в оценочном значении инфинитивы с частицей *бы* присутствуют и в текстах XVI–XVII вв., однако подобные употребления представлены в единичных случаях, например:

(5) *и хорошо бы вымыти и выпарити, и начисто выполоскати и иссушити, и искатати и скатерти, и убрусы, и ширинки, и утиралники, такоже и всему счетъ самой знати, и отдати, и взяти все сполна, и бело и чисто* (Домострой (1500–1560) = *‘Нужно хорошо выстирать и очистить паром, начисто прополоскать и высушить...’*)

В подавляющем большинстве примеров инфинитив с частицей *бы*, как и сослагательное наклонение, выражает конкретно-референтные пропозиции, а субъект при них отсылает к определенному лицу. Иными словами, для осуществления ситуации, обозначенной сослагательным инфинитивом, имеются необходимые условия. Встречаются подобные формы в текстах, которые, в силу специфики их функционирования, как бы передавали устную речь: в грамотках, челобитных, жалованных грамотах и других документах, содержащих разнообразные просьбы и распоряжения. В такого рода источниках инфинитив с частицей *бы* выражает побудительное значение, выступая в качестве аналога форм сослагательного наклонения:

(6) *И какъ вамъ ся наша, великого господина, грамота придетъ, и вамъ бы велѣть сыскать безъ всякой поноворки* (Грамота патриарха Никона архимандриту Филофею о выдаче помещикам Григорию и Петру Телепневым безавшего от них крестьянина со всем его семейством (1666.02.14) = *‘...Велите их искать без каких-бы то ни было поблажек’*)

(7) *И вы бы велели его шкотоу и его соромъ заплатити* (Послание полоцк. бояр, местичей и «всего посполства» совету г. Риги с требованием возместить полоцк. местичу Русану Кожичичу ущерб, нанесенный ему риж. ратманом Филиппом (Рейнгольдом Зольтруппом) = **Велите** ему заплатить за ущерб и позор'

В приведенных выше примерах глагол *велѣти* в форме сослагательного наклонения и в форме инфинитива выражает одно и то же императивное значение и употребляется в контекстах одного типа.

Безусловно, делать однозначные выводы о модальных значениях, которые выражала та или иная языковая единица в определенный исторический период развития языка, опираясь лишь на доступные письменные источники, довольно сложно, однако можно найти некоторые доказательства, подтверждающие предложенную в данной работе интерпретацию инфинитива с частицей *бы*.

В некоторых старорусских деловых документах изредка встречается материал, который позволяет сделать некоторые выводы о семантике исследуемых языковых единиц. Дело в том, что иногда в текстах XVI–XVII вв. попадаются ошибки, представляющие собой контаминации двух структур: инфинитива с частицей *бы* и формы сослагательного наклонения. Например, в одной из грамот за субъектом в дательном падеже, в норме сочетающемся с инфинитивом, следует *l*-причастие:

(8) *И какъ вамъ ся наша, великого господина, грамота придетъ, и вамъ бы деревни Ящерова каменщику Петрушкѣ Васильеву съ братомъ велѣли ходить впредь по одному* (Грамота патриарха Никона архимандриту Филофею о дозволении каменщику Петру Васильеву с братом ходить на работу по одному (1665.10.03))

Возможной оказывается и обратная ситуация: в приведенном ниже контексте писец употребляет инфинитив при субъекте, стоящем в И. п.:

(9) *И как к тебе сия наша, великого государя, грамота придет, а из Розряду с нашим, великого государя, указом*

в Пустоозерской острог... кто прислан будет, и ты бы (тех раскольников зачеркнуто) бывшаго протопопа Аввакума с товарищи, тому (о том им послан указ над строкой) **отдать** тотчас, безо всякого мотчания. (Грамота царя Федора Алексеевича Пустоозерскому воеводе П.Г. Львову о переводе протопопа Аввакума, попа Лазаря, дьякона Федора и инока Епифания (1676.09.07))

Такого рода наложения одной синтаксической конструкции на другую оказываются возможными при выполнении двух условий. Во-первых, эти языковые единицы должны обладать определенным структурным сходством⁶: и инфинитив с частицей *бы*, и сослагательное наклонение выступали с модальной частицей *бы*. Различались данные языковые единицы способом заполнения субъектной валентности: инфинитив употреблялся с формой Д. п., а *l*-форма требовала при себе И. п., поэтому смещение конструкции влекло за собой несоответствие формы предиката грамматическому оформлению субъекта при нем. Во-вторых, единицам, на базе которых возникают контаминированные варианты, должна быть свойственна функциональная и семантическая близость⁷.

Следовательно, если бы инфинитив с частицей *бы* и формы сослагательного наклонения не обладали сходной семантикой и не выполняли одну и ту же функцию в тексте, такого рода контаминации не могли бы возникнуть в текстах.

Таким образом, можно говорить о том, что в старорусском языке инфинитив с частицей *бы* был функциональным дублетом по отношению к форме сослагательного наклонения, в частности, выступая в побудительном значении, в отличие от современного русского языка, где исследуемые языковые единицы обладают разной семантикой.

Примечания

- ¹ Добрушина Н.Р. Семантика косвенного наклонения: корпусное исследование грамматической полисемии: дисс. ... докт. филол. наук. М., 2016. С. 92.
- ² Исторический корпус. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/page/corpus-historical/> (дата обращения: 19.06.2022).

- ³ Добрушина Н.Р. Инфинитивные конструкции с частицей бы // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 46.
- ⁴ Добрушина Н.Р. Семантика косвенного склонения... С. 102.
- ⁵ Там же. С. 102.
- ⁶ Бельчаков Ю.А. Контаминации // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 238.
- ⁷ Там же.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.03

Анализ перфектных конструкций в «Постиллах» Якуба Вуйка и Микалоюса Даукши

Софья Андреевна Афанасьева

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: timerina58@yandex.ru

Ключевые слова: перфект, литовский, польский, постилла

Analysis of perfect constructions in Postils by Jakub Vujek and Mikalojus Daukša

Sofya A. Afanasyeva

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: timerina58@yandex.ru

Keywords: perfect, Polish, Lithuanian, postil

Изданный в Вильнюсе в 1599 г. сборник проповедей «Postilla Catholica» литовского священника Микалоюса Даукши является переводом на литовский «Малой постилль» («Postilla mnieysza», 1579) польского иезуита Якуба Вуйка¹. Оригинал литовского издания хранится в Библиотеке Виль-

нюсского университета. В 2006 г. сотрудниками Института литовского языка было подготовлено электронное издание, в котором тексты обеих постилл располагались параллельно. Эта электронная версия стала материалом для исследования, из нее были извлечены примеры перфектных конструкций в польском тексте вместе с их переводом на литовский.

Под перфектной конструкцией в работе понимается конструкция «вспомогательный глагол быть + действительное или страдательное причастие прошедшего времени». Такое узкое определение обусловлено тем, что, поскольку речь идет о параллельном переводе, кажется уместным отталкиваться от формального устройства перфектных конструкций, чтобы на основе формального тождества (или, наоборот, несовпадений) анализировать семантику вышеуказанных конструкций.

Общее количество примеров — 180. Из них более чем в 140 случаях (более 80% примеров) наблюдается формальное тождество конструкций (в обоих языках совпадает наличие или отсутствие связки, ее время, лицо и наклонение, а также залог и возвратность основного глагола).

На фоне преобладания тождественного перевода конструкций особенный интерес вызывают встречающиеся различия. Такими различиями являются, например, случаи перевода польских конструкций со связкой настоящего времени конструкциями со связкой прошедшего времени в литовском языке. Иными словами, там, где в польском употреблена форма перфекта настоящего времени, в литовском ей соответствует форма перфекта прошедшего времени:

(1) *Y rzekł Jezus Rotmiftrzowi: Jdź, á iákoś wwierzył, niech będzie tobie. Y **vzdrowion ieft** (nacc. прич + наст. вр) flugá w oney godzinie.*

*Ir táre Iéfus Ráthmiftrui. Eik, ir kaip intikéiúi, tēffi taw. Ir **pafwéikintas bū** (nacc. прич + прош. вр) târnas anoié waľandoié.*

‘И сказал Иисус сотнику: Иди, и, как ты верил, пусть будет тебе. И **излечен (был)** слуга в тот час’. (Мт, 8:13)

(2) *Stálo fię tedy iż vmárl žebak, y **zániešion ieft** (nacc. прич + наст. вр) od Anyołow do koná Abrahánowego. Vmárl tež y bogáty, a **potrzebion ieft** (nacc. прич + наст. вр) w piekle.*

*Tíkos tadag kađ númire élgeta, ir **búwo gabentas** (nacc. прич + прош. вр) núg Angełų ing priégłapftí Abrômo. Numire wel' ir dídžturis ir **pałáidotas búwo** (nacc. прич + прош. вр) pragaré.*

‘Стало (так), что умер нищий, и **(был) отнесен** ангелами в прибежище Авраама. Умер и богач, и **(был) похоронен** в аду’. (Лк, 16:22)

(3) *Mowił Jezus wczniom swoim, to podobieństwo: Człowiek niektory był bogáty, który miał Báfárza: á ten **ofkárzon ieft** (nacc. прич + наст. вр) do niego, iákoby rosprašł dobrá iego.*

*Bילוio Iefus mokitinemus lawiémus, tą priéžodi. Žmógus nêkuris dídžturis búwo, kurís turêio Tiúna, ir tas **búwo iamþ apraišítas** (nacc. прич + прош. вр) kaiþbutų išgaišínęs gëra io.*

‘Сказал Иисус ученикам Своим такую притчу: один человек был богат и имел управителя, на которого **донесено (было)** ему, что расточает имение его’. (Лк, 16:1)

Всего встретилось семь таких примеров. Контрпримеров, где плюсквамперфекту в польском соответствовал бы перфект настоящего времени в литовском, не встретилось. Необходимо отметить, что поскольку Даукша переводил текст Вуйка, он, следовательно, сознательно выбирал эту форму как более подходящую с точки зрения носителя языка.

В работе П.М. Аркадьева и А.Д. Даугавет, посвященной сопоставительному анализу перфектов в современных литовском и латышском, отмечены подобные расхождения между двумя языками. Так, в одном примере, где носитель литовского, в отличие от носителя латышского, предпочел употребить форму плюсквамперфекта, перфектная конструкция выражает предшествование и находится в придаточном предложении².

Другой контекст, где форма плюсквамперфекта является более предпочтительной в литовском, но при этом конкурирует в обоих языках с перфектом настоящего времени

(а не с простым прошедшим, что гораздо чаще) — это контекст с экспериенциальным значением³.

Под экспериенциальным значением понимается то, что «ситуация осуществилась как минимум один раз в прошлом, что привело к нынешнему положению вещей»⁴. Д.С. Сичинава объясняет выражение этого значения при помощи плюсквамперфекта в итальянском, португальском, корейском тем, что экспериенциальность нередко связана с действием, которое сейчас обычно уже не осуществляется (т.н. «неактуальный экспериенциал»)⁵.

Примеры расхождений между польским и литовским текстами, как кажется, нельзя объяснить аналогичным образом. Прежде всего, необходимо отметить, что во всех семи случаях конструкция пассивная (в то время как во всех примерах из работы П.М. Аркадьева и А.Д. Даугавет фигурирует активное причастие).

По наблюдениям Б. Спраунене и П. Брудзиньского, в старолитовских пассивных конструкциях наблюдается смена более «старой» формы с настоящим временем вспомогательного глагола более «новой» с прошедшим временем, вследствие чего обе формы используются «как кажется, взаимозаменяемо»⁶.

Можно предположить, что в литовском связка в прошедшем времени употребляется для выражения таксисного отношения одновременности с действиями, названными другими глаголами. Например: *Tíkos tadag kađ nŭmire (прош. вр) ėlgeta, ir búwo gabentas (пасс. прич + прош. вр) nŭg Angelų inđ príėglapftí Abrômo*. Подобное явление интересно тем, что форма плюсквамперфекта здесь не имеет значения предшествования. При этом для выражения идеи предшествования (то есть если бы нищий сначала *был отнесен на небо*, а потом *умер*) использовалась бы та же форма, а разница бы заключалась в союзах⁷.

Необходимо также отметить, что в латинском тексте, с которого был выполнен перевод на польский, в разобранных выше примерах употребляется форма пассивного перфекта (*sanatus est, portaretur, sepultus est, diffamatus est*). Употре-

бляемые в польском переводе конструкции (*uzdrowion ieft*, *zániešion ieft*, *potrzebion ieft*, *oskáržon ieft*) могут быть кальками с латинского оригинала, а литовские (*pašwėikintas bū*, *būwo gabentas*, *pałáidotas būwo*, *būwo apraišbitas*) — переведенными по смыслу.

Примеры, где форме перфекта со страдательным причастием в польском соответствовала бы форма перфекта в литовском, тоже есть:

(4) Wyβedł ktory śieie, śiac naśienie swoie. A gdy śiał, iedno vpadło podle drogi, y **podeptano ieft** (*пасс. прич + наст. вр*), a pracy powietrzni pozobáli ie.

Iβėio kuris fėie, fėtu fėklos lawós. Ir kad fėio, wiėnà pũle pas kėła, ir **pamintá yra** (*пасс. прич + наст. вр*), ir pàukβszei hóro fũlafse ia.

‘Вышел некоторый сеятель сеять семя свое. И когда сеял, одно упало у дороги и **потоптано**, и птицы небесные склевали его’. (Лк, 8:5)

Такое совпадение может объясняться как естественными для носителя языка колебаниями между двумя возможными формами⁸, так и калькой с оригинального текста. В любом случае, отмеченная особенность перевода заслуживает внимания.

Примечания

¹ *Lebedys J. Senoji lietuvių literatūra*. Vilnius, 1977. P. 66.

² *Аркадьев П.М., Даугавет А.Д.* Перфект в литовском и латышском языках: сопоставительный анализ на основе типологической анкеты // Вопросы языкознания. 2021. № 4. С. 18.

³ Там же. С. 32.

⁴ *Comrie B.* Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976. P. 58.

⁵ *Сичинава Д.В.* Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013. С. 31–33.

⁶ *Spraunienė V., Brudzyński P.* The Lithuanian passive perfect and its history // *Baltic Linguistics*. 2021. N 12. P. 4.

⁷ *Вимер Б.* Таксис в литовском языке // Типология таксисных конструкций / под ред. В.С. Храковского. М., 2009. С. 168–170.

⁸ *Аркадьев П.М., Даугавет А.Д.* Перфект... С. 38.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.04

Инвентарь модификаторов и источники грамматикализации составных неопределенных местоимений в славянских языках

Роман Сергеевич Фисун

Университет Регенсбурга,
Регенсбург, Германия; e-mail: fisun.roman@gmail.com

Ключевые слова: составные неопределенные местоимения, славянские языки, грамматикализация, корпусная лингвистика

Inventory of modifiers and sources of grammaticalization of compound indefinite pronouns in Slavic languages

Roman S. Fisun

University of Regensburg,
Regensburg, Germany; e-mail: fisun.roman@gmail.com

Keywords: compound indefinite pronouns, Slavic languages, grammaticalisation, corpus linguistics

Кроме так называемых «традиционных» (кодифицированных) неопределенных местоимений, как, например, русск. *кто-то*, в славянских языках отмечаются многочисленные выражения со значением неопределенности, которые могут состоять из нескольких орфографических слов:

- (1) русск. *неведомо кто*; укр. *який завгодно*; польск. *diabli wiedzą co*; чешск. *zřídka kdo*; хорватск. *bogzna tko*

Такие составные неопределенные местоимения (СНМ, термин О.П. Ермаковой¹) имеют бинарную структуру и со-

стоят из маркера неопределенности — так называемого модификатора (термин Г.А. Бондаревой²) — и этимологического местоименного *к-корня. СНМ, как и «традиционные», образуют так называемые серии: *кто, что, какой, куда... угодно*. Таким образом, возможно и расширительное понимание термина СНМ, объединяющее как «традиционные», так и не кодифицированные в грамматиках серийные неопределенные местоимения.

Хотя СНМ характерны для всех славянских языков, они редко становятся объектом исследования в славистике. Так, даже инвентарь модификаторов остается неизвестным. Работы, ставящие своей целью каталогизацию модификаторов, известны лишь для русского языка³, однако даже они не предлагают ясной, последовательной и методологически точной процедуры их инвентаризации.

В рамках нашей работы, посвященной анализу семантических особенностей СНМ, на основе исследования языковых корпусов были предложены списки модификаторов для пяти славянских языков, принадлежащих трем основным ветвям: русского, украинского (восточнославянские), польского, чешского (западнославянские) и хорватского (южнославянский).

Так как СНМ, во-первых, описываются как характерные, прежде всего, для разговорной речи, а во-вторых, имеют относительно низкую частотность употребления, в проекте анализируются большие веб-корпуса семьи TenTen⁴ (для русского, украинского, польского и чешского) и hrWaC⁵ (для хорватского), доступные через Sketch Engine⁶.

СНМ могут иметь слитное, дефисное и раздельное написание, поэтому для поиска и экстракции модификаторов разных типов использовались различные функции, доступные в Sketch Engine. Для слитного и дефисного написания использовалась функция «Wordlist», для модификаторов, имеющих раздельное написание, функция «Collocations». При этом оказалось, что меры статистической сочетаемости T-score, MI3 и MI.log_f дают лучшие результаты для поиска модификаторов.

В результате анализа было обнаружено 73 модификатора СНМ для русского, 63 для украинского, 43 для польского, 60 для чешского и 20 для хорватского языков. Следует учитывать, что найденные модификаторы имеют различные степени грамматикализации⁷ и, соответственно, морфосинтаксические свойства, располагаясь на шкале между двумя полюсами: от свободных сочетаний слов (укр. *бог знає що*) до словоформ (русск. *черт-те что*):

В таблице 1 представлено по пять наиболее грамматикализованных префиксальных и постфиксальных модификаторов для каждого языка (включая модификаторы, кодифицированные в грамматиках). Для лучшей читаемости в таблице представлено по одному, наиболее частотному, написанию каждого модификатора.

русский	украинский	польский	чешский	хорватский
префиксальные				
<i>кое-</i>	<i>де-</i>	<i>byle</i>	<i>kdoví-</i>	<i>i-</i>
<i>черт-те</i>	<i>будь-</i>	<i>bądź</i>	<i>lec-</i>	<i>koje-</i>
<i>абы</i>	<i>казна-</i>	<i>dużo</i>	<i>ně-</i>	<i>ne-</i>
<i>не-</i>	<i>аби-</i>	<i>cholera wie</i>	<i>jánevim-</i>	<i>bilo</i>
<i>будь⁸</i>	<i>багато</i>	<i>chuj wie</i>	<i>lhostejno</i>	<i>gdje-</i>
постфиксальные				
<i>-то</i>	<i>-то</i>	<i>-ś</i>	<i>-koli</i>	<i>-god</i>
<i>-либо</i>	<i>-сь</i>	<i>-kolwiek</i>	<i>-si</i>	<i>bilo</i>
<i>-нибудь</i>	<i>-небудь</i>	<i>bądź</i>	<i>je libo</i>	<i>-što</i>
<i>попало</i>	<i>-будь</i>	<i>popadło</i>	<i>chce</i>	<i>hoćeš</i>
<i>-сь</i>	<i>завгодно</i>	<i>trzeba</i>	<i>třeba</i>	<i>treba</i>

Таблица 1. Модификаторы с наибольшей степенью грамматикализации

Модификаторы СНМ можно классифицировать по семантике конструкций, от которых они этимологически образованы. М. Хаспельмат⁹ выделяет шесть типов источников грамматикализации неопределенных местоимений. Среди них, например, *dunno*-тип, который восходит к клаузам со значением 'я не знаю' (серии типа **неизвестно кто**), или *want/pleases*-тип, к которому, например, относится укр. серия на **завгодно** (*хто, що, коли завгодно*). Именно к *dunno*-типу относится большинство найденных нами модификаторов: 100.

Как показывают наши исследования славянских СНМ, эта классификация может быть дополнена еще девятью типами:

i) В славянских языках продуктивными являются, например, обозначения количества. Во всех пяти языках находятся лексически параллельные модификаторы со значением 'мало' и 'редко' (ср. русск. **много кто**; укр. **мало хто**; чешск. **málokdo**, польск. **mało kto**, хорватск. **malo tko**):

(2) чешск. *Škoda, ale i tak to je určitě výsledek, ve který věřil málokdo.* (csTenTen12)

ii) Во всех языках есть модификаторы, восходящие к местоименному *к-корню. Наибольшее их количество — три — в чешском (*-koli, -kolvěk, kde-*) и хорватском (*gdje-, koje-, -što*):

(3) хорватск. *Može se dogoditi da u ovome što kažem neka braća ne vide odraženo svoje osobno iskustvo, da se netko ne osjeti dovoljno shvaćenim, a **gdjetko** i upravo povrijeđenim.* (hrWaC 2.2)

В русском, напротив, был найден только один модификатор этой группы (*кое-*).

iii) Продуктивными во всех языках являются модификаторы, образованные от модальных конструкций со значением необходимости. Наибольшее количество (8) найдено в русском корпусе (*придется, должно, следует, надо/нужно, подобает, полагается, положено, следовало*):

(4) русск. *<...> в Воронеже может произойти так: предвыборных улучшений нет, а на выборах победил **кто надо**.* (ruTenTen11)

В хорватском же обнаружено только два таких модификатора (*treba, imaš*).

iv) Модальные выражения со значением возможности также развились в модификаторы во всех исследованных языках, кроме хорватского: (русск. *можно*; укр. *можна*; польск. *można*; чешск. *můžeš*).

(5) русск. *Вечером пришло извещение, что утром решается на сахарном заводе взять сахару сколько можно.* (ruTenTen11)

vi) Большое количество модификаторов (во всех языках 19) восходит к предикатам со значением 'известно': укр. *відомо*; хорватск. *znato*; польск. *sam-wiesz*:

(6) польск. *Drugi tryb (Evolution) to tryb przechodzenia przez historię sam-wiesz-jakiej firmy :-).* (plTenTen 2012)

Модификаторы этой группы выражают, прежде всего, слабо-определенную или даже определенную референцию¹⁰. Варианты модификаторов с отрицанием принадлежат, однако, к *dunno*-группе.

vii) В русском (*некто*), польском (*niekto*), чешском (*někdo*) и хорватском (*netko*) есть серии местоимений, которые восходят к отрицательным частицам. Современный украинский единственный из славянских языков потерял аналогичный ряд, так как в ходе развития языка его формы фонетически полностью совпали с отрицательным местоимением¹¹.

viii) Универсальные кванторы выступают в качестве модификаторов местоименных серий в хорватском (*sua-*) и чешском (*všeli-*). Эти серии, однако, не имеют неопределенного значения:

(7) хорватск. *<...> potreba za privatnim prostorom, izoliranim i osiguranim od vanjskih utjecaja je ostala elementarna potreba svakoga od nas.* (hrWaC 2.2)

(8) чешск. *Mimo uměleckých filtrů sem patří také všelijaké deformace, ale třeba i zostřování a rozostřování celého obrazu <...>* (csTenTen12)

ix) Экспрессивные выражения, образуя серии с *к-корнями, также не несут никакой неопределенной семантики:

(9) укр. *Сьогодні день був **страх який** поганий.* (ukTenTen14)

(10) русск. *А с вашими рассуждениями можно **о-го-го** куда зайти.* (ruTenTen11)

Вне предложенной классификации находятся, с одной стороны, модификаторы с неясной этимологией (типа русск. *-то*) и, с другой стороны, конструкции, которые стали источником единственного модификатора в одном языке, такие как *dru-* (*drugdje*) в хорватском.

Примечания

- ¹ *Ермакова О.П.* Взаимодействие двух систем частей речи (местоименной и знаменательной) при образовании составных номинаций // *Slowotworstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice, 2000. С. 147–152.
- ² *Бондарева Г.А.* Составные местоимения в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010.
- ³ Например, Там же; *Testelec Ja.G., Bylinina E.G.* Sluicing-based indefinites in Russian // *Formal approaches to slavic linguistics 13: The South Carolina meeting* / eds. S. Franks, F. Gladney, M. Tasseva-Kurkchieva. Ann Arbor, MI, 2005. P. 355–364.
- ⁴ *Jakubiček M., Kilgarriff A., Kovář V., Rychlý P., Suchomel V.* The TenTen Corpus Family // *Proceedings of the 7th International Corpus Linguistics Conference CL 2013, the United Kingdom, July 2013*. P. 125–127. URL: https://www.sketchengine.eu/wp-content/uploads/The_TenTen_Corpus_2013.pdf (дата обращения: 01.10.2020).
- ⁵ *Ljubešić N., Klubička F.* WaC — web corpora of Bosnian, Croatian and Serbian // *Proceedings of the 9th Web as Corpus Workshop (WaC-9)*. Gothenburg, 2014. P. 29–35.
- ⁶ Доступ: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения: 30.01.2022).
- ⁷ *Соколова С.В.* Динамические процессы в системе местоименных слов современного русского языка: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- ⁸ Пример употребления: На больших предприятиях работают менеджеры по персоналу и резюме попадает к ним, на маленьких же оно может попасть будь кому: директору, начальнику отдела и т.д. (ruTenTen11).
- ⁹ *Haspelmath M.* Indefinite pronouns (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory). Oxford, 1997. P. 130–141.
- ¹⁰ *Фисун Р.С.* Об определенности неопределенных местоимений // *Вестник МГОУ. Серия: Русская филология*. 2016. № 5. С. 158–170.
- ¹¹ *Дудко І.В.* Займенникове вираження категорії означеності — неозначеності в українській мові. Київ, 2011.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.05

Языковые иерархии и ассимиляция: из полевых наблюдений в Кашубии

Александр Дмитриевич Васюков

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: ovasiukov@eu.spb.ru

Ключевые слова: кашубы, кашубский язык, языковой сдвиг, языковой престиж, лингвистическая идеология, этнический активизм

Language hierarchies and the assimilation: fieldwork observation in Kashubia

Oleksandr D. Vasiukov

European University in Saint Petersburg,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ovasiukov@eu.spb.ru

Keywords: Kashubians, Kashubian language, language shift, language prestige, linguistics ideology, ethnic activism

Кашубы (каш. Kaszëbi) — это восточнославянская этническая группа, компактно проживающая в ряде центрально-северных повятов Поморского воеводства на севере Польши. Перепись населения 2011 г. обнаружила в стране 233 тыс. человек, которые указали своей национальностью кашубскую. Среди них лишь 16 тыс. человек назвали себя исключительно кашубами, тогда как остальные (216 тыс.) задекларировали две национальности (кашуб-поляк, поляк-кашуб), что свидетельствует о высоком уровне биэтнической идентичности в сообществе. В то же время независимые научные исследования демонстрируют, что реальное количество кашубского населения Польши может быть в два раза боль-

ше. Так, по подсчетам Яна Мордавского, в Поморском воеводстве может проживать более полумиллиона этнических кашубов¹.

Предлагаемая работа представляет результаты полевых этнографических исследований автора, которые продолжаются на территории этнической Кашубии с 2018 г. по сегодняшний день. Последние два года материал собирается в рамках работы над кандидатской диссертацией, посвященной этническому и языковому активизму среди славянских меньшинств Центральной Европы. Автор, прежде всего, обращает внимание на социолингвистические процессы в современной Кашубии и специфику языковой ассимиляции среди кашубов. Так, проанализированы правовой статус кашубского языка, возможное количество его носителей, лингвистические идеологии современных кашубов, а также место кашубского в устоявшихся языковых иерархиях региона.

Согласно переписи населения (2011), в Польше проживает 108 тыс. человек, которые указали кашубский (каш. *kaszëbsczi jãzëk*) языком домашнего общения. По мнению экспертов, сегодня кашубским языком владеет от 80% до 64,5% представителей рассматриваемой этнической группы. Но масштабное анкетирование Мордавского показывает, что лишь 80,9 тыс. кашубов (14,2% группы) говорит на этом языке ежедневно и еще около 40 тыс. (7%) часто². Большая часть носителей языка прибегает к нему изредка или почти никогда. Подобные данные позволяют нам говорить об интенсивном процессе языкового сдвига, который переживает сегодня этническая группа.

В социолингвистике языковой сдвиг (*language shift*) означает процесс вытеснения языка, когда сообщество или какая-то его часть решает отказаться от употребления прежнего языка и переходит на новый³. Процесс перехода сообщества на новый язык обычно (хоть и не всегда) сопровождается более-менее длительным периодом двуязычия. Первые признаки языкового сдвига среди кашубов ученые фиксировали уже в середине XIX в. Однако материалы нашей полевой работы и анализ семейных интервью доказы-

вают, что массовый процесс языкового сдвига начался среди кашубов сразу после Второй мировой войны, когда вследствие изменения государственных границ вся этническая Кашубия оказалась в составе Польши.

Наши информанты фиксируют, что прекращение межпоколенческой передачи языка происходило в первые послевоенные десятилетия. К концу 1970-х — началу 1980-х гг. уходит последнее поколение монолингвов. Как отмечает теоретик языковой политики Эйнар Хауген, национальное государство достаточно быстро и болезненно улавливает сигналы «языкового сепаратизма». Группы населения, чья идентичность или языковые практики не укладываются в унифицирующие рамки нации, быстро становятся объектом языкового перевоспитания⁴.

«Родителям говорили... годах в 1950–1960-х... что дети должны правильно учиться говорить по-польски, потому что детям будет сложнее в школе, если придут в школу, не зная правильного польского. Это было довольно забавно, ведь большинство родителей тут на Кашубах... того поколения предвоенного... польский был для них как иностранный. И они пытались правильно говорить с детьми. Конечно, говорили они неправильно. Собственно, они сами учились польскому от своих детей, которые позже шли в школу». (ж. кашубка, 56 лет)

Как видим из приведенной цитаты, одним из наиболее эффективных инструментов языковой ассимиляции кашубов была государственная школа. Кашубский изображался школой как диалект неграмотных сельских масс, как «калеченный польский», который не может быть частью жизни современного культурного человека. В ходе интервью информанты не раз вспоминали, как они или их родители (в случае молодых собеседников) могли быть наказаны учителями за разговор по-кашубски в школе. Травматический опыт информантов включает в себя воспоминания как о вербальной агрессии, так и физической. Например, учителя могли бить их линейкой по рукам.

«Случалось, мне мама рассказывала, что кашубский язык отождествлялся с... деревенщиной, с необразованностью. Учителя ее часто исправляли: “Не говори так! Говори по-польски правильно! Не говори, как село”. Это остается в людях... Люди сами начинали стесняться говорить по-кашубски». (ж. кашубка, 31 год)

Постепенно подобное отношение к кашубскому языку привело к формированию низкой языковой лояльности в обществе. Владение кашубским не воспринималось как ценность. Скорее, наоборот. Несмотря на то, что в 2005 г. кашубский был признан региональным языком в Польше, что позволило ввести его преподавание в школах, ограниченно использовать в документообороте и дублировать на кашубском придорожные указатели, низкий престиж языка до сих пор транслируется молодому поколению.

«Наши школьные учителя говорили нам: “Не говорите по-кашубски в Гданьске. Иначе к вам отнесутся как к деревенщине”». (м. кашуб, 25 лет)

Рассказывая истории своих семей, информанты последовательно описывали ситуацию диглоссии, или употребления двух вариантов языка (кашубский считался диалектом), четко разграниченных по функциональной сфере и престижу⁵. Так, кашубскому отводилась роль языка домашнего общения, на нем говорили со старшими родственниками и соседями, тогда как языком внешней коммуникации был польский. Именно польский был языком школы, администрации, костела. В лингвистических идеологиях наших информантов кашубский язык занимал преимущественно подчиненное, в сравнении с польским, положение. Термин «лингвистическая идеология» ввел в широкое употребление Майкл Сильверстин. Данный термин предусматривает набор представлений о языке и его роли в обществе⁶. Во время нашей полевой работы мы неоднократно замечали, как информанты из кашубскоязычных семей переходили в общении между собой на польский, когда приезжали в большие города. Говорить там по-кашубски — значит обращать на себя внимание, возможно, столкнуться с презрительным

восприятием. Похожая ситуация характерна и для языков других меньшинств в Польше. Так, результаты нашей полевой работы среди носителей еще одного регионального языка, силезского, доказывают, что для Польши в целом характерны сильные тенденции к языковому централизму.

В условиях утраты кашубским языком своих традиционных коммуникативных функций в этническом сообществе зарождается дискуссия о том, что является цементирующим элементом современной кашубской идентичности? Можно ли сегодня быть кашубом, не владея при этом родным языком? Примеры такой дискуссии часто проявляются в дискурсе, который порождают этнические активисты во время интервью, публичных выступлений или же в частных беседах:

«Кашубы — это не только язык. Более того, я думаю, что чем дальше, чем больше времени будет проходить... и мы, кашубы, будем решать, что нас объединяет... может так оказаться, что язык не является аж так важным». (ж. кашубка, 31 год)

Одним из результатов полевой работы и наблюдений за социолингвистической ситуацией в Кашубии стала убежденность автора в том, что изменение языкового законодательства, на которое возлагают свои надежды этнические и языковые активисты ряда миноритарных сообществ Польши, является хоть и важным, но абсолютно недостаточным инструментом в борьбе с прогрессирующим языковым сдвигом. Так, признание кашубского языка региональным и предоставление ему некоторых административных функций не повлияло на постоянное сокращение его носителей. Скорее, основную роль играет ежедневный сознательный выбор носителей языка, которые, среди прочего, определяют, каким будет язык их домашнего общения. Красноречивым фактом, требующим дальнейших размышлений, является то, что во время изучения этнического активизма в Кашубии автору удалось обнаружить лишь три семьи, где с малолетними детьми говорят преимущественно по-кашубски.

Примечания

- ¹ *Mordawski J.* Geografia Kaszub. Gdańsk: ZKP, 2018. S. 43.
- ² *Ibid.* S. 46.
- ³ *Dorian N.* Language Loss and Language Maintenance in Language Contact Situations // *The Loss of Language Skills* / Ed. by R.D. Lambert. London: Newbury House, 1982. P. 44.
- ⁴ *Haugen E.* Dialect, Language, Nation // *American Anthropologist*. 1966. Vol. 68. N 4. P. 928.
- ⁵ *Ferguson C.A.* Diglossia // *Word*. 1959. Vol. 15. P. 325.
- ⁶ *Silverstein M.* Language Structure and Linguistic Ideology // *The Elements: a Paresession on Linguistic Units and Levels*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979. P. 193.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.06

Идентификация и самоидентификация через этнонимы в чешских миноритарных сообществах на Балканах*

Сергей Александрович Борисов

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: borisovsergius@gmail.com

Ключевые слова: этнонимы, миноритарное сообщество, билингвизм, Балканы, чешский язык

Identification and self-identification through ethnonyms in Czech minority communities in the Balkans

Sergej A. Borisov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: borisovsergius@gmail.com

Keywords: ethnonyms, minority, bilingualism, Balkans, Czech language

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФ 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

Одной из задач экспедиций сезона 2019 г. к компактно проживающим чехам в Хорватию¹, Боснию и Герцеговину, Сербию и Румынию² была фиксация употребления «неофициальных этнонимов», которыми: а) иноэтничные жители (хорваты, сербы, румыны) посещенных нами регионов называют чехов; б) чехи называют, соответственно, своих иноэтничных соседей; в) представители диаспоры называют сами себя.

В одной из своих статей О.С. Коробкова перечисляет основные термины, которыми отечественные исследователи обозначают подобные этнонимы, функционирующие, как правило, только в разговорной речи: «*прозвищные этнонимы* (Е.Л. Березович, Д.П. Гулик), *пейоративные/экспрессивные псевдоэтнонимы* (А.С. Архипова), *экспрессивные этнонимы* (А.И. Грищенко, Н.А. Николина), *национальные прозвища* <...> *национально-расовые оскорбления/пейоративы* (В.И. Карасик), *этнические инвективы* (В.И. Жельвис)», при этом сама она отдает предпочтение терминам *этнофолизм* и *лексемы чуждости*³. Грищенко и Николина при этом отмечают, что термин *этнофолизм*, образованный «сложением корней двух греческих слов: *ἔθνος* ‘народ, племя’ и *φαῦλος* ‘дурной, ничтожный’», используется для обозначения слов, содержащих в себе оттенок нетерпимости к другим народам, тогда как «многие экспрессивные этнонимы далеко не всегда могут быть квалифицированы как этнофолизм»⁴.

Примеры из наших интервью подтверждают тезис о том, что не все подобные этнонимы содержат в себе оттенок презрения и нетерпимости к называемому ими народу, однако бывают случаи, когда одна и та же лексема может восприниматься по-разному. В рамках данной работы будет рассмотрено, прежде всего, функционирование этнонима с корнем *ret-* (формы м.р. мн. ч. *retsi* — преимущественно в Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, *reti* [rem'] — в Румынии) в посещенных нами странах, а также производных от него топонимов. Данный этноним связан с немецким словом *Böhmen* – «богемцы», жители Богемии⁵, которым в метриче-

ских книгах XIX в. помечали прибывавших из Чехии в приграничные с Османской империей районы переселенцев.

В большинстве случаев во всех посещенных регионах отношение представителей чешского меньшинства к этнониму с корнем *pet-* было нейтральным или положительным. Информанты подчеркивали, что это прозвище не обидное и активно употребляли его по отношению к себе.

(1) JM: *Nevim, co to znamena pemaц. Tak vu nas tuten kraj, žikali nam, čexum, pemaц. A mi sme se... žadni se nezlobil. An'ì vot srbu n'ì to. Dřiv de se co sretnu, tam, že n'akej: «O, zdravo, pemaц, kako si?» Mi sme se to nezlobili uopšte, n'ic. Mn'è bilo... On'ì tej nam žikaji češi, von'ì tuti česi, začli tu d'elat: «Tu sou češi, češi. A ešče žikaji po n'ejaki pemci». A mn'è tej smn'ešni, že mi žikaji čex: «Ja sam pemaц, bre, vod pemki! Česi su u Česku», — rekoх.*

‘Я не знаю, что значит пемац. Так у нас в этом краю называли нас, чехов: «пемац». А мы... никто не обижался. Даже если [слышали] от сербов, нет. Раньше, если где кто встретится: «О, здорово, пемац, как дела?». Мы не сердились совсем, ничего. Мне было... Они теперь нас называют чехами, они, эти чехи, которые стали здесь работать: «Здесь чехи, чехи. А еще говорят про каких-то пемцев». А мне теперь смешно, что меня называют чехом: «Я пемац, эй, от пемки! Чехи живут в Чехии», — говорю’.

Лишь один раз нам встретилось резко негативное отношение к прозвищу *pet*. Собеседница в румынском селе Шумица (рум. Şumița, чеш. Šumice) вспомнила дразнилку, которую слышала от румын в отношении чехов.

(2) SB*: *A jak rumun'ì řikaji tadi čexum?*

AD: *Ale čexum... Mi sme mezi t'ima valaxama tadi špatni. Von'ì žikaji, že sme tadi, jak mi to t'ì žict... Vičitaji nam, gdiš se, že mi sme tadi mezi tima čex-, tidle češi, tale vesn'ička, dokola sou jenom rumun'ì. Lapušnik a Božovice a šecki. Tag žikaji: pem pem, že vam to tak tam žict, cu curu(l) de lemn. Vičitaji, viš, že sme špatni, viš, mi mezi n'ima špatni.*

* SB — Сергей Борисов.

‘— А как румыны здесь называют чехов?

— Ох, чехов... Мы у этих валахов плохие. Они говорят, что мы здесь, как тебе это сказать... Ругают нас, ведь мы здесь, среди этих че-, эти чехи, эта деревенька, а вокруг только румыны. Лапушник, Божовице и все остальные. Так что они говорят: «Пем, пем, — придется мне вам это сказать, — (рум.) *с деревянным задом*». Ругают, знаешь, что мы плохие, знаешь, мы у них плохие’.

В силу высокой употребительности этнонима с корнем *pet-* в изучаемых регионах сформировались также производные от него топонимы. Так, в румынском селе Златица (рум. *Zlatița*, серб. *Zlatica*, чеш. *Zlatice*), где исторически сложилась ситуация румыно-сербо-чешского триязычия, одну из улиц информанты называли *pemski sokak* (серб. «пемская»/чешская улица)⁶. В Боснии и Герцеговине было отмечено употребление топонима *Pemija* в значении «Чехия»⁷. Сербские словари фиксируют форму *Пемска* с тем же значением⁸. Распространенная среди хорватских чехов, проживающих в окрестностях города Дарувар, лексема *Pemija/Pemie*, однако, имеет иное значение. Так местные жители называют населенный пункт Иваново-Село (хорв., чеш. *Ivanovo Selo*) — одно из первых чешских сел в этом регионе.

(3) SB: *A teda odsut je najbliži škola f Pemiji?*

ZV: *Pemiji, ano. Mi žikame Pemija. A vite proč Pemije?*

SB: *No p̄resn’e ne, ale n’eco sem slišel.*

ZV: *Da. P(r)otože bemiš je n’emecki česki, ne, bemš. I tak vostalo, bemiš, pemiš, i vostala Pemija. Vod n’emecki, znači, žeči bemiš, da.*

‘— А значит отсюда ближайшая школа — в Пемии?

— В Пемии, да. Мы говорим Пемия. А знаете, почему Пемия?

— Точно не знаю, но что-то слышал.

— Да. Потому что «бемиш» — это по-немецки «чешский», да, «бемш». Так и осталось: бемиш, пемиш, и осталась Пемия. От немецкого, значит, слова «бемиш», да’.

На основании анализа рассказов информантов, записанных в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Сербии и Румынии, можно сделать вывод о том, что экспрессивные этнонимы с корнем *ret-* являются маркером идентичности представителей чешского меньшинства в данном регионе. Они активно употребляются как по отношению к местным чехам «извне», со стороны иноэтничных соседей, так и для самоидентификации чехов. Наиболее распространены нейтральное и положительное отношение к данному этнониму, благодаря чему возникают производные топонимы, которыми пользуются в своей речи как чехи, так и их соседи. Также, однако, фиксируются случаи употребления этнонима с корнем *ret-* в негативном ключе, с целью показать отрицательное, пренебрежительное отношение к представителям чешской диаспоры, например, в селе Шумица, где была записана дразнилка на румынском языке.

Список информантов

- JM — муж., ок. 1945 г.р., Kruščica, Сербия
AD — жен., ок. 1945 г.р., Şumița, Румыния
ZV — муж., ок. 1960 г.р., Rastovac, Хорватия

Примечания

- ¹ Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Полевое исследование среди венгров и чехов в центральной Хорватии // Zbornik Janković. 2019. Br. 4. S. 593–604.
- ² Борисов С.А. Чешский язык в полиэтничном окружении (обзор полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 310–328.
- ³ Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 201.
- ⁴ Грищенко А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: Коллективная монография / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 176–177.
- ⁵ Gece D. Historie českých komunit v Rumunsku. Praha: Herrmann & Synové, 2013. S. 33.

- ⁶ *Борисов С.А., Пилипенко Г.П.* Чешско-сербско-румынские языковые контакты в румынском Банате на материале полевого исследования // Вестник Томского государственного университета, 2020. № 459. С. 17.
- ⁷ *Борисов С.А.* Чешский язык в полиэтничном окружении (обзор полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 321.
- ⁸ Речник српскохрватског књижевног језика. Књига четврта. О–П (ограшје–претња) / ур. Акад. Др. Михаило Стеванович и др. Нови Сад: Матица српска, 1971. С. 382; *Томић М.* Говор Свиничана // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 30. Расправе и грађа / гл. уред. П. Ивић. Београд, 1984. С. 191.

Язык И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.15

Лексика родильной обрядности в словаре «Речник српскога језика» Матицы Србској (2011)

Чжэн Янтун

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: alexsasha1995@163.com

Ключевые слова: этнолингвистика, сербский язык, лексика,
родильный обряд

Vocabulary of maternity rituals in the dictionary “Dictionary of the Serbian language” of Matitsa Serbian (2011)

Zheng Yangtong

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: alexsasha1995@163.com

Keywords: ethnolinguistics, Serbian language, vocabulary, birth
ceremony

Настоящая работа в основном направлена на обобщение и перечисление этимологии лексики родильной обрядности в словаре «Речник српскога језика». Сербский язык не только является одним из славянских, но и частично принадлежит к балканскому языковому союзу (группа торлакских говоров). Поэтому сербский язык имеет балканские черты, что можно проследить на уровне лексики, которая отражает черты на-

родной традиционной культуры. А.А. Плотникова в своей книге использует термины «лексический балканизм», «семантический балканизм» и «культурный балканизм». Она перечисляет богатые ряды славянской и неславянской лексики со значением 'ненастье', 'заимствованные дни', 'болезнь' и т.д., в том числе сербские, объясняя их этимологию и семантику, показывая карты распространения этой лексики, чтобы определить связи между терминами «семантический балканизм» и «культурный балканизм»¹. В данной работе представлен анализ лексем, выбранных из словаря «Речник српскога језика», связанных с родильной обрядностью, которая является неотъемлемой и важной частью жизненного цикла человека и отражает национальную специфику. Современная российская исследовательница И.А. Седакова в своей книге о балканских родинах и отражающей их обрядовой лексике пишет, что «семантическим центром терминосистемы родильной обрядности являются женщины и дети»². Более того, большинство лексем родильного обряда образуется вокруг них и тесно с ними связано. Материалом для данной работы стала соответствующая лексика из сербского словаря Матицы Сербской (2011)³. На примере ряда основных лексем, связанных с родильными обрядами (например, обозначения беременной, роженицы, младенца и др.), проведен этимологический и семантический анализ для выявления специфических черт сербских лексем родильного обряда.

Беременная. Данная лексическая группа описывает состояние беременной женщины. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» С.М. Толстая указывает, что основными названиями беременной женщины в славянских языках являются производные от корней со значением *бремя, ноша, тяжесть*⁴. В сербском словаре Матицы Сербской встречаются многочисленные лексемы с данным значением. Мы нашли следующие термины: 1) *бреме* «беременность», *носити бреме* букв. 'нести бремя, понести'; 2) *бременита* «беременная»; 3) *бременитост* «беременность»⁵. Эти лексемы со значением беременности и беременной образованы

от праславянской основы **bermę*⁶. Первоначальное значение — ‘нести → ноша’, ‘груз’ и ‘бремя’⁷. Кроме того, лексемы со значением беременности могут быть дериватами корня **trud-*, т.е. ‘работа’ (ю.-слав. языки)⁸, например: 1) *трудница* «беременная»; 2) *трудна* «беременная»; 3) *трудноћа* «беременность»⁹.

Роженица. Женщина во время родов (этнолингвистические аспекты, связанные со славянскими представлениями о роженице, подробно освещались в работах Г.И. Кабаковой)¹⁰. Термины, обозначающие роженицу, образованы у славян от корня **род-*¹¹. В сербском словаре Матицы Сербской нами отмечены лексемы славянского происхождения от **род-*: 1) *родильа* «роженица»; 2) *породильа* «роженица». Кроме того, фиксируется также *прворотк(инь)а* — женщина, рожаящая или родившая в первый раз¹². Синонимом является лексема *бабињара: жена док је у бабињама, породильа, родильа* ‘женщина в послеродовой период, роженица’¹³, (от *бабиње* «родильня» и *баба* «повитуха»)¹⁴.

Младенец. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» Г.И. Кабакова и И.А. Седакова уточняют этнолингвистический контекст роли новорожденного в обрядности: «ребенок от рождения до освоения ходьбы, наиболее уязвимый для негативных влияний и воздействия злых сил»¹⁵. И.А. Седакова пишет, что «новорожденный получает терминологическое обозначение в зависимости от многих обстоятельств своего появления на свет»¹⁶. Мы разделили термины, обозначающие младенцев, найденные в словаре Матицы Сербской, на следующие группы:

А. Новорожденный 1) *рођенче, новорођенче* «новорожденный», термин славянского происхождения¹⁷; 2) *беба* «младенец», от турецкого *bebe* «ребенок, кукла»¹⁸; 3) *дете*, «человеческое существо (мальчик или девочка) в период своего раннего развития, от рождения по начала полового созревания»¹⁹, славянского происхождения; 4) *принова* «новорожденный»²⁰, славянский термин от корня **нов-*.

Б. Мертворожденный — *мртворођен* (славянского происхождения)²¹.

В. Ребенок внебрачный. 1) *ванбрачно дете* внебрачный ребенок²², славянского происхождения; 2) *бастард* из английского *bastard*²³; 3) *копиле, копилета; копилан* (м); *копиланка / копилица* (ж)²⁴ румынского происхождения **copil*. ср. в чакавском диалекте хорватского языка: *kopil* и у сербов Косова и Метохии: *koril* и *korilj*²⁵. Несмотря на наличие описательного выражения *ванбрачно дете*, в болгарской и сербской обрядовой терминологии доминируют лексемы *копиле, копилета; копилан* (м); *копиланка / копилица*²⁶.

Г. Ребенок первый. 1) *првородни*; 2) *прворођени*; 3) *прворођенче*²⁷; 4) *првенац* «первенец»²⁸. От славянских корней **први-*, **род-* / **рођ-*.

Д. Ребенок последний. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» Г.И. Кабакова отмечает, что последний в семье ребенок получает название мизинца²⁹. В словаре Матицы Сербской представлены следующие лексемы, образованные от праславянского **mězinъ*, **mězinica*³⁰: 1) *мезимац* младший сын или сын, которого родители больше любят; 2) *мезимица* младшая дочь или дочь, которую родители больше любят³¹. П. Скок трактует происхождение лексемы через *mezinas* ‘mali prst (to je znacenje i slov. i rus., dakle praslav.), posljednji, najmlađi sin’ [маленький палец, мизинец, последний, младший сын]³².

На базе приведенных данных можно сделать вывод, что большинство лексем родильного обряда в сербском языке имеет славянское происхождение, и лишь немногие — балканское, неславянское (турцизмы, романизмы).

Примечания

- ¹ Плотникова А.А. Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки. М., 2013. С. 38–50.
- ² Седякова И.А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М., 2007. С. 25–26.
- ³ Речник српскога језика. Матица Српска. Нови сад, 2011.
- ⁴ Толстая С.М. Беременность, Беременная женщина // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. А–Г. М., 1995. С. 160.
- ⁵ Речник... С. 104–105.

- ⁶ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 1 (А—*besědyľivъ) / под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974. С. 196.
- ⁷ Там же. С. 197.
- ⁸ Толстая С.М. Беременность... С. 160.
- ⁹ Речник... С. 1320.
- ¹⁰ См., например: Кабакова Г.И. Роженица // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 4. П—С. М., 2009. С. 461.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Речник... С. 985.
- ¹³ Там же. С. 54.
- ¹⁴ Кабакова Г.И. Роженица... С. 461.
- ¹⁵ Кабакова Г.И., Седакова И.А. Младенец // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. К—П. М., 2004. С. 257.
- ¹⁶ Седакова И.А. Балканские... С. 37.
- ¹⁷ Речник... С. 1148.
- ¹⁸ Етимолошки речник српскога језика. Свеска 3: БЕ — БЈ. Београд, 2008. С. 18.
- ¹⁹ Речник... С. 258.
- ²⁰ Там же. С. 1028.
- ²¹ Там же. С. 726.
- ²² Там же. С. 122.
- ²³ Там же. С. 63.
- ²⁴ Там же. С. 554.
- ²⁵ Скок П. Etimologijski rječnik hrvamskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1972. Sv. 2. S. 147.
- ²⁶ Седакова И.А. Балканские... С. 39.
- ²⁷ Речник... С. 985.
- ²⁸ Там же. С. 984.
- ²⁹ Кабакова Г.И. Ребенок первый, ребенок последний // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 4. П—С. М., 2009. С. 415.
- ³⁰ Этимологический... С. 227–228.
- ³¹ Речник... С. 679.
- ³² Скок П. Etimologijski... С. 418.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.07

Обозначения пестрого в болгарской народной песне «Че малко ли съм донела»

Александра Игоревна Чиварзина

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: mss-vah@yandex.ru

Ключевые слова: цветообозначения, пестрый, болгарский, балканославянские языки, традиционная народная культура

Designations for motley in the Bulgarian folk song “Che malko li sām donela”

Alexandra I. Chivarzina

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: mss-vah@yandex.ru

Keywords: color terms, motley, Bulgarian, Balkan Slavic languages, traditional folk culture

Пестрота — признак, не подлежащий четкому толкованию. Если обратиться к словарным дефинициям наиболее распространенных лексем для обозначения пестрого в балканославянских (болгарском, македонском, сербском) языках, то можно увидеть, что в основу толкования положен признак яркой расцветки:

болг. **Пъстър** 1. *Който е с разни шарки и цветове; разноцветен, многобагрен* [Состоящий из разных красок и цветов; разноцветный, многоцветный];

болг. **Шарен** 1. *Който е обагрен с разни шарки и цветове; пъстър* [Окрашенный в разные краски и цвета; см. **пъстър**]¹.

Признак окрашенности в разные цвета способствует развитию значения 'украшенный' (ср. мак. *шаралник* 'просфорная печать')². А это значение, в свою очередь, способствует тому, что признак наличия узора, полос, пятен также попадает в значение основных обозначений пестрого:

мак. **Шарен** 1. *Што е со различни бои, разнобоен; што има шарки на себе* [Состоящий из разных цветов, разноцветный; имеющий пятна]³;

серб. **Шарен** 1. *Који је од (у) више боја, разнобојан; прекривен, украшен шарама, ишаран* [Состоящий из нескольких цветов, разноцветный; покрытый, украшенный узорами, разукрашенный]⁴.

Помимо основных и наиболее распространенных лексем, способы передачи этого цветового явления в балканославянских языках могут быть достаточно разнообразными. Номинации могут строиться на основе корней цветообозначений, заимствованных из соседних балканских языков: ю.-серб. *чарьк* (Левосое), ю.-серб. *чакерест* (Пирот) 'с глазами разного цвета', *чаракличе* (Вранье) 'голубь с разными глазами' (от тур. *şakir* 'серовато-голубой') и др.); ю.-серб. *бадза* (Дреновац, Лучане) 'белая овца с черными пятнами, коза', ю.-серб. *бардзан* (Преображенье) 'белый козел с черными пятнами', (от алб. *i bardhë* 'белый')*. В основе других номинаций — метафора: ю.-серб. *цвета* 'пестрая корова' (ср. серб. *цвете* 'цветок'); ю.-серб. *зрнуша* (Барбарушинце) 'белая овца с черными пятнами на голове' (ср. серб. *зрно* 'зерно'), ю.-серб. *звездан* (Вртогош) 'конь с пятном на лбу' (ср. серб. *звезда* 'звезда') и др.⁵

Распределение разных обозначений пестрого на болгарской языковой территории наглядно можно проследить на примере болгарской народной песни «Че малко ли съм донела», варианты которой различаются по всей болгаро-

* ср. также рум. *barză* 'коза с черными пятнами' арум. *bardză, bardzu* 'скот белого или пестрого окраса'; мегл. *bardzā* 'черно-белая коза', мегл. *ruşubardzā* 'рыже-белая коза'; диал. алб. *bërdhumët*, диал. алб. *bërdhukme* (Малесия) 'пестрый', диал. алб. *bërdhan* 'скот бело-желтой окраски'.

язычной территории*. В большинстве зафиксированных региональных вариантах используется лексема *шарен* при описании расцветки домашних животных, упоминаемых в тексте песни.

*Думаха мама и тате, леле,
думаха да ме нападат.
Та защо да ме нападат?
Та дали не им съм донела,
донела, ем докарала,
шарена котка с котенца,
и котенцата **шарени**?*

Сказали мать и отец, *леле*,
Сказали, что меня побьют.
А за что меня побьют?
Разве я им не принесла,
Не принесла да не привела ли
Пеструю кошку с котятами,
котятами пестрыми?

(Покровник, мах. Марчовска, Благоевградско).

– *Калино, мома, малино,
защо ме бие бая ти,
дали му не съм донела,
донела и докарала,
шарена кучка с кутрета
и дива свиня с прасета?...*

Калина, девица, сестра (золовка),
Почему меня бьет твой брат,
Разве я не принесла ему,
Не принесла и не привела
Пеструю собаку с щенками
И дикую свинью с поросятами?

(Лъжене, дн. Трудовец, Ботевградско).

В других региональных вариантах используется одновременно два синонима *шарен* и *пъстър*.

– *Защо ме не ще, бацько ти?
Дали му малко доведох,
или малко му донесох —
пъстра квачка с пиленца,
шарена кучка с кученца.*

Почему не любит меня твой брат?
Разве мало я ему привела,
или мало я ему принесла —
пеструю наседку с цыплятами,
пеструю собаку с щенками.

(Смочан, Ловешко).

Третья группа объединяет немногочисленные примеры использования других способов обозначения пестрого окраса животных.

* Тексты песен взяты с сайта URL: <https://liternet.bg/folklor/motivi-3/malko-li-donesla/content.htm> (дата обращения: 28.03.2022).

– *Мома калино, малино,
защо ме бие бая ти?
Дали не съм му донела,
донела и докарала –
татови **брези** биволи,
чичови кола **шарени**!?*

Деввица Калина, сестрица (золовка),
Почему меня бьет твой брат?
Разве я не принесла ему,
Не принесла и не привела
отцовских черно-белых буйволов,
дядины телеги украшенные!?

(Горна Бешовица, Врачанско).

Примеры регулярного и последовательного использования подобной характеристики цвета домашних животных (а скот в традиционной культуре считается хорошим приданным) свидетельствуют, что пестрый — а значит разнообразный, яркий, богатый — наделен положительной символикой в контексте данной народной песни.

Также анализ текстов из разных диалектов позволил выявить, что наиболее распространенной лексемой для обозначения пестрого в болгарских диалектах является лексема, образованная от общебалканского корня *шара*.

Примечания

- ¹ Речник на българския език. URL: <http://ibl.bas.bg/rbe/> (дата обращения: 28.03.2022).
- ² *Макаријоска Л.* Речник на македонската традиционална култура. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2016. С. 546.
- ³ Толковен речник на македонскиот јазик. URL: <https://makedonski.gov.mk/corpus/> (дата обращения: 28.03.2022).
- ⁴ Речник српскога језика. Нови Сад: Матица српска, 2011. С. 1499.
- ⁵ *Живковић Н.* Речник Пиротског говора. Ниш, 1987; *Златановић М.* Речник говора југа Србије (провинцијализми, дијалектизми, варваризми и др.). Врање: Учитељски факултет у Врању, 2014. С. 39, 42, 223, 731; *Жугић Р.* Речник говора Јабланичког краја // Српски дијалектолошки зборник. Расправе и грађа. Београд: САНУ и Институт за српски језик, 2005. Књ. 52. С. 436; *Динић Ј.* Речник тимочког говора // Српски дијалектолошки зборник. Београд: САНУ, 1988. Књ. 34. С. 299; *Домосилецка М.В.* Албанско-восточноромански сопоставителниот понятийниот словарь: Скотоводческа лексика. СПб., 2002. С. 144–148.

Традиционная болгарская одежда и акциональный код: заворачивание

Агата Павловна Якимова

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: porfironos@yandex.ru

Ключевые слова: костюм, болгарская одежда, этнолингвистика, акциональный код, завернуть, заворачивать

Traditional Bulgarian clothing and promotional code: wrapping

Agatha P. Yakimova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: porfironos@yandex.ru

Keywords: costume, Bulgarian clothing, ethnolinguistics, action code, wrap

В работе рассматривается фрагмент семантического поля традиционной одежды — действия с одеждой, которые в болгарской этнографической литературе обозначаются глаголами *увия*, *завия*. Болгарский этимологический словарь объясняет «*вия*» как «делать нечто в виде круга или дуги»¹. Заворачивание, обвивание, укутывание — это один из способов ношения одежды, который мотивировал появление некоторых терминов: *увица*, *уица* — пояс (Странджа)², *навуца*³ — ‘онучи’, головной убор *завивач* (Врачеш)⁴, *повой*. Применяется он для не кроеной одежды. Таковы пеленки, широкий фартук *фута*, тканый пояс, *шал* — полотно, которое обвязывается вокруг головы или фески. Заворачивание в ткань — способ отделить некий природный предмет, а также сообщить кому-то или чему-то некие свойства посредством ткани.

Частный случай заворачивания — *опоясывание*, когда в ритуальных целях используется пояс или, в качестве пояса, — ткань, полотенце или растительный материал⁵. В болгарской (и не только) традиции *пояс* — предмет, способ ношения которого создает символическую границу между телом человека и внешним миром, в традиционном сознании напрямую связанный с жизненным путем и родственными отношениями. Мужской пояс в болгарском костюме (*белодрешен тил*) длинный — до 8 метров, носят его в несколько оборотов. С одной стороны — это поддерживает спину, с другой — это связано с представлениями о долголетию: о смерти говорят: «*дотук му бил пояса*»⁶ (до сюда был его пояс). В Пиринском крае женский тканый пояс длинный — «*да се завие неколкократно около кръста*» (чтобы обернуть несколько раз вокруг поясицы)⁷. Связь пояса с жизненным путем прослеживается и в быличке о превращении камня в ребенка: «...помолившись, женщина взяла камень, приложила к животу, обвила поясом (тогда все наши женщины носили пояс)... на десятый месяц развила... и камень стал ребенком»⁸. В Гющево невеста смотрит на идущих за ней сватов через кольцо из пояса: «*да я обича момчето и всички роднини*» (чтобы ее любил парень и все родные)⁹. А родственные связи измеряются в «поясах»: «*са четвърти пояс братовчеди*»¹⁰ (четвертый пояс кузенов). В с. Парил (Пиринский край) пояс использовали, чтобы отвезти приданое в новый дом, после от полотна отрезали часть, и это становилось первым поясом невесты¹¹.

Первая «одежда» новорожденного *повой*, *повивак* — так могут называться пеленки или толстая плетеная веревка для пеленок¹² — в своем наименовании содержит указание на способ применения и участвует в наименовании родственных связей «*рода дори до 15 повая*»¹³ (род даже до 15 повая). При этом вместо повая мог использоваться фартук матери или повитухи — предмет, который в болгарской традиции прочно ассоциируется с темой плодородия, в с. Бачково (Пловдивский край) уточняли: «*защото майката няма още своя повивка*» (потому что мать еще не имеет своего повая)¹⁴.

Кроме того, существует глагол «завия» — он употребляется для называния действия надевания верхней одежды: например, в загадке *една невеста в сто кожуха завиела*¹⁵ (одна невеста в сто кожухов одета). При этом верхняя одежда — это также предмет, связанный с семантикой родства. меховая верхняя одежда была подарком семьи жениха невесте: в г. Лясковец, в районе Велико Тырново, тулуп с мехом лисы должен был купить для невесты свекор¹⁶. Верхняя одежда становится также постелькой для младенца в разных районах Болгарии. С ней молодая ходит в поля беременная, «*после завива пак с нея децата*»¹⁷ (потом укутывает ребенка).

Заворачивание — это способ придать объекту определенные свойства, ретранслируемые посредством релевантных признаков одежды или ткани (символически значимый цвет, принадлежность, материал). Пожалуй, наиболее яркий пример — это использование старой рубашки взрослого для пеленания. «Воссоздание ситуации выбора, обилия ухажеров служило объяснением обертывания мальчика в женскую рубаху, а девочки — в мужскую»¹⁸. Заворачивание ребенка в бабушкину, дедушкину рубаху было призвано передать ребенку долголетие и силу взрослых (Дебрене, Калипетрово, Ценович, Н. Черна, Църква, область Добруджи)¹⁹. А актуализация двух признаков предмета одежды — принадлежности и материала — наблюдается в обычае на Гергьовден оборачивать квашню *сукманом* — женским шерстяным сарафаном, чтобы рождались ягнята женского пола²⁰.

Заворачивание — это еще и простой прием имитировать одежду. Например, две участницы девичьего обряда на *Лазаров ден* — *лазарки* — изображают невест, завернувшись в красную ткань²¹, представляя таким образом аллюзию на характерный предмет костюма невесты — красную вуаль (*було*). Л. Каравелов упоминает ритуал, связанный с представлениями о необходимости жертвы при строительстве дома, когда строители меряют тень от первого встречного, заворачивают взятую мерку в крапиву и кладут в основание дома, а человек умирает²² — здесь интересна имитация

смертной одежды, савана, посредством крапивы — древнего материала для изготовления ткани.

Заворачивание в ткань — это и практическое действие. В Пиринском крае ребенка заворачивали в *килимчета* (коврики) из плотной домотканины, чтобы «держать тело ребенка выпрямленным, чтоб не горбился» (с. Кремен)²³. С другой стороны, заворачивание позволяет создать из природного материала оберег. Например, бездетным помогает *колан от смок* — змеиная кожа в полотне, *змийска риза* — змеиная кожа в старом мужском поясе; здесь также актуализируется ритуальная функция пояса.

В описаниях свадебного и родинного обрядов часто упоминается обмен дарами: так, Е.С. Узенёва и М.М. Валенцова в статье «Платок» словаря «Славянские древности» отмечают, что заворачивали хлеб, одежду жениха — в платок невесты²⁴. Но не менее интересен случай антидара — завернутый в фартук невесты сор. В районе Самокова, если невеста оказывалась нечестной, свекровь собирала в ее белую *престилку* (фартук) сор из комнаты молодых и отсылала отцу невесты²⁵. И в этом примере ткань для заворачивания — особая, белая свадебная *престилка* невесты, символизирующая плодородие, чистоту.

Т.В. Цивьян находит связь между магическими действиями с поясом в болгарской традиции и балканским восприятием мира через круг, движение в круге²⁶ и освоением — посредством этого — пространства. Подобная семантика присуща и другим действиям, связанным с окружением чего-то или кого-то предметом одежды или тканью. Таким образом, заворачивание — это частный способ окружения. А примеров заворачивания в ритуальных целях достаточно и в других славянских традициях.

Примечания

¹ Български етимологичен речник. София, 1971. Т. 1. С. 157.

² Ганева Р. Знаците на българското традиционно облекло. София, 2003. С. 93.

³ Там же. С. 224.

- 4 *Барболова З.* Имената на забрадка в българския език. София, 2002. С. 53, 111, 124.
- 5 *Левкиевская Е.Е., Толстая С.М.* Опоясывание // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3: К–П. С. 552.
- 6 *Михайлова Г.* Облекло // Ловешки край. Материална и духовна култура. София, 1999. С. 192.
- 7 *Велева М.* Облекло // Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучавания. София, 1980. С. 274.
- 8 *Маринов Д.* Народна религиозна вяра и религиозни народни обычаи. София, 1994. С. 241.
- 9 *Ганева Р.* Знаците... С. 92.
- 10 *Вакарелски Х.* Етнография на България. София, 1977. С. 449.
- 11 *Велева М.* Облекло... С. 275.
- 12 Български етимологичен речник. София, 1996. Т. 5. С. 405.
- 13 *Вакарелски Х.* Етнография... С. 449.
- 14 *Ганева Р.* Знаците... С. 58.
- 15 Там же. С. 73.
- 16 *Узенёва Е.С.* Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М., 2010. С. 66.
- 17 *Ганева Р.* Знаците... С. 76.
- 18 *Седакова И.А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. Москва, 2007. С. 233.
- 19 *Михайлова Г.* Облекло // Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучавания. София, 1974. С. 232.
- 20 *Ганева Р.* Знаците... С. 47.
- 21 *Плотникова А.А.* Лазарки // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3: К–П. С. 77.
- 22 *Георгиева И.* Болгарская народная митология. София, 1993. С. 211.
- 23 *Велева М.* Облекло... С. 261.
- 24 *Валенцова М.М., Узенёва Е.С.* Платок // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2009. Т. 4. С. 104.
- 25 *Ганева Р.* Знаците... С. 63.
- 26 *Цивьян Т.В.* Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999. С. 20, 100.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.16

Образ сербской ведьмы: есть ли аналоги в китайской провинции Шаньдун?

Лю Ху

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: liu.hu@mail.ru

Ключевые слова: ведьма, мифологические персонажи, этнолингвистика

The image of the Serbian witch: are there any analogues in the Chinese province of Shandong?

Liu Hu

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: liu.hu@mail.ru

Keywords: witch, mythological characters, ethnolinguistics

Сербская ведьма (вештица) — женщина, которая с помощью определенных ритуалов (например, намазывания своего тела «жиром») может превращаться в бабочку или черную птицу и ночью улетать, куда захочет. Считается, что во сне «дух» в виде одного из упомянутых животных вылетает из тела спящей ведьмы. Ее почти всегда представляют как старую и некрасивую женщину, которая причиняет людям зло¹. На территории Сербии такой персонаж называется: в.-серб. *вештица*, *вештечка*, *маџијарка*; з.-серб. *чињарица*, *чинилица*, *вјештица*; ю.-серб. *мађијушница* *мађешница*².

Типологию славянской ведьмы исследовала Л.Н. Виноградова. В частности, она отмечала, что южнославянская *вештица* «совмещает в себе свойства реальной женщины и демона, но в гораздо большей степени, чем ведьма, обна-

руживает свою демоническую природу, сближаясь с такими мифологическими персонажами, как мора, стрига, самодива, вампир»³.

По некоторым локальным верованиям в западных краях славянских Балкан, *вештица* — живая женщина, из которой ночью выходит душа, намеревающаяся причинить вред другим. Душа выходит из тела, пока ведьма спит, в виде птицы с черными крыльями с красными точками. Такую птицу надо накрыть какой-нибудь емкостью. На следующий день приходит ведьма и просит отпустить птицу, обещая, что больше не причинит вреда. Если же душа *вештицы* обращалась в бабочку, то наутро она была истощена⁴.

Было широко распространено представление, что ведьмы «нечистые», у них дурной глаз (*грдне очи* ‘злобные глаза’) и они могут сглазить. Женщин с такими глазами не подпускали к детям. Считалось, что ведьма могла взглядом вредить человеку — «навести порчу», и он через некоторое время умирал. От «сглаза» ведьмы прятали коровье вымя⁵.

Ведьмы проводят тайные встречи по ночам в разное время года, в определенные дни, например, накануне Рождества, 1 марта, в день осеннего равноденствия и т.д. Обычно они собираются под грецким орехом, или на грушевом дереве, или на гумне. Место их встреч обычно очень далеко от постоянного места жительства простых людей. На собраниях ведьмы угощаются лучшей едой из золотого котла, сидя за золотым столом. Они договариваются, как кому-то навредить, или даже о том, чтобы принести в жертву собственных детей или кого-то из родных⁶.

Существуют ли в мифологической системе китайской провинции Шаньдун персонажи, по своей функции и отличительным признакам похожие на сербских ведьм, упомянутых выше? Как уже было отмечено, функции сербской *вештицы* — способность к оборотничеству; наведение порчи; нанесение вреда детям; отбирание молока. Такой мифологический персонаж не имеет прямого соответствия в китайской народной демонологической системе, потому что система провинции Шаньдун организована иначе: главная роль

отводится душам предков (согласно этическому принципу китайского Конфуцианства), и именно душам предков приписывается функция помогать или (в более редких случаях) вредить людям. Большинство мифологических персонажей генетически связаны с духами умерших предков, что часто отражается в их номинации, где одним из составляющих элементов оказывается термин родства — бабушка⁷, дедушка (например, «бабушка пшеницы», «бабушка камня», «дедушка земли» и т.д.). Кроме того, «добрые и злые духи у древних четко не различались. Хотя они и выделяли небесных богов, духов земли и души умерших, но в их представлениях души умерших могли превращаться в небесных и земных духов»⁸. Таким образом, низовая народная демонология находится в полном соответствии с традиционными представлениями о почитании старших (выразившимися, в частности, в конфуцианской системе). Ведьма занимает особое место в славянской мифологии, поскольку сочетает в себе черты человека и демонического существа. В китайской мифологической системе есть персонаж шаман, который, будучи человеком, способен принимать в себя души предков, т.е. тоже находится на границе мира людей и демонов/духов.

Слово *ведьма* может быть переведено на китайский язык лексемой *упо*, имеющей следующую дефиницию в словаре современного китайского языка: «исторически женщина-священнослужитель, занимающаяся гаданием и совершающая моления, в дальнейшем — шарлатанка, выдающая себя за божество или призрак; гадалка, совершающая моления о ниспослании удачи»⁹. В настоящее время китайские ведьмы — это женщины, живущие в сельской местности, якобы обладающие сверхъестественной силой, которая позволяет им предсказывать будущее и помогать людям. Они выступают своего рода медиаторами между миром предков (духов) и миром живых людей. Они способны «приглашать» духа в свое тело и таким образом общаться с ним. У них есть свой «учитель» (душа предков или дух животного). Их основная функция — устранение несчастий, предсказание будущего и исцеление различных заболеваний.

В зависимости от района в провинции Шаньдун такие люди (как правило, женщины) называются по-разному. Так, на юге их зовут *сянтоу* (香头). В дом *сянтоу*, где организованы специальные жертвенные залы или углы, приходят те, кто желает пообщаться с духами, сжигают палочку благовония и получают от *сянтоу* ответ на свой вопрос¹⁰.

В районе Линьцой известно название *сянчжань* (香站). Фактически *сянчжань* создают культ своего «учителя», которым часто является божество или дух, благословляющий жителей села и дарящий им здоровье и счастье¹¹. *Сянчжань* может найти и вернуть потерянную душу больного¹². Для этого она относит одежду человека на то место, где тот «потерял» душу, трижды бросает ее на землю со словами «Друг, друг, вернись домой!», после чего больной надевает эту одежду и отправляется домой спать. Также *сянчжань* может снимать порчу. Она просит «учителя» помочь изгнать душу предка. Если просьба не помогает, *сянчжань* приглашают в дом больного. Считается, что порчу насылают предки, поэтому *сянчжань* в разговоре с пациентом обращается именно к ним: «Если вы тоскуете по дому, не волнуйтесь. Ситуация в доме очень хорошая, пожалуйста, вернитесь в могилу как можно скорее. Если вам не хватает денег, обещаю сделать много пожертвований»¹³.

В центральных районах Шаньдуна женщин со сверхъестественными способностями называют *шэнпо-цзи* (神婆子), а для обозначения самого контакта с духом используется лексема *сяшэнь* (下神 ‘вызывать духов’). В большинстве случаев люди обращаются к *шэньпо* для того, чтобы вылечить болезни или решить жизненные проблемы; к ним приходят домой или, наоборот, приглашают в свое жилище. Сначала *шэньпо* возжигает ладан и совершает поклоны, прося духа спуститься. Затем она начинает зевать, на губах показывается пена, тело сотрясают дрожь и судороги, и она начинает говорить от лица того духа, который причинил вред. Человек же в это время кланяется, задает вопросы о болезни и способах лечения или же описывает проблему и спрашивает, как ее решать. За свою работу *шэньпо* просит подношения: ткань, свинину, выпечку и деньги.

Вышеизложенный материал не позволяет провести устойчивые параллели между образами ведьмы в сербской и китайской народной демонологии ввиду отсутствия общих черт, касающихся их функций, приписываемых им способностей и т.п. Их сходство ограничивается приписываемыми им обеим сверхъестественными способностями и тем фактом, что, как правило, ведьмами являются женщины. Что же касается их основных функций, то они в некотором роде противоположны — китайские ведьмы помогают людям, в то время как сербские — вредят. Принцип *Сяо* [孝] — «почитание родителей, уважение к старшим людям» является одной из важнейших добродетелей китайского конфуцианства. Считается, что умерших предков следует всегда уважать. Согласно другой концепции, *Ли* [禮] — «соблюдение ритуала», люди часто совершают жертвоприношения предкам, чтобы предки могли благословлять своих детей и внуков¹⁴. Китайская ведьма чаще всего предстает в образе «получеловека» и «полудемона». Она скорее похожа на сербскую знахарку, которую планируется исследовать в дальнейшем. Не исключено, впрочем, что в других провинциях, за пределами Шаньдун, встречаются персонажи, похожие на сербских ведьм. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Примечания

- ¹ Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд: Нолит, 1970. С. 73.
- ² Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. С. 218–222.
- ³ Виноградова Л.Н. Общее и специфическое в славянских поверьях о ведьме // Образ мира в слове и ритуале: Балканские чтения-I. М., 1992. С. 66.
- ⁴ Зечевић С. Из народне митологије ужичког краја // Никола Пантелић Гласник Етнографског музеја у Београду. 1984. Књ. 48. С. 348.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд: Нолит, 1970. С. 74.
- ⁷ См. Лю Ху. Бабушка как мифологический персонаж в провинции Шаньдун // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6. С. 450–452.
- ⁸ Юань Кэ., Рифтина Б.Л. (отв. ред.) Мифы древнего Китая. М.: Наука. 1987. С. 13.

- ⁹ 吕叔湘, 丁声树. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆. 第七版. 2016. 第1380页 [Люй Шусян, Дин Шэншу. Сяньдай ханьюй цыдянь (Современный словарь китайского языка). Бэйцзин: Шануиньшугуань. 7-ое изд. 2016. С. 1380].
- ¹⁰ 马仿仿. 民间信仰与地方社会: 山东定陶地区“家户型香堂”研究. 硕士论文: 广东技术师范学院. 2018. 年, 第15页. [Ма Фанфан. Миньцзянь синьян юй дифан шэхуэй: Шандун Динтао дицюй цзяхусин сянтан яньцзю. (Народная вера и местное общество: исследование «Дома Сяньтан» в районе Динтао). 2018. С. 15].
- ¹¹ 孟敏. 山东临朐地区民间“香站”信仰研究. 硕士论文: 中国海洋大学. 2014年, 第7页. [Мэн Минь. Исследование народных верований в «Сянчжань» в районе Линьцюй провинции Шаньдун. Магистерская диссертация. Китайский океанский университет, 2014. С. 7.]
- ¹² Суеверие: Если люди (особенно дети) вдруг не в своем уме, в подавленном настроении, то говорят, что они потеряли свою душу.
- ¹³ Там же. С. 34.
- ¹⁴ Если предки не получат должные дары, то также принесут беду и накажут своих детей и внуков.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.09

Предвестники и знаки смерти в представлениях украинцев Саратовской области

Дарья Геннадьевна Чубукова

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация; e-mail: dchubukova37@gmail.com

Ключевые слова: украинский анклав, быличка, исследования
смерти, народные представления, традиционная культура

Harbingers and signs of death as perceived by Ukrainians in Saratov region

Daria G. Chubukova

Russian State University for Humanities,
Moscow, Russian Federation; e-mail: dchubukova37@gmail.com

Keywords: Ukrainian enclave, memorate, death studies, folk
performances, traditional culture

Тема смерти, будучи актуальной во все времена, неизбежно занимает одно из центральных мест в традиционной культуре, в том числе в культуре славянских народов. Отношение к смерти и широкий круг связанных с ней смыслов дают представление о глубинных аспектах народной культуры, поэтому понятен интерес, который проявляли и проявляют к этой теме исследователи как в России, так и за рубежом. Одним из таких аспектов являются представления о предвестниках и знаках смерти.

В настоящей работе эти представления рассматриваются на примере традиции Терсянско-Еланского украинского анклава Саратовской области, в котором в 2012–2019 гг. проходила полевая практика студентов ЦТСФ РГГУ. Источниковой базой работы служат интервью с жителями Самойловского района Саратовской области, проведенные по опросникам Полесского этнолингвистического сборника¹.

В украинском анклаве Саратовской области устойчиво сохраняются представления о том, что непосредственное приближение смерти предвещают различные приметы и сны. Цель работы — описать и проанализировать представления о предвестниках скорой смерти, которые эксплицируются в фольклорных текстах, мифологических представлениях, похоронном обряде и поминальных практиках исследуемым сообществом.

В традиции украинского анклава Саратовской области с предвестием смерти связано множество примет — непрекращающийся вой собаки ночью со двора, сидящий на трубе или крыше дома сыч, неожиданный стук в окно или дверь, голоса и т.п. Отдельной категорией примет смерти следует считать те, которые актуализируются в контексте погребального обряда: если человек умер с открытыми или приоткрытыми глазами, это значит, что он с собой кого-то уведет — в скором времени умрет еще кто-то из окружения покойного. Кроме того, считается, что после двух смертей обязательно будет третья.

В системе традиционных представлений украинцев Самойловского анклава заметное место среди предвестников

смерти занимают сны. Так, например, устойчивый характер имеет общераспространенное представление о том, что видеть выпадение зубов во сне — к смерти родственника. В то же время некоторые сны самого различного содержания могут получить статус вещей уже после того, как за ними последовало трагическое событие. При этом прогностический смысл может приобрести и сон, который сам покойный успел рассказать перед смертью.

Пожалуй, основным типом сновидений, предвещающих смерть, являются те, в которых приходят умершие родственники. Ранее нами уже упоминалось, что сны в традиции анклава являются одним из способов коммуникации с умершим². В частности, информанты нередко трактуют явление покойника во сне как прогностический знак, свидетельствующий о скорой перемене погоды (к дождю летом или снегу зимой), реже о болезни или смерти.

Само по себе появление покойника во сне, как правило, еще не представляет опасности для спящего*, однако широко распространено поверье, что ни в коем случае нельзя идти вслед за ним, если он зовет тебя, иначе вскоре умрешь: *«[А не говорили люди, что приходят покойники?] Цзуб нэ зная. Ёсли пряды коуб звать, то он ужэ прядэ забиратъ»* (Коржова Валентина Владимировна, 1937 г.р., с. Залесянка).

Нельзя не упомянуть, что одним из предвестников скорой смерти в изучаемой традиции является контакт человека с демонологическими персонажами, например, с домовым. В анклавной традиции существует представление о том, что домовый показывается или душит в знаковые моменты жизни домочадцев. Стоит заметить, что в анклавной традиции мы не зафиксировали ни одной записи, где появление домового предвещало бы положительное изменение в судьбе че-

* По представлениям жителей анклава, явление покойника во сне может свидетельствовать о том, что он в чем-нибудь нуждается. Например, необходимо положить какую-либо вещь ему в могилу или передать эту вещь через другого покойника (положить ее в гроб). Также появление покойника может быть связано с календарным циклом поминовения умерших. Соответственно, его нужно помянуть.

ловека. Чаще всего оно предвещает смерть кого-то из близких: *«Сестра́ моя <...> А пэрэд отцо́м, пэрэд похоро́нами, пэрэд смэртью. Кажэ́т: «Ду́ша мэнэ́, лягло́ в шерсти́ вся, и я, — кажэ́, — «о цэ, к добру́ или к ху́ду?» А он: «К ху́ду! К ху́ду! (Нрзб.) К ху́ду!» И отце́ у́мер. Приезжа́ла на по́хороны, цэ́ раскэ́зывала мэнэ́, как пэ́ред э́тим домово́й души́вец»* (Шевцова Лидия Михайловна, 1937 г.р., с. Еловатка).

Иногда информант не осознает этой прогностической функции контакта с домовым, но в нарративе маркирует контакт тем, что он случился перед смертью близкого человека: *«Лежи́т, мо́жет, спит, мо́жет, се́рдце останóвится. Ды́хатъ не́чем. И, вро́де, ктось на тэ́бэ сиди́т. Начинáешь моли́тву — исче́зэ. Я то раз лежа́ла, ещэ́ вин живы́й был. Ти́льки ляу́ла. Я нэ́ зна́ю, засну́ла. Чу́ю, о́коло мэнá: «кхе, кхе, кхе». Я как взлети́ла. И сижу́. Ду́маю, ничеу́о сибэ́. Вро́де, свячэ́ной водо́й побры́зувала. Вро́де, ничёу. [А не спрашивали, на добро́ или на худо́?] Якэ́ там добрó? Испу́а́йся, э́сли нема́ нэ́уде́ нико́у, рядо́м с тобо́й ка́шляет. Якэ́ там добрó?»* (Лёвина Людмила Леонтьевна, 1941 г.р., п. Самойловка).

Иногда человек сам провоцирует контакт с домовым, чтобы узнать будущее своих близких, однако и в этом случае такой контакт не предвещает благоприятных изменений в судьбе: *«И когда́ у ба́бушки бра́ли сыно́у в а́рмию. То ба́бушка ўот... домово́й... и она́ спра́шивает: «На ху́до чи на добрó?» Так сказа́л: «На ху́до!» У ба́бушки четы́ре сы́на бы́ло у моё́й. Оте́ц мой и три бра́та — все поу́йбли»* (Седикова Раиса Петровна, 1931 г.р., п. Самойловка).

В целом, можно сказать, что в украинском анклаве Саратовской области достаточно хорошо сохраняются традиционные славянские представления о возможных предвестниках скорой смерти — приметах, снах; актуализируется прогностическая функция домового.

Примечания

- ¹ Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1983.
- ² Чубукова Д.Г. Коммуникация живых и умерших в традиции украинского анклава Саратовской области // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 25–26 мая 2021 г. / Отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 247–251.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧАТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ПАМЯТНИКОВ

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.10

Глоссирование как метод критики текста в издании Апокалипсиса 1625 г.

Лидия Ильинична Шутова

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: lidia.shoutova@gmail.com

Ключевые слова: Андрей Кесарийский, Апокалипсис, переводческая техника, язык, глоссирование, лексические регионализмы

Glossing as a Method of a textual criticism in the 1625 edition of the Apocalypse

Lidia I. Shoutova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: lidia.shoutova@gmail.com

Keywords: Andrew of Caesarea, Apocalypse, translation technique, language, glossing, lexical regionalisms

В богослужebную практику Восточной Церкви никогда не входило чтение Апокалипсиса, что повлияло на судьбу его славянского перевода. Как полагает И.К. Трифонова, выявить идентичный в текстологическом отношении текст Апокалипсиса проще после публикации Острожской Библии 1580–1581 гг. и после издания толкового Апокалипсиса

св. Андрея Кесарийского в 1625 г. в типографии Киево-Печерской Лавры¹. Исследователи выделяют в отдельную редакцию Апокалипсис 1625 г.², языковые и текстологические особенности которого изучены хуже.

Отличительной чертой рассматриваемого издания является обширный критический материал, сосредоточенный в маргиналиях и свидетельствующий о переводческой технике книжников. Существует несколько классификаций маргинальных глосс, рассмотрим некоторые из них. Л.С. Ковтун, работая с материалом Геннадиевской Библии, включенным в азбуковники, выделяет следующие типы глосс: переводы иноязычных слов, словарные толкования иноязычных понятий, синонимичные глоссы, поправки к переводу служебных слов³. Иное деление предложила В.А. Ромодановская, выделившая лексикографические глоссы — иноязычные соответствия славянским лексемам и славянские пояснения иноязычных вставок; вариативные глоссы, где славянские лексемы поясняются славянскими же; лексико-энциклопедические глоссы; леммы — отсылки к параллельным местам внутри самого текста, являющиеся также элементом разметки⁴.

Т.В. Пентковская выделяет три типа глосс: текстологические, грамматические и лексические. Грамматические и лексические указывают на процесс грецизации славянского текста: они воспроизводят греческое управление в словосочетаниях и отражают поморфемное калькирование, устраняют двойственное число, происходит перенос семантики греческого слова⁵. Таким образом, маргинальные глоссы рассматриваются как инструмент критики текста.

И.С. Сусоева разработала свою классификацию глосс, работая с текстом Бесед Иоанна Златоуста на Послания апостольские, изданным в типографии Киево-Печерской лавры в 1623 г. Ею выделены глоссы-латинизмы, глоссы-грецизмы, глоссы-произвольники (славянские синонимы)⁶. Классификация И.С. Сусоевой представляет для нас особый интерес, так как разбираемый нами Апокалипсис был так же напечатан в типографии Киево-Печерской Лавры двумя годами позднее, в 1625 г.

Евангеліи ѡбъясняется въ Сїи глаголющисѧ въ народословїи же Павло-комъ, еже естъ въ дѣланихъ (л. 5)). В глоссе для поморфемной кальки δημηγορία приводится устоявшийся с XI в. эквивалент проповѣдь.

Встречаем и маркированные регионализмы, появление которых можно рассматривать как этап подготовки Лексикона Берынды 1627 г. Прилагательное бѣденъ (Зане глаголюши, акъ богатъ емъ, и обогатихъсѧ, и ничтоже трѣбю и не бѣи акъ ты еси ѡкаменъ, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ (л. 17)) соотносится в маргиналии с вариантом мизерный; такое же определение находим и в Лексиконе Берынды. Царское япортвалъ мѡдрованіе (Первое же животное Левъ, мнитъ сѧ гавлати Царское япортвалъ мѡдрованіе на бѣсы нхъ ради речено бысть, Се Царіе зѣмстїи избрашасѧ (л. 25)) соотносится с регионализмом шлахѣтным оумыслъ. В Лексиконе Берынды данной лексеме действительно дано определение оумыслъ.

Обратим внимание на глоссы-грецизмы: они могут как пояснять основное чтение, так и, наоборот, поясняться. Так, славянской лексеме дѣтководителѧ (Черъ яггла Цркви бегѣдѣтъ акъже бы кто черъ дѣтководителѧ дѣтководимомъ (л. 9)) в маргиналии посылается эквивалентный грецизм педагоγ. Оно свидетельствует о работе с греческим оригиналом: Διὰ τοῦ ἀγγέλου τῆ ἐκκλησία διαλέγεται, ὥσπερ ἂν τις διὰ παιδαγωγοῦ τῷ παιδαγωγοῦμένῳ.

Обратная ситуация наблюдается в примере употребления лексемы филы, которая комментируется с помощью соответствия чашѣ (Старца падоша предъ агнцемъ, имѡще каждо гѡли и филы златыѧ полныѧ каженни, еже етъ молитвы свѣтыхъ (л. 23)). Подобным образом хиннѡъ объясняется через славянизм мѣра (И слыша гласъ глаголющъ хиннѡъ пшеница за динаръ (л. 26)) Καὶ ἦκουσα ὡς φῶνην ἐν μέσῳ ζῶν λέγουσαν, χοῖνις σίτου δηναρίου.

Отдельную категорию образуют глоссы, вносящие грамматические исправления в основной текст. Они также указывают на проводимую книжниками справу. Например, возможна мена видовременной формы глагола, указывающая на обращение книжников к Острожской Библии: основному чтению изкрѡшатсѧ (и ѡплетъ жезломъ желѣзнымъ акъ свѣды

скъдѣлннъ скръшати (л. 13)) предлагается вариант *скръшлюч*. В ином случае видим исправления всех форм единственного числа на множественное, соответствующие чтению Острожской Библии: *И дана (даны) бысть (быша) нмъ кождо риза (ризы) бѣлаа (бѣлыа), и речено бысть нмъ да починутъ еще время малое* (л. 28).

Таким образом, рассмотрение обширного материала маргиналий позволяет уточнить некоторые детали относительно методов редактуры киевских книжников, в частности, расширить представления о принципах глоссирования в книжной практике раннего Нового времени в целом.

Примечания

- ¹ *Трифорова И.К.* Откровение св. Иоанна Богослова среди православных славян и в южнославянской письменности // *Studia Ceranea*. 2016. N 6. P. 180.
- ² Толкование на Апокалипсис. Киев: Тип. Лавры, 1625. Л.: 8 нн., с. 1–122, л. 123–130, с. 131–156, 1 нн. л. = 182 с. = 91 л.; 2° (307 x 190 мм).
- ³ *Ковтун Л.С.* Азбуковники XVI–XVII вв.: Старшая разновидность. Л., 1989.
- ⁴ *Ромодановская В.А.* Об источниках и характере энциклопедических глосс Геннадиевской Библии (1499 г.) // *Труды Отдела древнерусской литературы*. СПб., 2001. Т. 52. С. 138–139.
- ⁵ *Пентковская Т.В.* Ветхозаветные маргиналии в Московской Библии 1663 года // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2020. Т. 42. № 5. С. 32–38.
- ⁶ *Сусоева И.С.* Беседы Иоанна Златоуста на Послания к Коринфянам (Киев, 1623): переводческая техника и язык: Дисс. магист. Моск. гос университет. М., 2019.
- ⁷ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / гл. ред. Д.Н. Шмелев. М., 1987. Т. 12. С. 140.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.11

Две новые иллюстрации из донесений В.М. Тяпкина к истории польско-русских культурных связей XVII в.

Арсений Владимирович Богатырев

Независимый исследователь,
Тольятти, Российская Федерация; e-mail: sob1676@yandex.ru

Ключевые слова: В.М. Тяпкин, польский язык, русский язык,
XVII в., перевод

Two New Examples from Vasily Tyapkin's Reports Concerning the History of Polish-Russian Cultural Ties of the 17th Century

Arseniy V. Bogatyrev

Independent researcher,
Tolyatti, Russian Federation; e-mail: sob1676@yandex.ru

Keywords: Vasily Tyapkin, Polish language, Russian language,
17th century, text translation

Потенциал рапортов дипломатов как источника информации о внешнеполитических делах активнейшим образом используется в научных исследованиях. Учитывая характер ресурса, это представляется вполне естественным, но если копнуть чуть глубже, можно отыскать слои данных иного свойства. Похожим образом, к примеру, обстоит дело с документацией первой русской «резидентуры» в Речи Посполитой В.М. Тяпкина. Ее анализ дает ответы на разные вопросы, наблюдение над этим материалом позволяет проследить

связь с поэтической мыслью Симеона Полоцкого, увидеть движение идей и их заимствование в творчестве «государственных мужей» Речи Посполитой.

Вышеперечисленное имеет отношение к открытому нами среди реляций Тяпкина произведению «Перевод списка записи, какову дали новообранному Яну, королю полскому, Андрей Требицкой, бискуп краковской, Ян Генбицкой, бискуп плоцкой, с товарищи при присяге королевской в нынешнем 1674 году»¹ (далее — «Запись»). Сочинение касается вступления на престол Речи Посполитой «вельможи века» — Яна III Собеского в 1674 г., подписано именами епископов Анджея Завиши Тшебицкого и Яна Гембицкого. Нашим вниманием завладела строчка, объяснявшая возложение венца на нового монарха его деяниями, которые «златые пути на сердца всех и языки [...] зложили»².

«Златые пути» — довольно известный оборот речи, связанный в те времена в большей степени со сферой брачной, любовной («złote pęta, kajdany, okowy i łańcuchy miłości»³). Область чувств поэт XVII в. Самуэль Твардовский называет не иначе как «сладкая неволя и златые оковы»⁴. Параллель в данном случае не кажется простым совпадением — в том же переводе из документов миссии Тяпкина Речь Посполитая после смерти короля Михаила Вишневецкого именована «овдовевшей»⁵; таким образом, восшествие монарха превращалось в «свадьбу» — венец любовно-брачных отношений.

Интерпретируя эмоциональный посыл изречения, нужно помнить, что понятие *pęta*, 'пути' воспринималось и в негативном ключе, как «невольничьи пути», «не злотые на сердце княжны кайданы несчастливый час вложил»⁶. Также и у Збигнева Морштына (ум. 1689) — «на сердце оковы» («na serce pęto; zkad więzień nie powu»⁷). В то же время в поэтической подборке Якуба Теодора Трембецкого (XVII в.) читаем о «золотых путях набожности» («Złote Pobożności Pęto»⁸). В России до открытия перевода «Записи» 1674 г. среди наиболее ранних примеров использования схожего выражения можно припомнить поэтическое сравнение из «Обеда душевного» (изд. 1681 г.) Симеона Полоцкого, имевшее, впрочем,

несколько иной смысл: «Да не како поработит вас Мамона и златыми оковы окует сердца ваша»⁹.

Следующий любопытный образец красноречия из «Записи» описывает процедуру избрания государя Польско-Литовского государства, выборной монархии, когда «паки зерни м(е)танием в короля произыти [...]»¹⁰. Зернь, как известно, представляет собой разновидность азартной игры, кидание костей. Всячески порицалась в России, ассоциировалась с кабацкой жизнью, пьянством и разнузданностью¹¹. В русских текстах зернь, как правило, не *метали*, ею *тешились*, *играли*¹². Со времен Тяпкина дошел только один известный речевой эпизод с метанием зерни, с которым знакомимся в «Вертограде многоцветном» (1678 г., цикл «Праздник») Симеона Полоцкого: «картами играние, зерней метание»¹³. На Руси имели хождение как обозначение *зернь*, так и слово *кость*¹⁴ (пол. *gra w kości*), поэтому мотив, которым руководствовались авторы (автор перевода в выборе именно лексемы *зернь*, до конца не ясен.

Сходным образом относились к развлечению и в Речи Посполитой, где такой вид досуга, несмотря на порицание со стороны Церкви и уничижительные характеристики, был распространен. В соединении с выборами правителя находим название игры у Кшиштофа Варшевицкого, талантливого оратора и писателя XVI — начала XVII вв. Он отозвался об элекции как о подлинной игре в кости: хоть в отчизне и есть добрые люди, но предостаточно плохих и развращенных, которые через подобную практику приобретают возможность творить дела государства¹⁵.

Ситуация с игрой в кости в переводе «Записи» несколько иная — «метание зерни» рассматривается как бросание жребия, передача права «почетного броска» судьбе, случаю: «Но на три дни протянув разсуждение, сенатори и народ полской и Великого княжества Литовско(го) согласными желанми и со жребствованми короля своего [...] изберут»¹⁶. На первый план выдвигается фигура Фортуны, которую Кшиштоф Опалинский прямо сравнивает с игроком в кости¹⁷, вмешивающимся в «великое дело века». Персона

римской богини удачи вообще довольно частая гостья на страницах политических, «сеймовых» произведений XVII–XVIII вв.¹⁸ В то же время Каспер Мясковский (ок. 1549–1622) предупреждал, что для опытных шулеров результат жеребьевки при помощи игральные кости вполне предсказуем¹⁹.

Перечисленное выше интересно высвечивает семантику термина *зернь* в русской языковой традиции. Значений, аналогичных понятиям *судьба*, *случай*, в специальных изданиях XVII в. за данным словом не закреплено²⁰. Таким же образом обстоит дело и с лексемой *кость* / *кости*, при этом о костях в качестве инструмента гадания находим свидетельство 1692 г.²¹ И лишь с 1716 г. словосочетание «кидать / метать кости» получит «судьбоносное» истолкование²².

Однозначно утверждать, что рассмотренные нами два выражения задержались в русской речи именно благодаря переводу, сохранившемуся в архиве первой русской «резидентуры» в Речи Посполитой, мы не можем. Для этого необходимо привлечь дополнительные ресурсы, более основательно погрузиться в тему. Опираясь на рукописи Тяпкина, мы чуть больше узнаем о ранних обстоятельствах, сопровождавших процесс вхождения указанных «острословий» в русский язык, регистрируем изменения их семантической составляющей, подробнее знакомимся с особенностями работы политических писателей XVII в.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 28–35об.
- ² Там же. Л. 30.
- ³ Polskojęzyczna poezja ukraińska od końca XVI do początku XVIII wieku / red. R.P. Radoszewskij. Kraków, 1996. Cz. 1. S. 248.
- ⁴ *Twardowski S.* Daphnis drzewem bobkowym. Lublin, 1638. S. 29.
- ⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 28.
- ⁶ *Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego.* Wrocław, 1840. S. 10.
- ⁷ *Morsztyn Z.* Poezycze. Poznań, 1844. S. 103.
- ⁸ *Trembecki J.T.* Wirydarz poetycki. Lwów, 1911. T. 2. S. 397.
- ⁹ Цит. по: *Робинсон А.Н.* Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. С. 260.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 30.

- 11 *Илюшин А.А.* С польского на славяно-русский (к проблеме перевода *Carminum variegatum* Симеона Полоцкого) // Советское славяноведение. 1990. № 1. С. 92.
- 12 *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / сост. Н.Б. Бахилина [и др.]; гл. ред. С.Г. Бархударов. М., 1978. Вып. 5. С. 385.
- 13 *Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв.* / вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.М. Панченко; общ. ред. В.П. Адрианова-Перетц. Л., 1970. С. 145.
- 14 *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / сост. В.Я. Дерягин [и др.]; гл. ред. Ф.П. Филин. М., 1980. Вып. 7. С. 374.
- 15 *Tarnowski S. Pisarze polityczni XVI wieku.* Kraków, 2000. T. 1. S. 648.
- 16 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 30.
- 17 *Opaliński K. Satyry.* Kraków, 1884. S. 246.
- 18 *Ostrowski-Danejkowicz J. Swada polska y tacińska albo Miscellanea oratorskie sey-mowe.* Lublin, 1745. T. 1. S. 4, 48, 187.
- 19 *Miaskowski K. Zbiór rytmów* / wyd. A. Nowicka-Jeżowa. Warszawa, 1995. S. 345.
- 20 *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 5. С. 385.
- 21 *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 7. С. 374.
- 22 *Словарь русского языка XVIII в.* / гл. ред. Ю.С. Сорокин. СПб., 2001. Вып. 12. С. 154.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.12

Вопрос о полонизмах в «Логике» Макария Пётровича*

Алина Сергеевна Алексеева

ИРЯ им. В.В. Виноградова Российской академии наук,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Русская христианская гуманитарная академия;
e-mail: alevtina.sergeevna@gmail.com

Ключевые слова: Макарий Петрович, логика, полонизмы, терминология

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-78-10051, «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

Towards the question of Polish influence on the terminology in "Logic" by Makariy Petrovich

Alina S. Alekseeva

V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences;
Russian Christian Academy for Humanities;
Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities;
e-mail: alevtina.sergeevna@gmail.com

Keywords: Makariy Petrovich, logic, polonisms, terminology

В середине XVIII в. иеромонах Макарий Пётрович (ок. 1733–1765 гг.) представляет учебник по логике, составленный по материалам прочитанного им в Славяно-греко-латинской академии собственного курса. Текст известен в трех списках: ранний, имеющий заглавие «Логика, собранная из разных авторов и удобным порядком расположенная на российском языке для употребления в Москве 1758 года московской Академии иеромонахом Макарием» (далее — «Логика») хранится в ОР РНБ¹, два других — также в ОР РНБ и ОР ГИМ².

Терминологический аппарат «Логики», как пишут В.И. Кобзарь и Л.Г. Тоноян, включает в себя несколько видов терминов (нумерация и подчеркивание далее введены мной. — А.А.): «Отец Макарий, используя указанные 1) уже вошедшие в научный оборот слова, оставляет 2) многие греческие термины без перевода <...> Оставляет он 3) без перевода и некоторые латинские термины: резолвовать (от лат. *resolvo* — «разъяснять»), *дефиниция* (определение), *ноти* (знаки), *универсальное* и *партикулярное* (предложение), *предложение фалшивое*, *кондициональныя предложения*, *конклюдия* (заключение), *артифициальный*, *экспериенция* (опыт), *оппонент/респондент*, *диспутоватся*, *субтилитеты* (тонкости) и др. В других случаях он считает нужным сделать 4) перевод на русский язык»³.

Однако, как кажется, Макарий Петрович имел особый резон использовать некоторые «латинские термины» без перевода ввиду их происхождения — рассмотрим это предположение на примере двух глаголов из списка.

- 1) *диспутовать* (*диспутующимся, диспутующияся, диспутуются, диспутуются*)

В русской словесности XVIII в. отмечается несколько лексем с корнем — *диспут-*, которые связаны по происхождению с польским языком: *диспута* (с 1698 г.) — по мнению А.Е. Аникина, из польск. *dysputa* от фр. *dispute*, нем. *Disput* или, возможно, итал. *disputa*⁴; согласно авторам словаря русского языка XVIII в., через лат. непосредственно или польск. *dysputa* из итал. или фр.⁵; *диспут* (с 1713 г.) — вероятно, из нем. *Disput*⁶; *диспутация* (с 1716 г.) — через польск. *dysputacyja* ‘полемика, дискуссия (научная, богословская)’ из лат. *disputatio* ‘рассчет, рассмотрение’, ‘научное изыскание’, ‘обсуждение’⁷, или через лат. непосредственно или польск. *dysputacyja*⁸; *диспутант* (с 1730-х гг.); *диспутатор* (с 1759 г.) — фиксируется в украинском языке, в который приходит через польск. *dysputator* из лат. *disputator*; *диспутование* (без комментариев, отглагольное образование — см. далее)⁹.

Глагол *диспутировать* ‘вести диспут, спорить’, ‘оспаривать’ (с 1708 г.) — из нем. *disputieren* < *disputāre* ‘подсчитывать’, ‘исследовать, рассуждать, спорить’ через польск. *dysputować*¹⁰, или через польск. из западноевропейского языка¹¹. Укр. форма *диспувати* (и возвратный производный глагол *диспуватися*(ся)) происходит от лат. *disputāre*, но проникает в украинский язык (из украинского языка — в русский) через польск. *dysputować* ‘полемизировать, спорить, оспаривать’, ‘исследовать, изучать, аргументировать’¹² — в данном случае польск. посредство еще убедительнее из-за суффикса *-ова-* (без суффикса *-ур-*, который появляется в заимствованиях из немецкого языка), повторяющего польск. *-ова-*. Следует отметить, что в украинском языке оба глагола фиксируются уже в 1627 г. и 1665 г. соответственно¹³ (в русском, согласно А.Е. Аникину, *диспувати* — с 1699 г., *диспуватися* — с 1711 г.).

Парадигма, отмеченная в «Логике», полностью соответствует парадигме в этимологическом словаре А.Е. Аникина¹⁴ и примерам в словаре русского языка XVIII в.¹⁵ Приведем в качестве иллюстрации избранные цитаты из «Логики»: «Кто о каком аргументе диспутоватся хочет, тот должен аргумент оной, о котором речь заводит, совершенно выразуметь»; «Диспутовыеся никаким себе страстям места не должны давать, гнев, ненависть и протчая возмущения да отступят от них, честность во всем наблюдать, истинну искать им должно»¹⁶.

Один из ранних примеров невозвратного глагола в словаре русского языка XVIII в. и НКРЯ описывает именно обсуждение, но студенческой работы: «И потом тот студент всем там бывшим проговорит изрядную рацею о своем испытании и начнет говорить о своей науке; а с ним сидящие ученые люди начнут о том диспутовать чинно, по одному человеку, и бывает у него <студента> диспута с тремя человеки, а болши трех человек другие с ним не диспутовуют; а учитель ево в тех диспутах обороняет и сам за него с теми посторонними диспутовует» [Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699)]¹⁷; возвратный же глагол встречается в романе «Российский Жилблаз...» второй половине XVIII в., но также в сходном значении — ср.: «Как мы часто диспутовалися у Профессора Годинеца о Метафизических материях»¹⁸ и «Кто о каком аргументе диспутоватся хочет, тот должен аргумент оной, о котором речь заводит, совершенно выразуметь»¹⁹.

2) *резолвовать* (другие формы отсутствуют)

К сожалению, 23-й выпуск словаря русского языка XVIII в., в котором должно быть гнездо *резол-*, еще не опубликован. Согласно словарю М. Фасмера, однокоренное существительное *резолюция* появляется в Петровское время через посредство польск. лексемы *rezolucja*, восходящей, в свою очередь, к лат. *resolūtiō* < *resolvere* ‘решать’²⁰. Вероятнее всего, что глагол *резолвовать* проникает также из польского языка, а именно через глагол *rezolwować* ‘объяснить причину; принять решение’ (глагол и его производные есть

в словнике электронного словаря польского языка XVII и XVIII вв.²¹), о чем свидетельствует и сам облик слова, вошедшего в русский язык.

Глагол *резолвовать* употребляется в «Логике» лишь однажды, причем в объяснении: «Понеже, когда уже ты в разбирании понятий до тех признаков характерных дойдешь, которые всем ясны и, то незачем их далее резолвовать»²². Также он фиксируется в контекстах, не только не связанных с логикой как наукой, но и далеких от возможного употребления глагола как термина — приведем избранные примеры: «хотя б его преосвященству <Иннокентию, епископу Иркутскому. — А. А.> оный приезд в Санкт-Петербург был и позволен, однако ж его представления на словах ни о чём <так в изд. — А. А.> за действительное у него быть принято и никакой потому резолюции последовать бы не могло, понеже, как и его преосвященству известно есть, что на словах никаких жалоб или знатных нужных представлений принимать и резолвовать по всем государственным правам не надлежит» (постановление по ведомству православного исповедания Российской Империи, 23 января 1739 г.)²³; «Прежде времени угадывать можно что слоличныки <вм. столичныки. — А. А.> будутъ требовать резолюци, приниматли имъ деньгами илы нетъ, какъ напротиву того резолвовать будетъ можно, сихъ нарочнихъ отпустытъ снаставлениямы сюда невзабавѣ» (ответ войскового судьи Николая Тимофеева на письмо кошевого (9 сент., 1770 г.)²⁴). Как видно, первый текст представляет собой официальный документ, второй — письмо с явными украинскими языковыми чертами (не исключено, что при вхождении глагола в русский язык также сыграл свою роль не только польский, но и украинский язык).

Итак, «Логика» Макария Петровича включает в себя латинизмы, проникшие через польско-украинское и польское посредство. В этом нет ничего удивительного, потому что прежде чем перейти в Славяно-греко-латинскую академию, Макарий Петрович провел не менее двух лет в Киево-Могилянской академии (ок. 1751–1753 гг.)²⁵, где польский язык

преподавался и был на слуху. Необходимо заметить, что глагол *резолвовать* отмечается также в контекстах, не требующих употребления терминологии, поэтому правомерность его возведения в категорию терминов «Логики» нуждается в дополнительном изучении. Употребление полонизмов, хорошо знакомых русскому языку этого периода, вполне соответствует тенденции автора к объяснению предмета доступным языком.

Примечания

- ¹ ОР РНБ. Ф. 573 (собрание СПбДА). Оп. 1. № 206.
- ² ОР РНБ. Ф. 550 (собрание П.И. Савваитова). Q.III.186; ОР ГИМ. Барс. 2149.
- ³ *Кобзарь В.И., Тоноян Л.Г.* Первые труды по логике на русском языке в XVIII веке // *Логико-философские штудии.* 2021. Т. 19. № 4. С. 332–333. Эта же точка зрения транслируется в новом издании «Логики»: Макарий Пётрович. *Логика* / подгот. текста Гончарко О.Ю., Тоноян Л.Г., Семиколенных М.В. (в печати).
- ⁴ *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. СПб, 2020. Вып. 14 (дигитарь — дрощи). С. 57. Датировка по: *Словарь русского языка XVIII века.* Л., 1984. Вып. 6 (Грызться — Древный). С. 138–139.
- ⁵ *Словарь русского языка XVIII века.* С. 138–139.
- ⁶ *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. С. 57; *Словарь русского языка XVIII века.* С. 138–139.
- ⁷ *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. С. 57.
- ⁸ *Словарь русского языка XVIII века.* С. 138–139.
- ⁹ Там же. С. 139.
- ¹⁰ *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. С. 58.
- ¹¹ *Словарь русского языка XVIII века.* С. 139.
- ¹² *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. С. 58; *Словарь русского языка XVIII века.* С. 139.
- ¹³ *Історичний словник українського язика / Під ред. проф. Є. Тимченка.* Харків—Київ, 1932. Т. II (Г—Ж). С. 719.
- ¹⁴ *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. С. 58.
- ¹⁵ *Словарь русского языка XVIII века.* С. 139.
- ¹⁶ Макарий Пётрович. *Логика* (в печати).
- ¹⁷ Национальный корпус русского языка: <https://ruscorpora.ru/new/>.
- ¹⁸ *Словарь русского языка XVIII века.* С. 139.
- ¹⁹ Макарий Пётрович. *Логика* (в печати).
- ²⁰ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3 (Муза — Сят). С. 462.
- ²¹ *Elektroniczny słownik języka polskiego XVII i XVIII wieku:* <https://sxvii.pl>.

- ²² Макарий Пётрович. Логика (в печати); пунктуация издателя (вероятно, в рукописном тексте ошибка. — А. А.).
- ²³ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Анны Иоанновны. Правление бывшего герцога Курляндского. Правление принцессы Анны Брауншвейг-Люнебургской. СПб, 1911. Т. 10 (1738 — 24 ноября 1741 г.). № 3344.
- ²⁴ Екатеринославская ученая архивная комиссия. Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. Екатеринослав, 1909. Вып. 5 (Материалы для истории Запорожских казаков. Из Запорожского Сечевого архива за 1770 и 1771 гг.). С. 71.
- ²⁵ Макарий Пётрович. Логика (в печати).

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.13

Словообразовательные классификации древнерусских топонимов

Ольга Алексеевна Королёва

Смоленский государственный университет,
Смоленск, Российская Федерация;
e-mail: olgakoroleva171188@yandex.ru

Ключевые слова: топоним, суффикс, словообразовательная классификация, ономастика

Word-building classifications of Old Russian toponyms

Olga A. Koroleva

Smolensk State University,
Smolensk, Russian Federation;
e-mail: olgakoroleva171188@yandex.ru

Keywords: toponym, suffix, word-building classification, onomastics

Для ономастической науки представляет особую важность выявление и описание топонимических моделей, в соответствии с которыми образуются схожие названия.

Каждой топонимической системе свойственны топонимы определенной структуры. А.В. Суперанская писала, что «каждое географическое название образуется по законам того языка, которому оно принадлежит, следовательно, изучение топонимических структурных типов представляет интерес не только для топонимики, но и для лингвистики в целом. Изучение топонимических структур должно исходить из языкового принципа»¹. Таким образом, изучение структуры топонима является важным этапом исследований.

Существуют разные словообразовательные классификации топонимов, среди их авторов А.М. Селищев, Ст. Роспонд, В.А. Никонов, Ю.Ю. Гордова и другие. Историческая классификация, которую предлагает А.М. Селищев², включает несколько вариантов именовании. Большая часть исторических топонимов образована от имен лица: по личному имени, прозвищу или фамилии — это так называемые владельческие названия, оформляемые в большинстве случаев посессивными суффиксами *-ов* и *-ин*. В качестве примеров подобных названий можно привести топонимы *Василев*, *Гдов*, *Киев*, *Берестов(ое)*, *Чернигов*, *Микулин*, *Дорогичин*, *Пирятин*, *Ростов* и др.

Значительное место в классификации А.М. Селищева отводится топонимам, обозначающим ландшафт, т.е. образованным от местных географических терминов названиям: *Холм*, *Ржавки*, *Чистополь* < *Чистое поле*, *Волок*, *Луки*, *Прилук*, *Песочня*, *Глиница*.

Помимо этого в своей работе «Из старой и новой топонимии» А.М. Селищев отмечает следующие словообразовательные модели: «нулевой тип» (топонимом будет являться название объекта, а словоформа при этом изменяться не будет (*Городок*)); с помощью суффикса *-ь* (*Володимерь*, *Домагоць*, *Мстиславль*, *Ярославль*); с помощью суффиксов *-ов*, *-ин* (а также *-ев*, ср. *Андреев*, *Верещин*); с помощью посессивного суф. *-ск-*, *-овск*, *-инск* (*Минск*, *Воротыньск* и т.д.);

с использованием диминутивных суффиксов *-ок*, *-ец* (*-ѣцѣ*), *-овец* (*-овѣцѣ*) (*Березовец*, *Городец*, *Каменец*, *Кременец*), *-ица* (*Сосница*), *-ье* *Копорье* (г. *Копорье*) ср. *Олешье*; *-ня* (*-ня*), ср. *Ельня*; *-но*, ср. *Дубно*; *-анъ*, *Резанъ* — *Рязанъ* (деревня *Зв.*), ср. г. *Рязань*; *-ынъ*, *Бельнь*, *Курынъ*, *Смердынъ*, ср. г. *Сапогынъ*; *-енъ*, ср. г. *Городенъ*; *-ище* *Вереще* (ср. г. *Верея*); *-щина* (образуются топонимы от имен, прозвищ, фамилий, обозначающие помимо поселения еще и всю местность, принадлежавшую владельцу), ср. г. *Вощина*; *-ичи* (<itj-ь), так наз. патронимический суффикс, указывающий на потомков лица, обозначенного в топооснове (г. *Боровичи*)³.

В.П. Нерознак предлагает дополнить словообразовательную классификацию А.М. Селищева еще одним способом образования сложных топонимов: «прилагат. + прилагат. в possessивной форме, ср. г. Борисов Глебов; субстантивированн. прилаг. + существ. Ср. Ивангород, ср. еще г. Васильсурск»⁴.

Одним из наиболее значимых является исследование древнерусской ономастики, проведенное польским лингвистом С. Роспондом⁵. Он осуществил семантическую и структурную классификацию древнерусских географических названий, основываясь на анализе топонимии «Повести временных лет». Преобладают в этой классификации так называемые топографические названия, которые образованы от физико-географических терминов, а также от гидронимических основ.

Топонимы, которые были образованы от апеллятива с помощью различного рода суффиксов, согласно классификации С. Роспонда, составляют так называемые «вторичные названия». Большинство «вторичных названий» составляют топографические имена. Самым продуктивным типом образования названий древнерусских городов является модель, где к топооснове прибавляется суффикс принадлежности *-(в)скѣ*. (*Смоленск*, *Полоцк*, *Минск*).

Начало лексикографическому изучению современных названий географических объектов в XX в. положил В.А. Никонов. Характеризуя словообразовательные модели древнерусской топонимии, он отмечал, что более 90% русских на-

званий населенных мест образованы с помощью суффиксов. К одним из самых распространенных суффиксов славянской топонимии В.А. Никонов относит суффиксы *-ов-* (*-ев-*) *-ин-*. Они использовались для выражения принадлежности и образовывали притяжательные прилагательные. В случае, когда основа оканчивалась твердым согласным, к ней присоединялся суффикс *-ов-* (*Львов, Борисов, Иваново*), если основа оканчивалась мягким согласным, то суффикс *-ев-* (*Юрьев, Князево*). Также он отмечает группу относительных прилагательных с суффиксами *-ов-* (*-ев-*), которые обозначали состав, материал — *дубовый (Дубово)*. Они тоже нашли свое отражение в топонимии: в Болгарии — *Габрово, Тырново*, у нас *Орехово, Барвенково*. По сравнению с притяжательными прилагательными их гораздо меньше⁶.

К современным словообразовательным классификациям можно отнести классификацию Ю.Ю. Гордовой, которую она предложила при рассмотрении рязанской топонимии⁷. Автор выделяет следующие группы топонимов: модели ойконимов, образованные от основы антропонимов при помощи суффикса притяжательности *-jъ* (*-je, -ja*); модели, образованные от основы антропонимов при помощи формантов *-ов* (*-ово, -ова*), *-ев* (*-ево, -ева*) *-ин* (*-ино, -ина*) и выражающие принадлежность поселения определенному лицу; модель ойконимов с формантами *-овское* (*-овская*), *-евское* (*-евская*), *-инское* (*-инский*); модель топонимов, образованная от основы гидронима при помощи суффикса *-еск* (др.-русс. *-ьскъ*), модель, представляющая собой сочетание краткой формы прилагательного и поселищного термина *город* (*град, городок* и другие формы); модель образования топонимов, выражающая соотношение двух поселений; модель ойконимов, образованная от основы этнонима при помощи формантов *-еск* (др.-русс. *-ьскъ*), *-ское, -екая, -скии*.

Обладая специфическими чертами, различные классификации, учитывающие особенности наименований того или иного региона, имеют, на наш взгляд, много общего: они обращают внимание на значение структурного анализа топонимии, выделяют три основных структурных типа

(простые топонимы, сложные топонимы, составные топонимы), осуществляют распределение структурных типов по нескольким моделям, с помощью них делаются попытки рассмотрения структурных типов топонимических единиц в различных аспектах.

Таким образом, рассмотрев различные словообразовательные классификации, можно сделать вывод, что в основу большинства из них положены принципы классификации, рассмотренные в трудах А.М. Селищева и С. Роспонда. Мы опираемся на принципы словообразовательной классификации, предложенные А.М. Селищевым, однако вносим в нее ряд изменений. Наша словообразовательная классификация включает в себя следующие словообразовательные модели: с помощью суффикса *-jь* (*Мстиславль, Дорогобуж*); с помощью суффиксов *-ов, -ин* а также *-ев* (*Хотошин, Добрятин, Доброчков*); с помощью посессивного суф. *-ск-* (*-овск, -инск-*) (*Вержавск*); с использованием диминутивных суффиксов *-ок, -ец (-ѣць)* (*Торопец*), *-ицы* (*Врочницы, Лодейницы*), *-ье* (*Копорье*); *-ья (-ня)* (*Ельня*); *-но* (*Дубно*); *-щина* (образуются топонимы от имен, прозвищ, фамилий, обозначающие помимо поселения еще и всю местность, принадлежавшую владельцу), ср. г. *Вощина*; *-ичи* (патронимический суффикс, указывающий на потомков лица, обозначенного в топооснове (*Воторовичи*). В данной классификации мы попытались учесть не только языковой, но и лингвокультурологический аспект.

Примечания

- ¹ *Суперанская А.В.* Как вас зовут? Где вы живете? М.: Наука, 1964. С. 61.
- ² *Селищев А.М.* Из старой и новой топонимии // Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 45–96.
- ³ Там же. С. 70–82.
- ⁴ *Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. С. 11.
- ⁵ *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1972. С. 9–89.
- ⁶ *Никонов В.А.* Введение в топонимику. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2011. 184 с.
- ⁷ *Гордова Ю.Ю.* Древнерусские модели рязанских топонимов // Русская речь. 2012. № 1. С. 87–92.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.14

Роль именований Богородицы и Младенца Иисуса в раскрытии художественного замысла пьесы Л. Рыделя «Польский Вифлеем»

Ольга Сергеевна Румянцева

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: orumiantsevaklg@gmail.com

Ключевые слова: польская культура, теонимы, язык художественной литературы

The role of the naming of the Mother of God and the Infant Jesus in revealing the artistic conception of L. Rydel's play "Betlejem Polskie"

Olga S. Rumiantceva

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: orumiantsevaklg@gmail.com

Keywords: polish culture, theonyms, language of fiction

Кризис ценностей, разочарование в позитивистской концепции развития литературы и культуры, сложная политическая ситуация в Польше привели на рубеже XIX–XX вв. к возникновению, «с опорой на романтическую традицию и народное творчество»¹, нового национального искусства, традиционно называемого искусством «Молодой Польши». В соответствии с духом времени было создано произведение Л. Рыделя «Польский Вифлеем» (*Betlejem polskie*).

Впервые пьеса была поставлена во Львове 28 декабря 1904 г. «Достойное дитя эпохи пробуждения новых надежд, желаний и борьбы за свободную Польшу, мистерия Рыделя [...] стала при помощи силы сценического воздействия одним из необычайно живых проявлений пламенного активного патриотизма»², пишет автор предисловия к изданию 1938 г. В соответствии с жанровым определением «Польский Вифлем» представляет библейские рождественские события, но пастухи Рыделя говорят на мазуракающем диалекте, а на поклон с дарами к Младенцу и Богородице являются польские исторические деятели. Автор объединяет религиозные мотивы с народными, используя традиционные элементы вертепного представления и цитируя старые польские рождественские песни: все это дает поэту возможность говорить от лица народа, моля Королеву Польши о независимости.

Переплетение церковной и народной традиции прослеживается и в выборе лексем, использующихся для номинации Младенца Иисуса и Девы Марии.

Именования Иисуса, представленные в произведении, можно разделить на следующие группы:

1. **Лексемы с основным компонентом значения 'Младенец':**

- **Dziecię:** Idźcie do Betlejem, gdzie Dziecię zrodzone, / W pie-luszki spowite, w żłobie położone...[21]³;
- **Dzieciątko:** Każdy przyniósł dla Dzieciątka dar swój jaki taki [26];
- **Dzieciąteczko:** Leży Bóg na sianie / Leży, leży Dzieciąteczko [26];
- **Dziecina:** Ja trochę słoniny / Wezmę dla Dzieciny [25].

Экспрессивные диминутивы Dzieciątko, Dziecina и Dzieciąteczko, характерные для народных религиозных текстов, выражают любовь и умиление. При этом отметим, что лексема Dzieciątko в одном из контекстов вложена в уста Ирода, не испытывающего к Младенцу теплых чувств: ...niebo całe płonie / W tej komety ogonie / Nad Dzieciątkiem w kolebce [46], что дает основание говорить о некоторой степени нейтрализации экспрессивной коннотации.

2. Лексемы с основным компонентом значения 'Повелитель':

- **Pan**: Pójdziemy do Betlejem witać tego **Pana** [24];
- **Panicz**: Tak wielgiemu **Panicowi** cóż my biedni damy? [24];
- **Paniąteczko**: Lezy, lezy Dzieciąteczko, / Śliczne małe **Paniąteczko** [26].

Лексемы *panicz* и *paniąteczko*, называющие сына помещика, представлены в переосмыслении: новое понимание исходного слова переносит именование на Сына Господа. Важно отметить, что эти номинации появляются в пьесе в репликах польских пастухов, и образ Христа приобретает «народную» окраску.

- **Wieczny Król nieba i ziemi** 'Вечный Король неба и земли' и **Waleczny Hetman** 'Отважный Гетман' [41];
- **Niebieski Królewicz** 'Небесный Королевич': Niechaj będzie pochwalony / Chrystus, **niebieski Królewic** [67].

Локализации образа Христа служат и именованья *Waleczny Hetman*, звание командующего польской армией, и *Królewicz*, официальный титул потомка короля в монархической Польше.

3. Формы имени:

- **Jezunio**: Lulajże **Jezuniu**, moja perełko [61];
- **Jezusek**: Nie daj nas, **mały Jezusku!** [75];
- **Emanuel**: Jest nam dany / **Emanuel** w niskości [62].

В отличие от первых двух народных ласковых версий имени Христа, символическое имя Эммануэль (на иврите 'immanu 'el — «с нами Бог»), упомянутое в пророчестве Исайи, присуще прежде всего сакральным религиозным текстам.

4. Метафорические оценочно-экспрессивные именованья:

Эту группу составляют цитаты из польских народных рождественских песен:

- **perełka** 'жемчужина': Lulajże Jezuniu, moja **perełka** [61];
- **pieścidełko** 'сокровище': Lulaj ulubione me **pieścidełko** [61];
- **polny kwiat** 'полевой цветок': Tyś **polny kwiat**, / Czemuż Cię świat / Przyjąć nie chce, choć może? [63].

Именования Богородицы, в свою очередь, можно разделить на такие группы:

1. Лексемы со значением 'Мать':

- **Matka Syna Przedwiecznego** 'Мать Предвечного Сына':
Ale go z kłopotu tego / **Matka Syna Przedwiecznego** / Wybawiła [23];
- **Kochana Matka Jezusa** 'Возлюбленная Мать Христа':
Matko Jezusa kochana, / W szkole skatował mnie trzcina [74];
- **Matula** 'Матушка':
Lulajże Jezuniu, lulajże lulaj, / A Ty Go **matulu** w płaczu utulaj [61];
- **Matka** 'Мать':
Udziel **Matko** swej łaski, / By lud wytrwał podłaski [73];
- **Bogarodzica**:
Ty duchy męczeńskie, Swych ziem krwawe kwiaty, / Zbierałaś, o **Bogarodzico** [72].

Важно обратить внимание на именование *Matka*: по словам А.Д. Шмелева, незаполнение обязательной семантической валентности вызывается «абсолютивным употреблением имени, когда оно фактически перестает быть реляционным»⁴, то есть Дева Мария называется здесь не только Матерью Иисуса, но и Матерью всего польского народа. «Польскость» Божией Матери прослеживается в старопольском именовании *Bogarodzica*, отсылающем к древнейшей польской религиозной песне, служившей гимном.

2. Лексемы со значением 'Дева':

- **Panna Przczysta** 'Пречистая Дева':
Oto nad światem wielka nowina: / **Panna Przczysta** zrodziła Syna [40];
- **Panienska**:
Jezus malusieńki / Z **niewinnej Panienski** / Dziś sie rodzi o północy wśród zimnej stajenki [41];
- **Przenajświętsza Panienczka** 'Пресвятая Дева':
Przenajświętsza Panienczko / Chcę Ci ucałować nóżki [70];
- **Częstochowska Panienska** 'Ченстоховская Дева':
Oj, **Częstochowska Paniensko** / i Ty Dziecino Najśłodsza, / U Raclawic ja tą ręką / Moskwę kosił jako potrza [70].

Представленные в этой группе лексемы, несомненно, имеют в своем значении мелиоративные экспрессивные коннотации, при этом отличаются стилистически: *Panna Przechysta* — именование книжное, имеющее давнюю историю и закрепленное в религиозных текстах высокого стиля. Диминутивы *Panienka* и *Panienieszka* встречаются чаще в народных текстах, а ласковая интонация позволяет сократить дистанцию между Марией и читателем. Локализует образ эпитет *Częstochowska*, отсылающий к самой известной польской иконе — Ченстоховской иконе Божией Матери.

3. Лексемы со значением 'Женщина':

- **Białogłowa** 'Женщина': ...od wieków przyjąć miała, / **Białogłowa** [23].

Архаизм, называющий замужнюю женщину по цвету платка, покрывающего ее голову, придает тексту национальный колорит, помещая изображаемые события во времени.

4. Лексемы со значением 'Повелительница':

- **Królowa matek i dziewic** 'Королева матерей и девиц': W onej szopie urodzony / Z Królowej matek i dziewic [67];
- **Królowa Polskiej Korony** 'Королева Польской короны': Bogarodzico Dziewico, / **Polskiej Korony Królowo** [69];
- **Polska Królowa** 'Польская Королева': Niech się odrodzi na nowo / Twój Naród, **Polska Królowo!** [72];
- **Nasza Królowa** 'Наша Королева': Broniliśma i te ziemi / i Ciebie **naszej Królowej** [70];
- **Pani, która w Częstochowie / Królujesz i w Ostrej Bramie** 'Госпожа Ченстоховы и Острой браны' [72].

1 апреля 1656 г. король Ян II Казимир провозгласил Богородицу Королевой Польской Короны. Этот титул, характерный для формульных воззваний, зафиксирован в пьесе в репликах польских исторических деятелей, молящих Деву Марию о независимости страны.

5. Метафорические оценочно-экспрессивные именования.

В цитате из песни *Lulajże Jezuniu* представлены следующие лексемы: **różyczka najozdobniejsza** 'самая нарядная

розочка»; *lilijka najprzyjemniejsza* ‘самая приятная лилия’; *najmilsza oczom gwiazdeczka* ‘самая милая глазам звездочка’; *najczystsze światła słońeczko* ‘самое чистое солнышко мира’, представляющие собой традиционные сравнения с цветами и небесными телами.

Таким образом, Л. Рыдель с помощью оценочных номинаций Богородицы и Младенца, имеющих культурные коннотации, перемещает место действия библейских событий в Польшу. Этот прием позволяет, с одной стороны, придать силы мольбам представителей народа о независимости, с другой — соотнести фигуру Ирода с правителями держав, разделивших Польшу.

Примечания

- ¹ *Хорев В.А.* Польская литература XX века. 1890–1990. М., 2009. С. 18.
- ² *Rydel L.* *Betlejem Polskie.* Lwów; Warszawa, 1938. S. 5.
- ³ Здесь и далее цитаты даны по изданию: *Rydel L.* *Betlejem Polskie.* Lwów; Warszawa, 1938. В квадратных скобках указан номер страницы.
- ⁴ *Шмелев А.Д.* Типы «нев्यраженных валентностей» // Семиотика и информатика. М., 1998. Вып. 36. С. 173.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.17

Грамматические «вольности» в поэтической практике «приказной школы»

Арина Юрьевна Михайленко

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: mihaylenko@gmail.com

Ключевые слова: поэтические вольности, церковнославянский язык, грамматика

Grammatical “licenses” in the poetic practice of the “order school” (“prikaznaya shkola”)

Arina Yu. Mikhaylenko

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: mihaylenko@gmail.com

Keywords: Poetic licenses, Church Slavonic language, Grammar

Доклад посвящен проблеме морфологической вариативности в литературной деятельности поэтов «приказной школы». Актуальность работы определяется общим интересом современной лингвистики к исследованиям, рассматривающим проблемы поэтического языка на раннем этапе его становления. В то же время отдельные работы, изучающие особенности поэтического языка в период зарождения книжной поэзии, практически отсутствуют. В XVII в. секуляризация культуры выразилась в расширении функций церковнославянского языка, который должен был обслуживать уже не только книжные тексты, но и появившиеся собственно литературные тексты, выполнявшие эстетические задачи¹. В основе зарождающейся в XVII в. светской литературы лежат поэтические рифмованные двустушия (вирши), представляющие собой произведения развивающегося искусства поэтического текста, связанного с поиском самой системы стихосложения². Термин «приказная школа» введен А.М. Панченко. К кругу поэтов «приказной школы» относят служащих царских приказов, книжных справщиков, священников и монахи. Поэтический язык, на котором создавались тексты в жанре стихотворных посланий, предисловий, подписей к портретам и эпитафий, представляет собой «гибридный» вариант церковнославянского языка³, имевший существенные отличия от стандартного церковнославянского языка. Согласно концепции В.М. Живова, «гибридный» вариант книжного языка входит в систему ре-

гистров церковнославянского языка наряду со «стандартным книжным языком, деловым (некнижным) приказным языком, бытовым некнижным языком». В стандартном варианте церковнославянского языка употребляется традиционный книжный набор флексий, тогда как «гибридный» вариант церковнославянского языка включает в себя как стандартные книжные элементы, так и элементы разговорного языка в определенном соотношении. Книжные элементы в этом случае воспринимаются как «нейтральные», а варианты, усвоенные из разговорного узуса, осознаются как инновативные⁴. Цель настоящего исследования — дать обзорное представление о составе, объеме и соотношении книжных и инновативных элементов в литературных текстах конца XVI — первой половины XVII в. Исследование выполнено на материале виршевой поэзии⁵ (Алексей Романчуков, справщик Савватий, Михаил Злобин, Петр Самсонов, Иван Шевелев Наседка, Стефан Горчак, Тимофей Акундинов, инок Авраамий, Нафанаил, Мартирий и Мардарий, Михаил Рогов, Михаил Татищев, Семен Шаховской и др.). Всего исследовано 86 текстов 31 автора. В докладе дается обзор существующих в науке представлений о составе «приказной школы» и принципах, лежащих в основе причисления авторов к литературному объединению. В задачи исследования входит выявление параметров вариативности, характеризующих регистр церковнославянского языка, посредством которого реализована виршевая поэзия «приказной школы» и ее предшественников, определение пропорции старых и новых форм и обобщение полученных статистических сведений в виде таблиц. В ходе исследования выявлены многочисленные отступления от стандартного церковнославянского языка. Так, например, в стихотворной переписке Лариона и Феоктиста находим формы 2 лица презенса на *-шь* (*изволишь, узришь*) наряду с формами на *-ши* (*обрящеши*): «Аще **изволишь** о нужных вопросити, / Реку сие, яко подобает ти мою немощ носити...»; также в «Послании Алексею Саввичу» Справщика Савватия: «Сам много разума **имеешь** / и всякую скудость **разумеешь**»; у Тимофея Акундинова в «Де-

кларации Московскому посольству»: «И ныне ты, не иставшия, и крови **жаждаешь** / и на своего господина клеветный лук **напрягаешь**. / Кто тебе што милой отчизне здавна послугует, / на того твоя ненависть всеу негодует. / Тех древних своих княжат уставы **отверзаешь**, / а новых вырождков, мнимых князей, **прямляешь** / и их, наскокателей, **почитаешь** и **обогащаешь**, / а чужими бедами отнюдь ся не **наказуешь**». В стихотворной переписке Лариона и Феоктиста встречаются формы инфинитива на *-ть* (*написать*): «Н Но отдам ти завтра рано, / И и. что **написать**, то избрано». А также формы прилагательных на *-ья* в формах вин. пад., мн. ч., ср. рода: «О Одеяние красное прелщает очи **телесныя**, / Т терпение же святых удивляет чины небесныя». «Н **немилостивыя** же и **лютыя** в суетней своей власти». В ряде случаев выбор формы может быть объяснен требованием рифмы, следовательно, имеющиеся в арсенале поэта средства начинают функционировать как версификационные элементы. Так, в «Виршевом Домострое» Стефана Горчака рифму составляет пара «*благодать – воздать*»: «И даст господь вам всем свою благодать, / иже бо много может сторицею **воздать**». Аналогично в «Послании Силе Матвеевичу» Справщика Савватия конструирование рифмы происходит с использованием формы инфинитива на *-ть*: «И паки рцем о сем преждереченная в спят<ь>, Немощно бо такова дела в борзе **взять**».

Таким образом, традиция гибридного регистра церковнославянского языка, в основе которой заложена вариативность — наличие «конкурирующих вариантов в языковом сознании пишущего»⁶, сформировала в языковом сознании эпохи принципиально важную оппозицию «церковнославянские элементы // русские элементы», нашедшую отражение в истории поэтического языка в виде учения о поэтических вольностях — системе версификационных вариантов, основанных на разных видах изменения слов, сознательно используемых авторами для решения различных задач стихосложения, представляющих собой отступление от существующих представлений о правильности.

Примечания

- ¹ *Запольская Н.Н.* «Усеченные» причастия в русском литературном языке XVIII века // Вестник Московского университета. Сер. Филология. 1985. № 3. С. 34–35.
- ² *Гаспаров М.Л.* Оппозиция «стих — проза» и становление русского литературного стиха // Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития. М., 1985. С. 264–277.
- ³ *Живов В.М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2004. С. 415.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, А.А. Илюшина; Оформ. Б.А. Диодорова. М., 1989.*
- ⁶ *Живов В.М.* История языка русской письменности. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2016. Т. 2.

Секция
«ЛИТЕРАТУРО-
Ⓟ **ВЕДЕНИЕ.** Ⓟ
ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.3.01

Маргинальный фольклор в песне белорусской рок-группы Dzieciuki «Частуханы»

Мария Андреевна Ламм

Независимый исследователь,
Москва, Российская Федерация; e-mail: lamm.maria@yandex.ru

Ключевые слова: рок-поэзия, белорусский рок, фолк-рок, панк-рок

Marginal folklore in the song of the Belarusian rock band Dzieciuki "Chastuhany"

Maria A. Lamm

Independent researcher,
Moscow, Russian Federation; e-mail: lamm.maria@yandex.ru

Keywords: rock poetry, Belarusian rock, folk rock, punk rock

Дебютным альбомом белорусской рок-группы Dzieciuki из г. Гродно стал альбом «Гарадзенскі гармідар», название которого можно перевести на русский язык как «Гродненский гомон». Сперва, в 2012 г., альбом вышел синглом, однако через два года группа дополнила пластинку новыми композициями. В то время Dzieciuki работали в стиле фолк-панка, что и определило своеобразие альбома. Как это свойственно жанру панк-рока, в альбоме широко используется сниженная лексика и маргинальные образы, однако пафос

пластинки патриотичен, что для белорусского рока вполне характерно. Типичным также является многообразие исторических и культурных аллюзий, что связано с мифообразующим характером белорусского рока, который в некотором смысле занимает нишу отсутствующего в белорусской культуре национального эпоса. Поэтому журналисты, пишущие о белорусском роке, как правило, подчеркивают сознательный переход музыкантов к национальной культуре и самой идее исполнения песен на белорусском языке, обращения к мифологии и событиям древней истории¹.

В песнях первого альбома *Dziesiuki* обращаются к сложным проблемам современной белорусской реальности и национального самосознания, пытаясь осмыслить их в наиболее сниженных фольклорных категориях. Поднимаются вопросы политической корректности, осмысляется белорусская история, быт и повседневность. Хотя альбом «Гарадзенскі гармідар» эстетически слабее следующих пластинок группы, уже в нем закладываются основные направления дальнейшего творчества коллектива и ряда сольных проектов отдельных музыкантов. В альбоме «Гарадзенскі гармідар» в категориях народной смеховой культуры поднимаются актуальные проблемы современности, многие болезненные для белорусского самосознания вопросы осмыслены в юмористическом ключе. Выбранное участниками гродненской рок-группы музыкальное направление позволяет минимизировать дистанцию между событиями исторического прошлого, явлениями народной культуры и современностью. Актуализированные сюжеты прошлого, соединенные с настоящим и обыденным, обеспечивают воспроизведение культурного кода.

В альбом вошло 11 песен. «Мужыцкая праўда» (Мужицкая правда), «Хлопцы-балахоўцы» (Хлопцы-балахновцы), «Сумнае рэггі» (Тоскливое рэгги), «Косю» (Коник), «Лясныя браты» (Лесные братья), «Карчма» (Корчма), «Частуханы» (Частуханы), «Забытая магіла» (Забытая могила), «Песня гарадзенскага гастрабайтара» (Песня гродненского гастарбайтера), «Нашыя танкі» (Наши танки), «Па гарах» (По горам).

По тематике тексты песен можно условно разделить на две группы: исторические и современные, композиционно они следуют в хронологическом порядке. Песни альбома написаны в жанре панк-рока с элементами фолк-рока с характерным несколько суматошным звучанием и порой подчеркнута сниженной лексикой.

В отличие от последующих альбомов группы этот — демонстративно «уличный», отчасти — фольклорный, что подчеркивается музыкантами уже на уровне названия: «Гродненский гомон», а также на уровне жанрового своеобразия отдельных песен: «Коник» (Косю), «Частуханы» (Частуханы). В альбом также вошли песни на исторические сюжеты: «Мужицкая правда» (Мужыцкая праўда), «Хлопцы-Балахновцы» (Хлопцы-балахоўцы) и др. Все эти сюжеты актуальны для белорусской культуры, являются значимыми элементами культурного кода. Можно сказать, что в данном альбоме соединяются два представления о пути развития белорусской культуры и, в частности, литературной традиции, которые условно можно обозначить как народно-фольклорное и книжное. Попытка их совмещения, осмысления в едином художественном поле народно-фольклорных и классически-книжных метакодов — одна из наиболее сложных задач современной белорусской литературы. Кроме того, именно в этом поле происходит также осмысление значимых социальных проблем: национальная идея, борьба за независимость, существование и развитие архаичной народной культуры в современном мире.

Одна из наиболее характерных в этом отношении песен альбома — «Частуханы», автор текста — Денис Жигавец. Название отсылает к жанру частушки, но суффикс «ух» указывает на трансформацию жанра. Текст песни состоит из шести куплетов, каждый из которых представляет собой простой жизненный ответ на вопрос «как жить». Благодаря стилизации под народный жанр возникает юмористический пафос: советы представлены как что-то сакральное, священное, уходящее в глубину веков к истокам народной традиции. Шутливые советы просты и действительно подходят

для любой эпохи. Первый куплет посвящен веселой жизни, второй — вольной, третий — богатой, четвертый — гордой, пятый — интересной, шестой — вечной.

Оригинал

Каб жылося весялей —
Чарачку гарэлкі,
Каб спалосся пацяплей —
Пабліжэй да дзеўкі.

Каб жылося вольна —
Прэч ланцугі ды краты.
Каб было прыстойна —
Прэч мацюкі і маты.

Каб жылося па-багачай,
Не працуй — крадзі.
Каб лазня была гарачай,
Пракурора запрасі.

Каб жылося ганарова —
Дык трымайся годна.
Каб не згасла наша мова,
Балбачы штодзённа.

Каб жылося цікавей,
Шукай сам прыгоды.
Не шкадуй на то начэй,
І цалуй без згоды.

Каб жылося пасля смерці —
Была б то выдатна.
Каб дарослыя, як дзеці —
Але то занадта.

Подстрочник

Кабы жилось веселей —
Чарочку горилки,
Чтобы спалось теплей —
Поближе к девке.

Кабы жилось вольно —
Прочь оковы и решетки.
Чтоб было пристойно —
Прочь матюки и маты.

Кабы жилось побогаче,
Не работай — кради.
Чтоб банька была горячее,
Прокурора попроси.

Кабы жилось гордо —
Так держись годно.
Кабы не угас наш язык,
Балакай ежедневно.

Кабы жилось интересней,
Ищи сам приключений.
Не жалей на то ночей,
И целуй без выгоды.

Кабы жилось после смерти —
Было б то прекрасно.
Кабы взрослые, как дети —
Но это уж слишком.

Структурно первые две строки каждой строфы включают в себя номинативное описание жизни, а последние — ее развития. Веселая жизнь, предполагающая чарку горилки, свя-

зана в песне с теплым сном — поближе к девке. Вольная, отрицая оковы и решетки, ведет к пристойности, отрицающей нецензурную лексику. Богатая жизнь предполагает кражи и горячую баньку, которую предполагается просить у прокурора. Гордая жизнь требует хорошо держаться и предполагает сохранение национального языка. Интересная — поиск приключений, а жизнь после смерти — недостижимая мечта — отсылает к евангельскому завету «будьте как дети». Реактуализация народного жанра в рок-поэзии в данном случае подчеркивает вневременную связь поколений и преемственность традиций, что в принципе характерно для жанра. Вневременной характер поднимаемых в песне проблем подчеркивается отсутствием в тексте узнаваемых исторических имен, событий и иных маркеров эпохи. Как отмечает С.А. Достай, рок-поэзия — «“живой” жанр, ориентированный на максимально острое перевыражение наиболее актуальных для представителей своей аудитории реалий с их критической оценкой на основе системы ценностей данной аудитории»². Таким образом, смешение народного жанра и неформальной субкультуры позволяет переосмыслить значимые архетипы народной культуры в категориях современности.

Примечания

- ¹ См. Ламм М.А. Белорусский рок без границ: в поисках идентичности // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург; Тверь, 2021. Вып. 21. С. 319–325.
- ² Достай С.А. Рок-текст как средство перевыражения национального менталитета // Понимание как усмотрение и построение смыслов. Тверь, 1996. Ч. 1. С. 71.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.3.02

**Трансформация
мотива «маленького человека»
в ранних рассказах И. Цанкара
(сборники «Виньетки»
и «Книга для легкомысленных людей»)**

Вероника Викторовна Старкова

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: Starkova.Veronika2014@yandex.ru

Ключевые слова: маленький человек, мотив, Цанкар, Гоголь

**Transformation
of the “Little Man” Motif
in the Ivan Cankar’s Early Stories
(Storybooks “Vignettes”
and “A Book for Thoughtless People”)**

Veronika V. Starkova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: Starkova.Veronika2014@yandex.ru

Keywords: little man, motif, Cankar, Gogol

Образ «маленького человека» в русской литературе впервые появляется в первой половине XIX в. в творчестве А.С. Пушкина. Этот образ стал важным в творчестве Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, а затем и советских писателей. При этом эволюция образа проходила, по мнению М.Н. Эпштейна, в двух направлениях: первое — превращение «маленького человека» в положительно прекрасного человека, «князя Христа», «прототипа величественно-смирен-

ной фигуры мыслителя-библиотекаря Николая Фёдорова»¹, второе — его превращение в «социально опасный тип, который подравнивает всех под свою малость и превращает ее в знак гражданской благонадежности»².

Влияние русской литературы на развитие словенской литературы в конце XIX — начале XX вв. было достаточно сильным. Об этом свидетельствует появление литературно-критических изданий «Звон» (1870, 1876–1880) и «Люблянский звон» (1881–1941), образцом для которых послужила газета А.И. Герцена «Колокол». Почитателями и последователями русской литературы были не только писатели-реалисты (Ф. Левстик, Я. Керсник, Ф. Детела, И. Тавчар, А. Ашкерц и др.), но и представители «словенского модерна» Й. Мурн-Александров и Д. Кетте, О. Жупанчич и И. Цанкар. М.И. Рыжова в одной из своих статей отмечает, что на формирование «словенского модерна» существенно повлияла «русская литература, которой в юности горячо увлекались все зачинатели “модерна” — русская поэзия (Пушкин, Лермонтов, Кольцов) и реалистическая проза (особенно Гоголь, несколько позже — Достоевский)»³. Влияние русской литературы и особенно Н.В. Гоголя на социально-критические тенденции в прозе И. Цанкара отмечали видные словенские и русские исследователи, среди которых литературовед Б. Крефт: «Цанкар уже в молодости понял суть произведений Гоголя, Толстого и Достоевского и в этой сути — критическое отношение к жизни и обществу, и прежде всего — коренная связь с родной землей и родным менталитетом»⁴.

Мотив «маленького человека», заимствованный из русской литературы, проходит лейтмотивом через все творчество Цанкара и претерпевает определенную трансформацию. В тезисах будут рассмотрены тексты из сборников «Виньетки» (1899) и «Книга для легкомысленных людей» (1901), на примере которых можно проследить, как изменялся мотив «маленького человека» на раннем этапе творчества словенского писателя. Материалом для анализа послужат рассказы «О человеке, который потерял убеждение», «Господин сборщик налогов задумался», «Глава о родинке», «Го-

лод» и «Без остановки» (сборник «Виньетки»); «В предместье», «Весенняя ночь», «Перед целью» и «Крестный путь» (сборник «Книга для легкомысленных людей»).

В первом сборнике рассказов «маленький человек» у Цанкара — это ничтожное, ничего не значащее для окружающих существо, желания и чаяния которого никак не учитываются в обществе, к которому он принадлежит. Так, в сатирическом рассказе «О человеке, который потерял убеждения» Йов Мрмоля пытается, подобно герою гоголевского «Носа», найти нечто им утерянное, только, в отличие от майора Платона Кузьмича Ковалева, он теряет не орган для распознавания запахов, а убеждения. При этом нигде — ни у друга Семпрония, ни у депутата, ни в редакции газеты — он не встречает понимания и уважения к своей проблеме, а только насмешки. От огорчения герой слабеет с каждым днем и умирает, и только пышные похороны свидетельствуют о том, что он был уважаем в обществе. В рассказе «Господин сборщик налогов задумался» герой — ничтожный чиновник, который исполняет свою маленькую функцию в государственной машине, и власть предержавшим до него нет никакого дела. Герой-рассказчик в рассказе «Глава о родинке», хоть и примерил ампула парламентария в душе, в реальности остается так же робок и жалок, как титулярный советник Акакий Акакиевич Башмачкин. Характерным является эпизод, где он приходит в парламент, решив, что дело его жизни — политика: «Я промок до костей, когда вошел в прихожую и вылил воду из шляпы; зонта я никогда с собой не носил... В прихожей стояло несколько сгорбленных людей, замотанных в темные сюртуки; я видел лишь их носы [...] Звук моих шагов монотонно раздавался по каменному полу. Мне было страшно как-нибудь потеряться в этих длинных коридорах, узких и темных, которые расходились во все стороны. [...] Я подошел ближе с каким-то тихим страхом и вошел в зал со склонённой головой и трепещущим сердцем...»⁵. Если человека пугает звук собственных шагов и вид официальных коридоров, едва ли он способен защищать свои интересы.

Смирение, страх перед жизнью и покорность ей присущи как герою-рассказчику, «маленькому человеку», в рассказе «Голод», так и безымянному отцу, «старика», как его называет Цанкар, в рассказе «Без остановки». В первом рассказе герой предстает перед читателем уставшим, боящимся критики, с темнотой в сердце и мукой на лице, и в финале он умирает от голода, не справившись с гнетущими жизненными обстоятельствами; во втором — герой отрекается от самого себя и своих желаний, отпуская детей, несмотря на свое плохое самочувствие.

В сборнике «Книга для легкомысленных людей» мотив «маленького человека» претерпевает существенную трансформацию. Здесь «маленький человек» Цанкара делает отчаянную попытку заявить о себе, даже если она, эта попытка, может стоить ему жизни. Беспомощность и пассивность героев сменяются в их сознании побуждением к действию, в их жизни на мгновение появляется мечта. В рассказах «В предместье» и «Перед целью» такой мечтой становится роскошь, к которой они прикасаются: Анка, героиня первого рассказа, тратит на украшения и наряды деньги своей госпожи и попадает в тюрьму, а Карел Ереб, герой второго, очарованный волшебным миром театра, кончает жизнь самоубийством, не найдя в себе силы жить дальше в нищете. Герой рассказа «Крестный путь» маленький Марко погибает от голода и от жажды под тяжестью креста, также движимый стремлением выбраться из деревенской нищеты и учиться. В рассказе «Весенняя ночь» кульминационный эпизод — сон героя-рассказчика, в котором показан бунт толпы против ханжества и лицемерия общества. В жизни же его энергия протеста так и остается нереализованной.

Рассмотрев два первых сборника Цанкара, можно говорить о том, что мотив «маленького человека» в них трансформируется социально-психологически. В «Виньетках» данный мотив во многом коррелирует с гоголевской моделью. Здесь Цанкар показывает «маленького человека» как пассивного индивида, не пытающегося каким-либо образом отстаивать свои интересы и транслировать свои идеи обществу.

Общество причиняет герою боль своим безразличием или отвержением, и он либо смиряется с существующим порядком вещей, признав свое поражение и свою неспособность что-то изменить, либо погибает, так и не получив надежду на избавление и счастье. В «Книге для легкомысленных людей» ситуация кардинально меняется: у героев появляется осознание того, что, проявляя активность, они могут что-то изменить в своей жизни, начать жить лучше. Внешне все такие же беспомощные и заурядные, цанкаровские «маленькие люди» находят в себе силы совершить поступок, бросить свой маленький вызов обществу, тем самым привлекая внимание к его (общества) социальным противоречиям.

Примечания

- ¹ Эпштейн М.Н. Маленький человек в футляре: синдром Башмачкина-Беликова // Вопросы литературы. 2005. № 6. С. 193.
- ² Там же. С. 201.
- ³ Рыжова М.И. Реализм, натурализм, модерн // Словенская литература от истоков до рубежа XIX–XX веков. М., 2010. С. 200.
- ⁴ Kreft B. Cankar in ruska književnost // Slavistična revija, letnik 17, številka 1. 1969. S. 87.
- ⁵ Cankar I. Izbrana dela v desetih zvezkih. Prvi zvezek. Ljubljana, 1951. S. 300.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.3.03

Прага и Москва 1920-х: проблема «маленького человека» в славянском мегаполисе (на материале произведений К. Полачека и М.А. Булгакова)

Глеб Владимирович Климанов

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: gleb-kl@yandex.ru

Ключевые слова: маленький человек, Полачек, Булгаков, чешская литература

**Prague and Moscow of the 1920s:
the problem of the “little man”
in the Slavic megapolis
(based on the works of K. Polaček
and M.A. Bulgakov)**

Gleb V. Klimanov

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: gleb-kl@yandex.ru

Keywords: little man, Polaček, Bulgakov, Czech literature

В 1920-е гг. Прага, центр новообразованной Чехословацкой Республики, и Москва — новая «красная» столица коммунистического государства СССР — претерпели, с антропологической точки зрения, значительные изменения. В города стали массово переселяться представители новых социальных классов, зарождались новые типы общественных отношений. Характерные типажи и социальные проблемы, возникающие в городском пространстве, стали неотъемлемой частью образа обеих столиц и проявились в разных сферах культурной жизни.

В чешской литературе обновленная послевоенная Прага и быт ее жителей отразились в творчестве писателя и журналиста Карела Полачека (1892–1945). Последователь традиций Я. Неруды и коллега К. Чапека, Полачек поднимает проблему социально-бытовых конфликтов, обличает несправедливость в отношениях между представителями зачастую одного и того же класса. Российский богемист Р.Р. Кузнецова даже называет его «создателем антиэпопеи о мещанине XX в.»¹. В России бытописателем новой советской столицы выступает Михаил Булгаков (1891–1940). Его «московские» произведения тематически оказываются сопоставимы с произведениями чешского автора. Москва, как и Прага, в 1920-е гг. стала авангардным центром: расширила границы и приняла большой поток переселенцев. Булгаковские

персонажи разнообразны, а окружающая городская среда становится в изображении автора одним из факторов формирования их социально-психологического состояния. Сравнение творчества двух писателей представляется интересным как в аспекте изучения влияния урбанизированной среды Праги и Москвы на их новых обитателей, так и в аспекте межславянской культурной коммуникации.

Для нашего исследования мы выбрали по одной повести каждого из писателей: «Дом на городской окраине» и «Дьяволиада» соответственно. Такой выбор обусловлен, прежде всего, формальным сходством произведений. Оба текста были созданы в 1920-е гг., они небольшие по объему, но хорошо отражают среду, центральное место в них занимает образ так называемого «маленького человека».

Повесть «Дом на городской окраине» (*Dům na předměstí*) была написана Полачеком в 1928 г., в период его юридической и журналистской деятельности. Главный герой произведения — пан Сыровы, мелкий чиновник, мечтающий со своей женой обрести собственную жилплощадь — оказывается под влиянием городского полицейского Яна Фактора. Полицейский тоже «вынашивал грандиозный замысел, который держал в строжайшем секрете»², — построить добротный дом и доказать себе и окружающим, что он готов стать хорошим арендодателем для нескольких семей. Пересечение интересов этих двух городских персонажей и образует конфликт произведения.

Повесть «Дьяволиада» написана Булгаковым в 1923 г., в период, который М.О. Чудакова называет в биографии автора «первые московские годы»³. Писатель обращается к проблеме бюрократии, обличает чиновничий аппарат, частью которого является и главный герой, Варфоломей Коротков. Этот непримечательный служащий оказывается жертвой неуправляемой государственной машины, и персонажи вокруг лишь подчеркивают его собственное бедственное положение.

Несмотря на значительное количество различий, как формальных, так и содержательных, в исследовании пред-

полагается уделить наибольшее внимание сходству двух текстов.

Параллелизм повестей заметен уже на сюжетно-композиционном уровне. Герой Полачека Сыровы — чиновник, Коротков — тоже чиновник; в определенный момент первый получает неожиданное наследство от непрямого родственника, и второй — жалованье от непредсказуемой соседки; полачевский квартиросъемщик вынужден несколько раз оформлять официальные документы, и булгаковский герой сталкивается с бумажной волокитой; наконец, оба персонажа страдают от высшей непреодолимой силы (требований бюрократической системы, специфического характера домовладельца и т.п.).

Объединяющим фактором является также и авторский стиль двух произведений. Сатира на современное общество в изображении Полачека и Булгакова обретает особую значимость. Используя сатирические приемы, авторы изобличают человеческие пороки на фоне общего социального несовершенства.

Ключевое различие историй двух «маленьких людей», как мы предполагаем, кроется в особенностях окружающей их среды — обстановки, влияющей на развитие характеров персонажей. Пан Сыровы, хотя и сталкивается с проблемой бюрократической системы, в большей степени оказывается зависим от человеческого фактора, ежедневно испытывая унижение от арендатора, соседей, жены. Примечательно, что каждый из этих персонажей в своем роде зависим от остальных — угнетая в той или иной степени кого-то другого, в то же время сам становится угнетаем.

Коротков же, наоборот, встречаясь с конкретными людьми, на самом деле страдает от жестокости всей системы. Он сталкивается с проблемами получения зарплаты, ведения профессиональной деятельности, отсутствием нормальной коммуникации внутри коллектива, плохим качеством товаров и услуг в многочисленных сатирически изображенных Булгаковым конторах. В отличие от повести Полачека, «Дьяволиада» пронизана также мистическими мотивами.

Москва здесь становится таинственным закрытым миром, где происходят непостижимые аномалии бытового уровня, такие как появление персонажа Кальсонера, который повсюду мерещится Короткову, или таинственное исчезновение последнего в конце повести. Это объясняется, прежде всего, общей эстетикой булгаковской Москвы, проходящей через многие его произведения. Обращение к потусторонним силам заметно уже в названии: «Дьяволиада» призвана подчеркнуть схожесть угроз фантастического мира и неблагоклонности бюрократической машины.

Таким образом, Карел Полачек и Михаил Булгаков параллельно в своих произведениях изображают мещанскую жизнь двух вновь сформированных славянских столиц — Праги и Москвы в 1920-е гг. Портреты героев обоих произведений схожи, сами герои испытывают сходные трудности в процессе взаимодействия с окружающим их более сильным миром. И в том, и в другом случае есть смысл говорить о проблеме «маленького человека», авторского изображения среды, окружающей героев. Однако трудности полачековских персонажей в большей степени лежат внутри их человеческих взаимоотношений — житель вновь строящейся Праги, «маленький человек» пан Сыровы оказывается угнетаем конкретным полицейским — Фактором. Тем временем герой Булгакова, москвич Коротков, скорее страдает от безличной государственной бюрократической машины. Так на примере двух произведений раскрывается проблема «маленького человека», сталкивающегося с миром большого города в 20-е гг. XX в.

Примечания

¹ Кузнецова Р.Р. История чешской литературы. М., 1987. С. 193.

² Полачек К. Дом на городской окраине. СПб., 2014. С. 21.

³ Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 149.

Чеховская традиция в пьесе Славомира Мрожека «Любовь в Крыму»

Регина Владимировна Зиновьева

Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта,

Калининград, Российская Федерация; e-mail: regina46@list.ru

Ключевые слова: Мрожек, Чехов, театр абсурда, традиция, пастиш

The Chekhov tradition in Slavomir Mrozek's play "Love in the Crimea"

Regina V. Zinoveva

Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation; e-mail: regina46@list.ru

Keywords: Mrozek, Chekhov, theater of the absurd, tradition, pastiche

Восприятие Чехова в Польше менялось вместе с эволюцией литературных взглядов, сменой политических режимов и, как выразилась И. Лапшо, прошло «сквозь огонь, воду и медные трубы»¹. Однако в постсоветское время, а именно — в 1990-е годы, произошло настоящее «возрождение» Чехова в Польше, подвигнувшее на целый ряд новых прочтений и экспериментов с чеховской драматургией. А. Ванат попытался дать ответ, чем было продиктовано такое новое отношение к русскому классику: «Играют Чехова. В Варшаве, в Кракове, во Вроцлаве, в Калише... Почему именно сейчас играют его так часто? Может, это как-то рифмуется со време-

нем перепутанных ценностей?»². В это время, как заключает И. Лаппо, театр Чехова становится «явлением особенным, своеобразным и хорошо узнаваемым»³. Связано это, прежде всего, с осознанием «универсальности Чехова»⁴, общезначимости героев его пьес, а также с утверждением уже определенного «чеховского мифа»⁵ в сознании польской публики, ожидающей конкретной символики и специфического «чеховского настроения»⁶.

В.И. Силантьева, анализируя «особенности наследования традиции в периоды «слома эпох» и перехода от одной формы художественного отражения мира к другой»⁷, делает вывод о том, что традиция в период смены парадигм является объектом «насмешки и отрицания»⁸. От нее либо отказываются, либо подвергают активным экспериментам. Наиболее показательным примером, демонстрирующим этот феномен в современной литературе, является постмодернизм, с которым соотносимо позднее творчество польского представителя драмы абсурда Славомира Мрожека. Обращаясь к наследию театрально-эстетических открытий Чехова, польский драматург запечатлел в своем творчестве рубежное состояние культуры переходного периода, в котором ему пришлось творить.

Тема «заката» европейской цивилизации, которая у Чехова связана с лирическим мотивом гибнущей красоты в сочетании с мотивом разрушения, обусловленного трагедией социальной действительности, наиболее полно отражена в пьесе польского абсурдиста — «Любовь в Крыму» («Miłość na Krymie», 1993), написанной именно в 90-е гг. прошлого столетия. Мрожек в своей пьесе, относящейся к позднему творчеству, реализует тему разрушения традиционного уклада сквозь призму трагедии русской интеллигенции в контексте панорамного исторического прошлого России начала и конца XX в., охватывающего периоды дореволюционной (акт I) и советской России (акт II), а также России 90-х гг. (акт III).

Раскрывая в пьесе «Любовь в Крыму» тему трагедии русской интеллигенции в контексте кризиса европейской цивилизации, польский драматург обращается к характерному

для постмодернизма приему пастишизации чеховского классического текста. Нельзя не согласиться с мнением Ю. Келлеры, который обратил внимание на то, что Мрожек позаимствовал у Чехова «только эскиз ситуации, определенный климат и тип отношений между героями, но расписал все это собственной, легко узнаваемой идиомой»⁹. По словам самого Мрожека, его цель была «стать созвучным Чехову»¹⁰.

В пьесе «Любовь в Крыму» перепутываются и сплетаются воедино разные чеховские сюжеты, переиначиваются цитаты, встречаемые в пьесах русского классика. Чтение пьесы напоминает блуждание по музею и разглядывание раритетных экспонатов давно ушедшей эпохи. Наглядным примером может служить сцена с квазичеховским ружьем в первом акте. Выстрел, произведенный купцом Чельцовым из знаменитого чеховского ружья, которое в пьесе Мрожека становится уникальным образцом на выставке стереотипов русского драматурга, уже не несет в себе тех функций и значения, прослеживающихся в пьесе «Чайка». Вешая ружье на стену, Чельцов говорит: «Висит, а зачем — неизвестно»¹¹.

Мрожек представляет нам целую галерею квазичеховских персонажей, кружащихся в фантазмагорическом водовороте истории. В пьесе мы видим проезжающих мимо на бричке сестер Прозоровых, собирающихся на протяжении всей пьесы в Москву, деловитого купца Чельцова, отправляющегося на торги «Вишневого сада», застреленного офицера Сейкина, немецкого инженера Вольфа, который не способен осознать, что в России все «понимать нужно не разумом, а душой»¹². Можно встретить также неудавшуюся актрису Светлову и мечтающую о светлом будущем молодую девушку Татьяну, которой «нужно изменить мир»¹³, а для этого «только надо работать, работать, работать»¹⁴, и благородного, но смешного интеллигента Захедринского, не способного к активным действиям. Весь этот классический набор чеховских персонажей, по словам Блоньского, «входит в железный репертуар русской литературы, начиная от Пушкина и еще Гоголя»¹⁵.

Безответная любовь героев пьесы Мрожека «Любовь в Крыму» по отношению друг к другу, которая, по мнению Я. Блонь-

ского, является основной темой драмы, проходит через все пространство сценического действия пьесы. Поскольку «в любви сосредотачиваются и наиболее полно обнаруживаются межчеловеческие связи»¹⁶, любовь становится «индикатором, показывающим разлад этих связей, бессилие, которое охватило все общество»¹⁷. Первый акт пьесы, охватывающий предреволюционный период истории России, разыгрывается в пансионате в Крыму, в котором Мрожек с характерной для чеховских пьес интонацией и выстроенной по Чехову схеме асимметричных и безответных чувств героев друг к другу представляет трагедию человеческих отношений. Интеллигент Захедринский влюблен в учительницу Татьяну, которая, в свою очередь, влюблена в офицера Сейкина; он, однако, любит начинающую актрису Светлову, которая испытывает любовные чувства к Захедринскому, но от отчаяния выходит замуж за нелюбимого Вольфа.

Обращаясь к стереотипу Крыма как месту, где писал свои «Крымские сонеты» Мицкевич, Мрожек в очередной раз сводит счеты не только с романтической традицией в польской литературе, но и с традицией как таковой, прибегая при этом к аллюзиям чеховской драматургии и сюжетам из русской истории. По словам И. Лаппо, Мрожек, берясь за приготовление «взрывоопасной смеси из русской истории, литературы и действительности, приправляет ее Шекспиром и закупоривает свой гремучий коктейль в бутылку с этикеткой “Чехов”»¹⁸. Мрожек играет с тем, что в свое время Х. Стефан назвала «легендой Чехова»¹⁹, представляя целый калейдоскоп чеховских стереотипов: самовар, ружье, чайная церемония, гитара, а также, выходя за рамки чеховского мифа, стереотипы, которые на Западе принято причислять к русской культуре: пение «с душой» русского романса «Ямщик», распитие кваса и водки, валенки, ватные брюки, телогрейка, доносы, репрессии, лагеря, Сибирь, мафия, автомат Калашникова, эскорт-индустрия. Использует польский драматург во втором акте и аллюзии шекспировских произведений «Сон в летнюю ночь», «Отелло», и пародии на образ поэта Маяковского, ситуацию с поджогом купюр из романа

Достоевского «Идиот», а также пародийные образы Ленина, Екатерины II, генерала без головы, отдаленно напоминающего Сталина.

Наряду с мотивом разрушения в пьесах Чехова «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» и пьесе Мрожека «Любовь в Крыму» представлена тема гибнущей любви, которая, размыкаясь в русскую, а по сути, и польскую действительность, отражает национальный опыт Восточной Европы. Во втором акте, в котором главные квазичеховские герои в контексте трагического начала советского периода истории России, потрепанные вихрем исторического водоворота, утрачивают первозданное чувство любви и теряют свою общность. Неслучайно персонажи Мрожека представляются марионеточными, а ситуации, которые показывает польский драматург, моделируя персонажей Чехова в своей пьесе, по словам Я. Блоньского, «уже литературные и уже бумажные»²⁰. Любовь в драме польского драматурга становится своего рода элементом затеянной им постмодернистской игры. Подвергаясь деконструкции, любовь в каждом из заявленных Мрожеком периодов российской истории во всех трех актах реализует себя по-разному. В дореволюционное время любовь, как и у Чехова, является, с одной стороны, свидетельством глубоких душевных мук, а с другой стороны, величием человеческого духа. В ранний советский период любовь понимается как «предрассудок»²¹, в постсоветское время 90-х гг. любовь превращается в «половой бизнес»²², то есть эскорт-индустрию. Можно сказать, что на протяжении всей пьесы «Любовь в Крыму» Мрожек, осмысляя понятие любви на фоне исторического прошлого России, говорит о поэтапной деградации этого феномена в процессе эпохальных перемен, а на глубинном уровне — о разрыве человеческих связей и трагедии жизни общества.

К концу третьего акта пьесы в тумане появляется корабль с апокалиптическим названием «Левиафан», который должен забрать ожидающих на крымском берегу квазичеховских героев в Америку, в очередное место утопических грез как для русского, так и для польского народа в 90-е гг.

Однако оставшемуся на родине интеллигенту Захедринскому предоставляется шанс на спасение. Ему является молодая Татьяна в костюме начала XX в., входящая при звучании православного хора в освещенную церковь. Как утверждает Х. Стефан, образ Татьяны, восходящий к одноименной героине Пушкина из романа в стихах «Евгений Онегин», является «символом вечной любви, которая в метафизическом смысле знаменует собой вечную женственность, побеждающую хаос новой России»²³, вселяет, в некотором смысле, и надежду, которую имел в виду Чехов в своих драмах.

Таким образом, ощущение рубежа, характерное как для русского классика начала XX в. А.П. Чехова, так и для польского представителя драмы абсурда Славомира Мрожека, нашло свое отражение в драматургическом творчестве обоих авторов. В пьесе «Любовь в Крыму» осмысливается понятие любви на фоне исторического процесса России, а также и Польши, охватывающего конец XIX и начало XX вв. Мрожек, деконструируя традицию с помощью чеховского литературного пастиша, показывает механизм утраты первоначального чувства любви в контексте исторических катаклизмов России и трагедию человеческой общности. В отличие от Чехова, отношение к будущему польского абсурдиста, сравниваемое им с образом-символом обреченного на крушение корабля, отягощено отчаянием и безверием. Однако надежда на спасение, которую польский драматург возлагает на плечи интеллигенции, в некоторой степени сближает его с чеховским видением будущего.

Примечания

¹ *Lappo I.* Teatr Czechowa w Polsce. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2010. S. 10.

² *Wanat A.* Trzecia strona // Teatr. 1993. N 11. S. 3.

³ *Lappo I.* Teatr Czechowa... S. 410.

⁴ *Ibid.* S. 411.

⁵ *Ibid.* S. 410.

⁶ *Ibid.*

⁷ *Силантьева В.И.* Традиция в перспективе переходного времени. Русская литература XX–XXI веков: направления и течения // Уральский филологический вестник. 2016. № 3. С. 67.

⁸ Там же.

⁹ *Kelera J.* Czy Rosja jest światem? // *Dialog*. 1994. N 9. S. 105.

¹⁰ Цит. по: [*Sugiera M.* *Dramaturgia Sławomira Mrożka*. wyd. 1. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych UNIVERSITAS, 1996. S. 269].

¹¹ *Мрожек С.* Любовь в Крыму / Пер. Л. Бухова. М.: Иностранная литература, 1994. С. 25.

¹² Там же. С. 14.

¹³ Там же. С. 21.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Błoński J.* Wszystkie sztuki Sławomira Mrożka. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1995. S. 249.

¹⁶ *Ibid.* S. 252.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Lappo I.* Teatr Czechowa... S. 162.

¹⁹ *Stephan H.* Mrozek. Kraków: Wydawnictwo literackie, 1996. S. 227.

²⁰ *Ibid.* S. 262.

²¹ *Мрожек С.* Любовь... С. 32.

²² Там же. С. 76.

²³ *Stephan H.* Mrozek... S. 225.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.3.05

Восприятие творчества Иржи Вайля в чешской критике: эволюция и трансформации

Анна Васильевна Грасько

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: anna-grasko@yandex.ru

Ключевые слова: Иржи Вайль, межвоенная литература, чешская литература, Советский Союз, коммунизм

Perception of Jiří Weil's work in Czech criticism: evolution and transformation

—Anna V. Grasko

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: anna-grasko@yandex.ru

Keywords: Jiří Weil, interwar literature, Czech literature, Soviet Union, communism

В творчестве чешского писателя Иржи Вайля (1900–1959) нашли отражение наиболее острые проблемы XX столетия — отношение к СССР и строящемуся коммунизму, преследование евреев во время Второй мировой войны. Эти темы в романах писателя неизбежно связаны с размышлениями о тоталитарных системах вообще, о человеке, оказавшемся внутри них. Именно эта причастность Вайля к «большой» истории и предпринятая им попытка анализа ключевых социальных и исторических противоречий эпохи неизменно вызывали интерес к его творчеству, однако вместе с тем провоцировали различные трактовки и интерпретации. Наиболее полемично в этом смысле его довоенное творчество, связанное с СССР (романы «Москва — граница»¹ и «Деревянная ложка»²). В нашей работе мы будем говорить о судьбе наиболее сложного произведения этого времени — романа «Москва — граница», изданного в 1937 г. в разгар сталинских репрессий и хорошо воссоздающего не только внешнюю, но и внутреннюю атмосферу Москвы 1930-х годов.

Об эстетической стороне романа в 1930-е гг. писали немного, роман в связи с его неоднородной формой относили к распространенной в это время литературе факта. Карел Сезима в «Народни листь» (*Národní listy*) утверждал, что «это форма репортажная, фактомонтажная»³, а в ежемесячнике «Люмир» (*Lumír*) добавлял, что Вайль больше свидетельству-

ет, чем творит, в его романе, по мнению критика, больше эмоциональных воспоминаний, нежели образов⁴. Вацлав Черны в газете «Лидове новины» (*Lidové noviny*) представлял роман как «три вырезки из жизни» и говорил, что произведение представляет собой «прежде всего документ или свидетельство»⁵. Литературный критик, специалист по русской литературе Богумил Матезиус в своей рецензии отмечал, что речь идет о первой попытке автора писать в эпическом жанре и называет «Москву — границу» «полуроманом».

Однако большая часть критиков сосредоточилась не на эстетической форме романа, а на интерпретации его фактического и идеологического содержания. Роман этими критиками был воспринят как «источник информации о Советской России», почти репортаж об СССР в рамках других издававшихся в это время репортажей чешских авторов (тексты М. Майоровой, В. Незвала, И. Ольбрахта, Ю. Фучика и др.). Также роман ставился в ряд с текстами Андре Жида («Возвращение из СССР»), Луи-Фердинанда Селина («Моя вина»). Карел Сезима, описывая роман, говорил, что это первая попытка «учения о современной России», где «русская реальность изображена в перспективе нашего человека, западника»⁶.

В целом интерпретация романа зависела от политических убеждений критиков. Непроясненность авторского взгляда, нежелание Вайля пользоваться черно-белой оценочностью при описании Страны Советов сделала роман Вайля уязвимым для критиков-коммунистов и удобным для критиков-интерпретаторов. Критики-коммунисты (Ю. Фучик, Й. Рыбак и др.) в большинстве своем восприняли роман Вайля как антисоветский, порицали слабого безвольного героя Яна Фишера, которого не без оснований открыто сопоставляли с автором.

Так, Юлиус Фучик, для которого Вайль и Фишер были тождественны, обвинял автора (героя), считал его «обыкновенным мелким стукачом»: «И исключен был без особенных ярких сцен, и никто его не проклинал, не плевал ему вслед, не называл врагом народа⁷ [...] Сошлись товарищи и ска-

зали ему просто по-человечески: ты бедный мещанин, которому не место в партии, которая требует людей цельных, сознательных, с твердым характером и ясной волей». Другой критик-коммунист, Йозеф Рыбак, довольно резко отзываясь и о самом Вайле, в официальной коммунистической газете «Руде право» (*Rudé právo*) писал, что в романе изложена концепция политическая, противосоветская, реакционерская, а главный герой — «лентяй, не интересующийся ничем личным, чужой всему великому, что происходит в СССР, отлынивающий от работы»⁸. Однако даже в среде чешских коммунистов не было единства в оценке романа — так, например, Ян Бухар воспринял роман как свидетельство о том, как в СССР появился особый азиатский социализм, не соответствующий изначально высокой идее.

Интерпретаторы и демократы, противники коммунистических идей, также видели в романе осуждение советской действительности, подчеркивали, но теперь уже со знаком плюс, разочарование автора в советском мире, писали о том, что главной темой романа является конфликт личности и тоталитаризма. Эту проблему советской действительности, отмеченную Вайлем, на первый план выдвигали и во время либеральных преобразований в 1968 г., когда готовилось (несостоявшееся) переиздание романа, которому в то время приписывали либеральный пафос, говорили о том, что он посвящен «деформациям социализма» и показывает ту искаженную форму русского азиатского коммунизма, из-под власти которого стремится выйти Чехословакия. Похожая реакция, еще более открытая, без оговорок, что это все-таки не анти-советский роман, последовала после переиздания романа в 1990-е гг., когда эмоциональное восприятие исторических событий подталкивало к новой идеологизированной, упрощенной интерпретации. Так, например, Владимир Новотный в газете «Млада фронта днес» (*Mladá fronta dnes*) писал, что Вайлю удалось верно отразить «ужасный абсурдный механизм партийной администрации, управляемой тираном и его пособниками»⁹. Справедливости ради нужно отметить, что в последние 30 лет в Чехии появились и менее политизи-

рованные научные высказывания, и даже целые работы, посвященные Вайлю, его биографии и творчеству. Здесь нужно отметить таких исследователей, как Алиса Едличкова, Йозеф Вогрызек, Ярослав Крыл, Яна Шефчикова, Маркета Киттлова.

Характерно, что сам Вайль едва ли считал свой роман антисоветским. Еще будучи в СССР, он писал Я. Вондрачковой, что хотел бы, когда вернется домой, создать роман «о жизни иностранцев в Москве и о строительстве Метро-строая»¹⁰. В своей рецензии он так определяет главную тему романа: «Роман “Москва — граница” рассказывает о великой Стране Советов в годы второй пятилетки (год 1933 и 1934)»¹¹. В этой же рецензии Вайль подчеркивал, что «только человек, ослепленный сумасшедшей ненавистью, не увидит в Советском Союзе светлые стороны»¹². В то же время Вайль понимал, что его роман отличается от гимнов СССР, написанных его современниками. В той же рецензии он объясняет свой критический взгляд на СССР: «Однако я бы написал плохой роман, если бы изображал только светлые стороны. Мой роман тогда бы уподобился заказным романам, которые по праву осуждает советская критика»¹³.

Как видим, сам И. Вайль был далек от резкого осуждения СССР, и его роман трудно интерпретировать только в этом ключе. Поэтому нам кажется, что гораздо ближе к истине те исследователи, которые улавливают и учитывают всю его сложность. Так, например, К.Й. Бенеш, автор первой рецензии на книгу Вайля, отмечает, что этот роман с одинаковым интересом могут читать и противники, и сторонники СССР, так как он лишен какой-либо тенденциозности: «Чувство критически настроенного западноевропейского человека переплетается в романе Вайля с не менее впечатляющим и страстным прославлением советского строительства нового мира»¹⁴. Еще один критик, Богумил Матезиус, выдвигает свою интерпретацию, говоря о «сопротивлении материала» в романе. По его мнению, Вайль хотел написать роман не порицающий, а скорее прославляющий СССР, но сам материал взбунтовался против автора: «моральное отношение автора к его роману перевесило его интеллектуальное намерение»¹⁵.

Современная исследовательница Алица Едличкова (1991 г.) отмечала, что речь шла «об идеалах, в правду которых Вайль, очевидно, никогда не переставал верить в их “изначальном”, чистом, “неиспорченном” виде, не нарушенном властными интересами амбициозных лидеров и “лжепророков”»¹⁶.

В данный момент мы видим, что творчество Иржи Вайля приобрело популярность, по крайней мере, в академических кругах. Можно сказать, что в Чехии сейчас делается попытка «собрать» образ Вайля — объединить его межвоенное творчество, связанное с размышлениями о коммунизме, и послевоенное, в котором он обращается к теме геноцида, еще раз уже с более отстраненной независимой позиции оценить его вклад в чешскую литературу. Это подтверждают не только современные статьи и научные диссертации, посвященные Вайлю, но также проект издательства «Триада» (*Triáda*) по переизданию наследия автора в тринадцати томах, осуществляемый при поддержке европейских фондов и Чешской академии наук.

Примечания

- ¹ *Вайль И.* Москва-граница / Перевод с чешского Ю.В. Преснякова. М.: МИК, 2002.
- ² *Weil J.* Dřevěná lžíce. Praha: Mladá fronta, 1992.
- ³ *Kosáková H., Kosák M.* Ediční poznámka // Jiří Weil Moskva-hranice. Praha: Triáda, 2021. S. 396.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Ibid. S. 397.
- ⁷ Ibid. S. 399.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid. S. 404.
- ¹⁰ *Vondráčková J.* Mrazilo-tálo (O Jiřím Weilovi) / Praha: Torst, 2014. S. 373.
- ¹¹ Ibid. S. 84.
- ¹² Ibid. S. 85.
- ¹³ *Kosáková H., Kosák M.* Ediční poznámka // Jiří Weil Moskva-hranice. Praha: Triáda, 2021. S. 384.
- ¹⁴ Ibid. S. 376.
- ¹⁵ Ibid. S. 398.
- ¹⁶ Ibid. S. 405.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.3.06

Образ «реки времени» и проблема историчности в книге Ч. Милоша «Долина Иссы»

Ирина Александровна Либина

Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта,
Калининград, Российская Федерация; e-mail: falsh746@mail.ru

Ключевые слова: Милош, Гераклит, историчность, река времени, память, поэтическое пространство

The image of the “River of Time” and the historicity issue of the “Issa valley” novel by Czesław Miłosz

Irina A. Libina

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian
Federation; e-mail: falsh746@mail.ru

Keywords: Miłosz, Heraclitus, historicity, River of Time, memory, poetic space

В своем произведении «Долина Иссы» Чеслав Милош обращается к диалектической основе философии Гераклита, на материале которой формируется его понятие «иной историчности»¹. Подобно реке, вечно обновляющейся новыми потоками, однако не изменяющей своей сути, ибо она запечат-

лена в «моменте вечности»², новая историчность Милоша, *storicismo polacco*³, делает возможным познание сути человеческой природы в ее неотрывности от реальной жизни.

История у Милоша высвобождается из рамок ограниченной марксистской теории об исторической предопределенности. Выступая против концепции исторической необходимости, Милош в «Порабощенном разуме» отмечает трагичность ситуации, в которой оказался род человеческий, подчинившийся жестокому божеству — Истории⁴. Пространство, рождающееся в результате нового восприятия Милошем истории, символизируется и выносится за грань существующей действительности. Возникшее на границе между явью и сном новое измерение открывает перспективу синтетической полноты целого. Соединение элементов, существующих в сознании человека в разъединенном состоянии, происходит у Милоша в поэтическом пространстве. Отталкиваясь от тезиса Гераклита «все едино», Милош в единстве бытия и становления видит «момент вечности», существование которого, однако, невозможно в окружающей поэта жестокой действительности. В таком мире человек способен участвовать только пассивно, в то время как единственный возможный способ подлинного существования, по Милошу, — это «помогать творить историю, жить в историческом времени»⁵. В письме к Гомбровичу Милош пишет: «Насколько иссушающе губительно и унижительно служение историчности в долгосрочной перспективе — знаю хорошо. Однако мне также известно, какую пустоту, беспомощность и немоту вызывает отречение от этого служения»⁶. Этот внутренний конфликт стал источником «склонности к поиску другого берега истории»⁷, пространства, предполагающего расширение концепции историчности. В связи с этим образ гераклитовой «реки времени» наделяется дополнительной коннотацией и приобретает, по мысли Томаша Томасика, черты мифологической реки Леты⁸. В контексте этого мифообраза история понимается как «длительность человеческого существования, память»⁹, способная вынести нас за рамки истории и одновременно связать с ней.

Атмосфера лжи и лицемерия, в которой Милош оказался в послевоенные годы, невозможность найти свое место, привели к внутреннему кризису, а разрыв с родиной формировал ложный образ предателя и предрекал гибель польского эмигранта как поэта. Выход из творческого тупика Милош нашел в поэзии. В этом отношении написание «Долины Иссы» становится для него своего рода «автотерапией» и выводит из тени нечеловеческой, бездушной абстракции к обретению утраченного источника поэтического вдохновения¹⁰. Для того чтобы связать прошлое и настоящее, нужно было, используя терминологию Марека Залеского, «напиться из реки забвения»¹¹, за символическим образом которой скрывается «рассказ о собственном происхождении, имеющий значение возвращающего к жизни таинства»¹². Однако, несмотря на отождествление автора и главного героя произведения, а также наличие прототипов у многих персонажей и использование картин родных мест, «Долина Иссы» — не автобиография в традиционном понимании. По словам Марека Залеского, эту книгу можно определить как «пример духовной биографии»¹³, написание которой стало важным этапом в преодолении эмиграционного шока. В связи с этим остроумное замечание французского журнала L'Express: «La métaphysique est facile»¹⁴, содержащее косвенное обвинение в эскапизме — представляется скорее неуместным, нежели точным. Положенные в основу произведения образы детства создают временную дистанцию, являющуюся необходимым условием, благодаря которому Милош решает проблемы своего времени¹⁵.

В целом пространство «Долины Иссы» является поэтическим, о чем свидетельствует стиль произведения, на особенности которого указал Е. Завейский¹⁶. Живописные картины «Долины Иссы» наполнены чувственными, земными образами, прописанными со скрупулезной точностью натуралиста. Эта точность рождает ощущение едва уловимых запахов и звуков, проникающих из мира фантазии в реальность читателя, который видит долину словно сквозь толщу воды — по образной характеристике З. Герца, «через стеклянную стенку аквариума»¹⁷.

Также в пространство «Долины Иссы», особенностью которой является «большее, чем в других местах, количество чертей»¹⁸, проникают элементы реального исторического времени. Наиболее показательным в этом плане является отрывок произведения, свидетельствующий о переплетении мифологического и исторического пластов повествования: «Есть ли между чертями и прочей тварью какой-то сговор, или они просто живут друг возле друга, как сойки, воробьи и вороны? И где тот край, куда прячутся те и другие, когда землю давят гусеницы танков, у реки копают себе неглубокие могилы приговоренные к расстрелу, а среди крови и слез, в ореоле Истории, встает Индустриализация?»¹⁹. В результате этого мифоисторического синтеза рождается поэтическое — полусказочное, полуреальное пространство.

По словам Т. Венцловы, «мир в “Долине Иссы” искупается прежде всего памятью — данной в памяти надеждой»²⁰, которая в сцене смерти бабки Дильбиновой противопоставляется «закону, гласящему, что все умершее рассыпается в прах и навеки гибнет»²¹. Проблема иллюзорности человеческой жизни, ее скоротечности оформляется в один из ключевых мотивов всего произведения и выражается в вопросах, которыми задаются герои книги. Жалобами отравившей себя Магдалены на бренность собственного существования проникается в метафизическом пространстве сна-полувидения маленький Томаш: «теперь и он превращался в груды истлевших костей, жаловался устами Магдалены и открывал для себя те же вопросы: почему я — это я?»²². Этой мысли о конечности жизни противостоит идея существования в памяти как слиянии прошлого и настоящего: «Никто не живет один: человек беседует с теми, кого уже нет, их жизнь воплощается в нем»²³.

Воспринимая историю как “время памяти”, Милош обретает свою точку опоры с перевоплощением в ребенка. В связи с этим обнаруживается скрытая полемика с гераклитовским утверждением о невозможности дважды войти в одну и ту же реку. По Милошу, это не только возможно, но и необходимо в качестве обязательного условия для «выздоров-

ления». Смотря на мир глазами ребенка, Милош открывает непреходящую гармонию бытия, с осознанием которой он может вернуться в реальный мир, чтобы продолжить свой путь дальше.

Примечания

- ¹ *Herlth J.* Czesław Miłosz w poszukiwaniu innej historyczności // *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Literacka.* 2012. N 20 (40). S. 13.
- ² *Miłosz Cz.* Wiersze. Kraków, 2002. T. 2. S. 162.
- ³ *Miłosz Cz.* Rok myśliwego. Kraków, 1991. S. 36.
- ⁴ *Miłosz Cz.* Zniewolony umysł. Kraków, 1999. S. 238.
- ⁵ *Miłosz Cz.* Problems of Modern Youth. The Absent Countries of Europe. Lectures Held at the Collège de l'Europe Libre, 6th Summer Session in Strasbourg-Robertsau. Bern, 1958. S. 35.
- ⁶ *Miłosz Cz.* Gombrowiczowi // *Kultura.* 1953. N 10/72. S. 12.
- ⁷ *Ibid.*
- ⁸ *Tomasik T.* Heraklit Miłozsa // *Świat Tekstów. Rocznik Słupski.* 2011. N 9. S. 174.
- ⁹ *Franaszek A.* Miłosz. Biografia. Kraków, 2011. S. 567.
- ¹⁰ *Ibid.* S. 570.
- ¹¹ *Zaleski M.* Lekcja Literatury z Markiem Zaleskim. Chłopiec imieniem Tomasz. Kraków, 1999. S. 266.
- ¹² *Ibid.* S. 267.
- ¹³ *Ibid.* S. 276.
- ¹⁴ *Franaszek A.* Miłosz. Biografia. S. 573.
- ¹⁵ *Zaleski M.* Lekcja Literatury z Markiem Zaleskim. Chłopiec imieniem Tomasz. S. 271.
- ¹⁶ *Zawieyski J.* Nad książkami // *Twórczość.* 1957. N 11. S. 47.
- ¹⁷ *Bobkowski A.* List do Jerzego Giedroycia, 12 lipca 1955.
- ¹⁸ *Miłosz Cz.* Dolina Issy. Kraków, 1999. S. 8.
- ¹⁹ *Милош Ч.* Долина Иссы. СПб., 2012. С. 11.
- ²⁰ *Венцлова Т.* Послесловие к произведению Ч. Милоша «Долина Иссы». С. 422.
- ²¹ *Милош Ч.* Долина Иссы. С. 295.
- ²² *Милош Ч.* Долина Иссы. С. 80.
- ²³ Там же. С. 150.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.3.07

**Память
как структурообразующий принцип
в творчестве Милорада Павича
(«Хазарский словарь», «Ящик
для письменных принадлежностей»,
«Бумажный театр»)**

Мария Владимировна Смирнова

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация; e-mail: smirnaya42@gmail.com

Ключевые слова: память, история, художественная действительность, воображение

**Memoria
as a structure-forming principle
in Millard Pavić's work
(Dictionary of the Khazars,
Writing Box, Paper Theater)**

Mariia V. Smirnova

Russian State University for Humanities,
Moscow, Russian Federation; e-mail: smirnaya42@gmail.com

Keywords: memoria, historia, artistic representation of reality, imagination

Произведения Милорада Павича — это постоянное включение читателя в пространство произведения, здесь всегда предоставлен выбор — можно принять приглашение к сотворчеству (при написании концовки, определении стратегии, как именно собирать мозаику главной темы текста) или отказаться (тогда существует только одно прочтение и финал, так как нехарактерная линейность в каждом тексте тем не менее присутствует, об этом неоднократно напоминает

сам автор). Из этого следует, что игра, которую Павич решил затеять с читателем и его восприятием, не ограничивается индивидуальной стратегией прочтения. Она становится неотъемлемой частью объективной художественной действительности, обрамляющей произведение: автор умышленно фрагментарно располагает свой текст, приглашая каждого реципиента собрать его по своему усмотрению. Использование аллюзий на различные мифологические сюжеты, исторические лица и события, в свою очередь, способно трактоваться по-разному, точно так же, как разграничение или абсолютное слияние сна и яви в романах и рассказах.

Предложенные для рассмотрения тексты, в которых память¹ выполняет смыслообразующую роль, на мой взгляд, представляются наиболее репрезентативными по причине наличия вариативных прочтений, а также из-за жанровой специфики каждого из них. «Хазарский словарь»², по авторскому определению, — роман-лексикон. «Ящик для письменных принадлежностей»³ также является романом, который состоит из отдельных фрагментов: рукописей, рецептов, объявлений и т.д. «Бумажный театр»⁴ имеет подзаголовок «роман-антология» и состоит из 38 непохожих друг на друга рассказов, посвященных авторам, принадлежащим к различным национальным литературам, при этом их биографии не документальны, а выдуманы М. Павичем, включая и упоминания о себе как сербском писателе. Я считаю, что благодаря преобладанию вымысла в тексте, усилению его значимости, в произведении начинает прочитываться и автобиографическое.

Важную роль играет интертекстуальность⁵, наиболее отчетливо она выражена в последнем тексте. Обнаружение подобных аллюзий и реминисценций позволяет расширить и более глубоко проникнуть в мир каждого произведения, выявить границы между воспоминаниями, которые не могут быть отделены от воображения, и иными реальностями, например, сном или фантазией. Безусловно, перечисленные миры принадлежат непосредственно героям произведений, они субъективны, однако сновидение способно трактовать-

ся в рамках синкретического сознания, быть вещим, то есть считываться в пределах объективной действительности, а из этого следуют разные виды памяти: коллективная и индивидуальная, принадлежащая народу и отдельному герою. Поэтому, обращая внимание на интертекстуальность, я стремлюсь определить: с какой целью автор использует цитаты, как он их вводит (в оригинальном или отрефлексированном виде), а также какие семантические характеристики он таким методом привносит в текст. Этот анализ, я считаю, позволяет уточнить границы между художественной реальностью самого произведения и иными, что позволит соответственно отделить память личную, нарратора или героя, от иных ее видов.

В данной работе я сосредоточу внимание на изменениях и переходах памяти в историю, ее последующему переосмыслению и написанию новой, что ведет к превращению «истории-памяти в историю-критику, когда история начинает создавать свою собственную историю»⁶. Также я остановлюсь на местах памяти, о которых в своей работе пишет Пьер Нора⁷. При обращении к тому или иному отрывку в произведениях ключевую роль играет и разграничение, которое предстоит провести в течение анализа: между индивидуальным и коллективным, между синкретическим и аналитическим, то есть между приданиями и историческими фактами⁸. В результате предстоит сосредоточиться на главном вопросе, который позволит говорить о памяти как структурообразующем элементе в каждом из романов: кому принадлежат те или иные воспоминания и продолжают ли они существовать или трансформируются в нечто иное при издании, например, словаря хазар?

Употребляя понятия «коллективная память», «история», «места памяти» и им подобные, я придерживаюсь определений, которые дают в своих трудах Морис Хальбвакс⁹, Пьер Нора¹⁰, а также, при обращении к иным мирам в произведениях, я ссылаюсь на работы Д.С. Лихачева¹¹, Ю.В. Доманского¹², О.В. Дрейфельд¹³, посвященные пространствам художественной действительности, воображаемому миру.

Как было ранее отмечено, каждый из романов состоит из отдельных составляющих, объединенных одной темой или одним сюжетом (например, сюжет в «Ящике для письменных принадлежностей» развивается в процессе повествования о каждой вещи): три словаря, ящик, полный отдельных фрагментов, множество рассказов, написанных разным стилем.

«Хазарский словарь» — это своего рода стремление восстановить память об исчезнувшем народе, но вместе с тем это и ее полная утрата, причем в данном случае интересным образом возникает идея воссоздания после забвения: попытка сбора скудного материала из прошлого, осмысление некоего исчезнувшего исторического документа Средневековья, существование которого незыблемо. Однако он тоже является реконструкцией, в свое время уже позволившей увековечить память хазарского народа. В данном случае любопытно то, что при издании словаря как источника сведений, согласно рассуждениям П. Нора, память уничтожается, и как поступить со словарями, которые реконструированы, составлены спустя сотни лет после исчезновения хазар (в произведении несколько словарей, Павича и Даубмануса)? Создается ли в данном случае мистификация памяти или читатель вслед за нарратором ступаем по местам памяти, образует ли возможное сочетание воображения и отдельных отрывков «историю истории» этих людей?

«Ящик для письменных принадлежностей» — это тайна, которую читатель сможет понять только после того, как определит важность отдельных элементов, на первый взгляд не связанных друг с другом (это и старый свисток, и палочка, и т.д.), вместе с содержанием обнаруженных писем, дневников, открыток. Однако уже сам ящик является неким пограничным пространством между объективной действительностью текста и воспоминаниями, он в себе хранит частицу коллективного самосознания (ритуальные атрибуты) и передает их уже индивидуальному «я» Нового времени, которое способно трансформировать или уничтожить первоначальное значение каждой вещи. Но это место не единственный по-

средник в тексте, подобную функцию выполняет и новый владелец, открывший этот клад памяти. Погружение вглубь текста, от объективной действительности к субъективным, происходит постепенно. Например, письма, с одной стороны, артефакты, принадлежат художественной реальности, но, с другой — это первичные воспоминания девушки и мужчины. Реципиент волен задуматься, не разрушается ли память уже в момент написания каждой из записок, а если продолжает существовать, то чем является при ее обнаружении и условном обнаружении. Итак, отталкиваясь от писем, читатель перемещается к рефлексии о них, сопоставлении и только потом переходит на уровень объективной реальности, в которой они оглашаются и, вероятно, искажаются. Иерархия памяти, с которой постоянно соприкасается реципиент, обнаруживается только при детальном анализе, обращении и к интертексту, ведь неслучайно М. Павич в данном произведении отсылает и к более раннему словарю, но является ли этот текст дополнительным ключом к разгадке тайны и можно ли назвать весь этот ящик тайной памяти?

«Бумажный театр», на мой взгляд, наиболее парадоксальный текст с точки зрения реализации памяти, учитывая, что читателю писатель предоставляет «псевдодокументальный» сборник рассказов. Намеренно подкрепляя вымысел постоянными аллюзиями на других авторов и их произведения, М. Павич таким образом предлагает с иной стороны взглянуть на реализацию феномена памяти, существование которой становится возможно путем ее разрушения и авторской репрезентации. Актуализируя в воображении реципиента знакомые тексты и имена, в объективной действительности произведения он отдает предпочтение мифологизации истории, в которую помещает и собственные инициалы.

Получается, без обращения к источникам, на которые автор ссылается, нельзя проникнуть в представленные рассказы, определить, что есть память в таком произведении. Можно ли подобный метод назвать «памятью памяти» или «историей памяти», в которой еще живы отдельные осколки

воспоминаний, на которых и держится весь вымысел? Чем является рассказ о сербском творце, кто сочиняет текст? В какие моменты память принадлежит только герою, а когда она всеобща, то есть является частью художественной действительности произведения и (или) иной реальности внутри текста?

Данные вопросы, а также многие другие, возникающие при детальном рассмотрении каждого отдельного фрагмента произведения, заставляют задумываться о значимости памяти как элемента, способного организовать текст, разграничить объективную действительность и субъективную, и, возможно, быть одним из основных структурообразующих принципов в творчестве Милорада Павича.

Примечания

- ¹ *Бергсон А.* Материя и память / пер. с франц. А. Баулер // *Бергсон А.* Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999. С. 414–643.
- ² *Павич М.* Хазарский словарь / пер. с серб. Л. Савельевой, Н. Вагаповой, Р. Грецкой. М., 2021. С. 768.
- ³ *Он же.* Ящик для письменных принадлежностей / пер. с серб. Л. Савельевой. М., 2000. С. 192.
- ⁴ *Он же.* Бумажный театр / пер. с серб. Л. Савельевой. СПб., 2011. С. 288.
- ⁵ *Барт Р.* S/Z. 3-е изд. М., 2009.
- ⁶ Франция — память / П. Норма, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с франц. Д. Хапаевой. СПб., 1999. (Память века). С. 22.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 16–50.
- ⁹ *Он же.* Социальные рамки памяти / пер. с франц. С.Н. Зенкина. М., 2007. С. 348.
- ¹⁰ Франция...
- ¹¹ *Лихачев Д.С.* «Внутренний мир художественного произведения» // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
- ¹² *Доманский Ю.В.* «Художественный мир и физическая реальность» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 2–1 (35). С. 59–69.
- ¹³ *Дрейфельд О.В.* «Ирреальность» воображаемого мира героя и «неклассическая» литература XX в. // Новый филологический вестник. 2015. № 2 (33). С. 44–51.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.3.08

Южночешский пейзаж в лирике Антонина Сова (сб. «О моем крае»)

Любовь Андреевна Винокурова

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: fcbespierre@mail.ru

Ключевые слова: чешская поэзия, чешский модернизм, чешский импрессионизм, пейзажная лирика, Антонин Сова, мотивы природы

The South Bohemian landscape in the lyrics of A. Sova (coll. Z mého kraje)

Liubov A. Vinokurova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: fcbespierre@mail.ru

Keywords: Czech poetry, Czech modernism, Czech impressionism, Antonin Sova, landscape lyrics, nature motives

Антонин Сова (1864–1928) — известный чешский поэт-модернист, творивший на рубеже XIX–XX вв., один из авторов «Манифеста чешской модерны» (1895 г.). Для поэтических сборников Сова первой половины 1890-х гг. характерна эволюция от реализма к модернизму, это хорошо заметно на примере цикла «О моем крае» (1892 г.), в котором центральное место занимает образ Южной Чехии, родины поэта. Несмотря на то, что этот цикл относится к переломному периоду в творчестве Сова, в большинстве случаев он получал лишь краткий комментарий как отечественных, так и зарубежных богемистов. Вместе с тем то, как именно Сова

изображает Южночешский край, может иллюстрировать изменения, произошедшие в его поэтике в годы, предшествующие публикации «Манифеста чешской модерны».

Как отметил чешский исследователь П. Эйсер, в цикле поэт «пробивается к самым скрытым источникам и ищет душу родного края»*, стремясь создать наиболее полный образ Южной Чехии, где он родился и вырос¹. Образ Южночешского края в цикле характеризуется наличием двух мотивных узлов. Во-первых, это социальные мотивы, в которых Сова переосмысляет линию чешского реализма, заостряя внимание на проблемах бедности, увядания и распада чешской провинции. Во-вторых, это природные мотивы, по которым цикл в большинстве упоминаний в критической литературе характеризуется как сборник пейзажной лирики². Именно эти пейзажные зарисовки представляют, как нам кажется, наибольший интерес для анализа, так как именно в них проявляются черты одного из новых, модернистских течений — импрессионизма, сделавшего Сову одним из самых ярких представителей чешской модерны.

Пейзаж Южной Чехии, отраженный в цикле, складывается, во-первых, из образов, иллюстрирующих ландшафтные особенности этого края, — это образы водоема, равнины (поля) и леса, к каждому из которых относится своя группа мотивов.

Образ водоема создается преимущественно с помощью мотива непокорной стихии, отраженного в стихотворениях «Монастырский пейзаж», «Ручьи», «Еще когда-то...», «По дороге». К этому мотиву примыкает своеобразный его «перевертыш»: в стихотворении «Поле» вода, в отличие от других своих проявлений, настолько спокойна, что «видно песок на дне с ракушками»³. Помимо этого, в нескольких стихотворениях вода метафорически соотносится с металлом — с серебром в стихотворениях «Пруды» и «Отдыхая», со ртутью в «Виде от Стражиште». Второй образ — равнины (поля) — обладает определенной таинственностью: в стихотворении

* Здесь и далее в тексте перевод с чешского языка наш. — Л. В.

«Заброшенные карьеры» равнина вначале предстает обманчиво спокойной, а позже оказывается полной жизни. Как и в случае с образом водоема, Сова прибегает к сравнению с металлом: проводится параллель между золотом колосьев поля и золотом настоящим, поле неоднократно предстает перед читателем «золотым» (стихотворения «Читая Брета Гарта» и «Поле»). Связь образов поля и водоема не ограничивается общей метафорой металла — помимо этого, равнина (луг) выступает в роли «оправы» для «металла» воды в стихотворениях «Пруды», «Отдыхая», «Вид от Стражиште».

Образ леса формируют мотивы неуправляемой стихии, что роднит его с водой («Пролог», «Монастырский пейзаж», «Вот мы у нас...»), и таинственности, что роднит с полем («У “Четырех крейцеров”», «Таборские края»). Также лес наделен уходящим корнями в фольклор⁴ свойством быть неким пограничным пространством, через которое пролегает чей-либо путь. В стихотворениях «У “Четырех крейцеров”», «Таборские края», «В Америку», «Детское воспоминание» через лес проходит реальная дорога, то есть лес представляет собой путь в его прямом значении. Переносное значение реализуется с помощью отдельных элементов, указывающих на некую «потусторонность», нереальность того, что происходит в самом лесу или за лесом, куда эта дорога ведет. Например, в стихотворении «Детское воспоминание» мальчик «видит где-то в лесу домики в духе пряничных человечков»⁵.

С помощью природных образов водоема, равнины (поля) и леса Сова не только отображает ландшафтные особенности Южной Чехии (водоемы), но и говорит о ее истории и современности, о реальности и о том, что находится за ее гранью (образ леса), и кроме того, проводит ниточку ко второму клубку мотивов цикла — к мотивам социальным (образ поля, связанный с тяжелым трудом населения ради «золото-того» урожая).

Материальности, конкретности образа Южночешского края в цикле Сова добивается с помощью обращения к названиям видов растений и животных и топонимам, характерным для здешних мест. Они разбросаны по всему тексту цикла,

и их постоянное присутствие, отражая непосредственные ощущения лирического героя от изображаемого, суггестивно насыщает описания природы уточняющими деталями («Заброшенные карьеры», «Старый хирург», «Пруды»), красками («Пруды» — полет утки), запахами («По дороге» — можжевельник) и звуками («У “Четырех крейцеров”», «Пруды» — пение птиц). Наличие местных топонимов указывают на пространство действия цикла («Таборские края», «Вид от Стражиште», «На закате солнца в Желиве»).

Картина южночешского пейзажа в цикле Антонина Сова «О моем крае» формируется как из собирательных образов водоема, поля и леса, обладающих несколькими общими, усредненными мотивами, так и из характерных для этого края онимов — топонимов (имен собственных), флоронимов и зоонимов (имен нарицательных), — каждый элемент которых обладает индивидуальными свойствами, хорошо знакомыми как читателю, так и автору. Конкретность упоминаемых поэтом онимов, узнаваемость образов и привязка их к реальности отражает реалистические черты поэтики Сова, однако роль, которую он им отводит, — влияние их на все органы чувств читателя-интерпретатора — относится уже к модернизму. Стремление Сова поймать ежесекундные изменения подвижной природы, зафиксировать ее текучесть и, что называется, «уловить момент» указывают на преобладание в изображении южночешского пейзажа принципов импрессионизма.

Примечания

- ¹ *Eisner P. Sovův cyklus «Z mého kraje» // Rozpravy Aventina 1. 1925–1926. Č. 1. S. 4–5.*
- ² *Brabec J. Antonín Sova // Dějiny české literatury III. Literatura druhé poloviny devatenáctého století. Praha, 1961. S. 530.*
- ³ «Viděl v duchu perníkářů boudy kdes v lese», — *Sova A. Z mého kraje // Dílo Antonína Sovy, sv. 12. Praha, 1925. S. 147.*
- ⁴ *Пропп В.Я. Глава III. Таинственный лес // Исторические корни волшебной сказки / Пропп В.Я. Л., 1986. С. 57–58.*
- ⁵ «Viděl v duchu perníkářů boudy kdes v lese», — *Sova A. Dětská vzpomínka // Dílo Antonína Sovy, sv. 12. Praha, 1925. S. 133.*

ВОПРОСЫ ЖАНРА И ПОЭТИКИ

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.3.09

Жанровые особенности чешской межвоенной (анти)утопической литературы

Анна Вячеславовна Амелина

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: anna.v.amelina@mail.ru

Ключевые слова: утопия, антиутопия, чешская межвоенная
литература, жанр

Genre features of Czech interwar (anti)utopian literature

Anna V. Amelina

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: anna.v.amelina@mail.ru

Keywords: utopia, anti-utopia, Czech interwar literature, genre

В Чехии в межвоенный период наблюдается, как и во многих других литературах, «волна утопичности» (термин А.М. Пиши) — было создано более трех десятков утопических и антиутопических произведений, причем как признанными писателями, так и авторами массовой литературы. Почти все попытки создания положительных утопий в это время принадлежат беллетристам второго и третьего ряда, художественный уровень этих произведений не очень высок, и, по-

жалуй, в их отношении можно даже говорить о народной утопии.

Реализация жанров утопии и антиутопии в межвоенный период от произведения к произведению очень разнится, поскольку канон антиутопии, по сути, только начал формироваться, а утопия, вплетенная в другие современные литературные жанры, порой даже трудно распознается и в чистом виде почти не встречается. Многообразие форм и метаморфозы (анти)утопических построений при этом настолько значительны, что изучение данного феномена требует серьезно-теоретического осмысления.

Исследование утопии как части чешского литературного процесса проводится и в Чехии, и в России, опубликованы и обзорные работы, и труды по главным авторам, в первую очередь, по К. Чапеку. Важными для нас являются статьи¹ Я. Махека, где дается широкая картина чешской межвоенной утопии и антиутопии, включая произведения и массовой литературы.

Главная проблема исследования утопии и антиутопии состоит в том, что литературоведение их рассматривает лишь в рамках художественной литературы, выдвигая для этого явления такие понятия, как метажанр (Н.Л. Лейдерман, А.Е. Ануфриев) или третичный жанр (О.А. Павлова), т.е. утопия понимается как некая наджанровая структура, способная воплощаться в самых разных литературных жанрах — рассказе, романе, драме. При этом характеристика утопии как такого наджанрового образования не дается, утверждается лишь его наличие. С другой стороны, тот факт, что утопия существует и за пределами художественной литературы, исследователями как будто не считается важным, между тем эта категория является в первую очередь феноменом социально-философским.

Это привело нас к философскому осмыслению утопии, которое, на наш взгляд, достигло значительных успехов и может решить проблему. Прежде всего, речь идет о работах Е.Л. Чертковой, В.Д. Бакулова, С.С. Сизова, С.А. Шишулькина. В частности, Черткова обстоятельно разбирает черты утопического сознания², в его основе — трансцендентный

идеал, утопия противопоставлена истории и не является следствием эволюции в историческом процессе, утопист отказывается принимать мир каков он есть и создает мир иной, причем новое общество выступает как альтернатива настоящему, а не как результат эволюции последнего, рациональность человека и научное знание становятся оплотом идеального общества и человеческого счастья. Еще одна важная особенность утопического сознания, выделяемая Э.Я. Баталовым, состоит в его «факторности» — в реальной действительности утопист видит только отрицательные ее стороны, а в идеальном обществе присутствуют только положительные, произвольно выбранные характеристики, которые «работают» на идеал автора утопии³.

Именно эти черты в совокупности мы считаем вправе искать в произведениях, если их утопический характер кажется очевидным, но при этом художественная система не содержит традиционных жанровых знаков утопии. Анти-утопия же, в отличие от утопии, не существует за пределами искусства и выступает исключительно как жанр. Пародируя литературную утопию как жанр и отрицая саму возможность социального идеала, она тем самым модифицирует ее жанровые константы и вбирает в себя все те же свойства утопического сознания, подвергая их критике.

Положительная утопия в своем чистом, классическом виде встречается в рассматриваемый период лишь однажды — это «Телефонный разговор чеха с обитателем планеты Марс» (*Telefonická rozmluva Čecha s obyvatelém planety Martu*) Й. Мичана, изданный в 1918 г. и построенный как диалог чеха с марсианином, тоже некогда чехом с Земли, одним из тех, кому на Марсе удалось создать идеальное чешское общество. С точки зрения современного литературного процесса это произведение является очевидным жанровым анахронизмом, восходящим к платоновским диалогам.

Другой вариант появления утопии в чешской литературе межвоенного периода — в виде вставного элемента, принципиально не влияющего на общую жанровую картину произведения. Как правило, некая утопическая концепция

в таком случае является эпизодом романа. В качестве одного из примеров можно привести «Падение человечества» (*Zkáza lidství*, 1928) Й. Аканы. Утопический проект перехода людей в нематериальную субстанцию, взятый здесь изолированно, вполне отвечает критериям утопического сознания, однако, будучи погруженным в романную действительность автора, он не смог реализоваться.

Третий вариант положительной утопии мы наблюдаем, к удивлению, в рамках жанра путевых очерков убежденных коммунистов, отражающих идеальный, по их мнению, мир Советской России. Свое утопическое видение, обусловленное левыми взглядами, они переносили в очерки, где наблюдаются не просто черты утопического сознания, но и некоторые жанровые знаки утопии — например, в книге «День после революции» (*Den po revoluci*, 1925) М. Майеровой.

Антиутопия в свою очередь также принимает самые разные формы. В этот период наблюдается отмеченная Н.Л. Лейдарманом «диссоциация жанровой структуры: распад жанра на фрагменты, осколки, “фантики”»⁴, и антиутопия может быть лишь одной из составляющих романа, демонстрирующего жанровый синкретизм сказки, приключений, детектива, любовного романа и т.д., как например, в «Доме в тысячу этажей» (1929) Я. Вайсса.

Антиутопия также может сосуществовать с положительной утопией в рамках одного произведения. Так, например, в романе «Красное головокружение» (*Rudá závrat'*, 1921) А.М. Тихого после социалистической немецкой антиутопии в результате масштабной войны строится утопия славянская, охватившая территорию от Шумавы до Тихого океана.

Помимо романа антиутопия появляется в рассказах и поэзии, например, в творчестве И. Гауссманна («Дикие рассказы» (*Divoké povídky*, 1922), стихотворения «Аве!» (*Ave!*, 1918), «Декрет» (*Dekret*, 1921) и др.), где в чрезвычайно сжатой и емкой сатирической форме автору удается высмеять разного рода утопические проекты.

Еще одной общей чертой многих антиутопий этого времени является важная роль в сюжете и замысле масштаб-

ных вооруженных конфликтов (война, революция) с многочисленными жертвами и описанием кровопролития — как, например, в романах «Война с саламандрами» (1936) К. Чапека, «Фабричное производство добродетели» (*Velková-roba ctnosti*, 1922) И. Гауссаманна, «Властелин мира» (*Pán světa*, 1925) Э. Вахека, «Красное головокружение» (1921) А.М. Тихого и др.

Важной особенностью чешских утопий является то, что стержнем их конструкций выступает проблема существования, выживания и организации чехов как нации, такое преобладание национального элемента над социальным характерно и для славянских утопий в целом, что отмечено польским исследователем М. Бобровницкой⁵. Именно для чехов писатели рисуют идеальное общественное устройство или, наоборот, проецируют в будущее свои страхи за чешскую государственность, связанные часто, прежде всего, с ненавистными немцами (в подобной роли, впрочем, могут выступать также евреи, реже венгры и поляки⁶).

Примечания

- ¹ *Machek J. Báječné nové světy, současnost a budoucnost v meziválečné české utopické beletrii // Bude, ako nebolo. Podoby utopického žánru / Ed. Taranenková I., Jareš M. Bratislava, 2012. S. 64–89; Machek J. Češi jako “predvoj lidstva”. Představy o českém národě a jeho sousedech v ideálních světech meziválečné české utopické belterie // Forum historiae. 2012. Roč. 6. N 2. S. 84–100.*
- ² *Черткова Е.Л. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71–81.*
- ³ *Баталов Э.Я. В мире утопии: (Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах). М., 1989. С. 21–22.*
- ⁴ *Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2013. С. 634.*
- ⁵ *См.: Vobrownicka M. Utopie na ziemiach słowiańskich (Próba typologii) // Utopia w językach, literaturach i kulturach Słowian. Katowice, 1997. T. 2: Z przemian świadomości utopijnej w procesie historycznoliterackim / Czapik-Lityńska B. (red.). S. 9–17.*
- ⁶ *Об этом см.: Machek J. Češi jako “predvoj lidstva”.*

Нарратологический анализ текста на примере рассказа М. Павича «Долгое ночное плавание»

Евгения Викторовна Шатько

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: eshatko@gmail.com

Ключевые слова: Милорад Павич, нарратологический анализ, Шмид, нарратология, «Долгое ночное плавание»

Narratological analysis of the text on the M. Pavić's story “Long Night Journey”

Evgeniia V. Shatko

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: eshatko@gmail.com

Keywords: Milorad Pavić, narratological analysis, Wolf Schmid, narratology, Long night journey

В данной работе представлена попытка применить метод анализа текста, разработанный В. Шмидом в труде «Нарратология»¹, к тексту рассказа М. Павича «Долгое ночное плавание» из сборника «Страшные любовные истории» (2001). В первую очередь необходимо определить пространственно-временные границы текста. Действие рассказа происходит в трех государствах — в Венецианской республике, Османской и Габсбургской империях, упоминаются следующие топонимы: Далмация, Адриатическое и Ионическое моря, города Анкона, Бари, Драч, Венеция, Дубровник, Герцег-Нови, Задар, Шибеник, Коринф, остров Корфу. Основным пространственным элементом является судно, на котором живет

героиня рассказа Велуча и которое, перемещаясь по морям, обеспечивает широкую географию рассказа. Отдельно стоит упомянуть пространство души, параллельное реальному внутреннему миру персонажа: «Огромная и незнакомая душа стояла перед ней, распятая на сторонах света, как растянутая шкура, и пустая, как ночь, но на самом деле в ней, как в ночи, лежали города и леса, реки и морские заливы, женщины и дети, мосты и суда, а на дне, совсем на дне, крошечное и прекрасное тело этой души, которое катило ее наверх, как огромный камень»². Временные рамки повествования определены достаточно широко: XVII в., упоминается также Кандийская война 1645–1669 гг.

Следующий шаг — выделение и определение типа нарратора. Основным в данном рассказе является недиегетический нарратор, то есть повествующий не о себе, а только о других фигурах и его «существование ограничивается планом повествования, “экзегесисом”»³. В тексте можно выделить несколько диегетических рассказчиков (повествуемых «я») — Велучу (главную героиню рассказа) и коллективного нарратора «девушек». В финале рассказа основной недиегетический нарратор сменяется диегетическим авторским «я» (меняется и лицо с 3-го на 1-е), что можно рассматривать и как трансформацию одного типа в другой.

В тексте анализируемого рассказа не всегда удается четко различить, кому принадлежит тот или иной отрывок — нарратору или персонажу, поскольку не все высказывания диегетических нарраторов выделены прямой речью или каким-либо еще заметным способом. Шмид предлагает ряд признаков, планов, проанализировав которые применительно к разным частям текста, мы можем определить носителя: тема, оценка, лицо (грамматическое лицо местоимений и глаголов), время (грамматическое), признаки указательных систем (в основном это наречия типа «здесь», «туда», «вчера», «недавно»), признаки языковой функции (изображающая, экспрессивная или апеллятивная), лексические признаки (разные наименования одного и того же объекта или разные стили речи), синтаксические признаки. Однако крайне

редко реализуется чистая оппозиция текста нарратора (ТН) и персонажа (ТП) по всем указанным выше признакам, в таком случае стоит говорить о нейтрализации ТН и ТП, которая происходит в двух случаях: 1) если в данном отрывке произведения определенные признаки вообще отсутствуют; 2) если ТН и ТП совпадают по отношению к рассматриваемому признаку⁴.

Ниже приведена таблица, в ней отражены признаки, по которым в анализируемом рассказе различаются тесты нарраторов:

	тема	оцен-ка	лицо	вре-мя	Указ.	Функц.	Лекс.	Синт.
ТН	География и история	-	3		-	Изобр.	-	-
ТВ	Любовная линия	+	3		-	Изобр., экспресс.	+	+
ТД	Велуча	+	3, 1 (я, мы)		+	Экспресс.	+	+
ТнН	Связь прошлого и настоящего	+	3, 1 (я)		+	Изобр.	-	-

ТН — текст недиегетического нарратора; ТВ — текст Велучи; ТД — текст девушек; ТнН — текст недиегетического нарратора.

Проведя такой анализ текстов нарраторов, мы можем не только получить их характеристику и выявить наличие или отсутствие различий по некоторым из признаков, но и разрешить сомнения относительно тех частей текста, где нарратор неочевиден: используя данные таблицы, с большей степенью вероятности определить, чей перед нами текст.

Целесообразным представляется также анализ точки зрения, связанной, во-первых, с восприятием событий, и во-вторых, с их передачей. Шмид предлагает несколько планов точек зрения: пространственный (прямое понимание «точки зрения»), идеологический (связанный с ценностями и

знаниями воспринимающего), временной (насколько событие отдалено от его изложения), языковой (то, каким языком рассказывается о событии), перцептивный (призма, через которую воспринимается событие)⁵. В таблице ниже представлены различия между нарраториальной и персональной точками зрения в рассказе:

	Недиг. н.	Велуча	Девушки	Диг. н.
Простр.	Широкий взгляд «сверху»	Горы в Приморье, судно + его неверное восприятие	Судно	«То место»
Идеол.	Безоценочный, объективный	Оценочный	Оценочный	Оценочный
Времен.	Историческая дистанция	Неверная оценка, длительное заблуждение	Быстрая оценка событий	Историческая дистанция
Язык.	Нейтральный	Экспрессивный	Экспрессивный	Нейтральный
Перцепт.	Объективный	Иллюзорный мир	Объективный	Романтизирующий

При проведении анализа точки зрения по планам, предложенным Шмидом, мы более четко определили, во-первых, их соотношение в тексте, во-вторых, получили дополнительный инструмент в выявлении текста того или иного персонажа в ситуации нейтрализации, и в-третьих, более ясно увидели пространственно-временную организацию текста.

Примечания

¹ Шмид В. Нарратология. М., 2003. 312 с.

² Павич М. Долгое ночное плавание. URL: <https://www.rulit.me/books/dolgoe-nochnoe-plavanie-read-115651-1.html> (дата обращения: 01.04.2022).

³ Шмид В. Нарратология. С. 82.

⁴ Там же. С. 206.

⁵ Там же. С. 123–128.

«Воспитание девушек в Чехии» Михала Вивега как метароман

Полина Сергеевна Левина

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: p.levina15@mail.ru

Ключевые слова: современная чешская литература, метапроза, чешский постмодернизм, М. Вивег, интертекстуальность

“Bringing Up Girls in Bohemia” by Michal Viewegh as a metanovel

Polina S. Levina

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: p.levina15@mail.ru

Keywords: contemporary Czech literature, metafiction, Czech postmodernism, M. Viewegh, intertextuality

Михал Вивег (р. 1962 г.) — один из самых известных чешских писателей современности. Некоторые его произведения переведены на русский язык, в том числе и самый успешный роман писателя «Лучшие годы — псу под хвост» (1992 г.), а также романы «Летописцы отцовской любви» (1998 г.), «Роман для женщин» (2001 г.) и «Ангелы на каждый день» (2007 г.). В нашей работе мы обратимся к роману «Воспитание девушек в Чехии» (1994 г.), который не был переведен в России, хотя является одним из самых популярных произведений писателя.

В большинстве произведений Вивега одним из предметов повествования является процесс написания этого же самого произведения. Подобные тексты принято обозначать понятием «метапроза». В числе ключевых характеристик метапрозаического произведения М.Н. Липовецкий выделял тематизацию процесса творчества, наличие текстового двой-

ника автора — персонажа-писателя, выступающего в роли автора именно этого произведения, зеркальность повествования, позволяющая постоянно соотносить героя-писателя и автора-творца, «текст в тексте» и «рамочный текст» и принцип «обнажения приема»¹.

Исследователи обращали внимание на элементы метапрозы в тестах Вивега, самое подробное их исследование представлено в работе Л. Явурковой «Изменения в творчестве Михала Вивега с точки зрения интертекстуальности и проблематики метапрозы». В нем исследовательница дает общий обзор всего творчества Вивега с точки зрения метапрозы, но не анализирует подробно роман «Воспитание девушек в Чехии», хотя и замечает, что в нем черты метапрозы выражены ярче всего².

Элементы метапрозы присутствуют практически во всех текстах писателя, но ярче всего они представлены в романе «Воспитание девушек в Чехии». В отличие, например, от романа «Лучшие годы — псу под хвост», где рефлексия процесса написания романа вынесена в отдельную сюжетную линию — повествование прерывается эпизодами разговора писателя и редактора, которые обсуждают текст романа, в «Воспитании девушек в Чехии» авторская рефлексия никак не отделена от основного сюжета произведения, в текст вплетаются комментарии автора, который объясняет и аргументирует практически каждый использованный им художественный прием.

Повествователь в «Воспитании девушек в Чехии» имеет много общего с самим Вивегом, что неоднократно подчеркивается писателем. Он работает в школе в Збраславе, где одно время работал Вивег, затем, как и писатель, принимает предложение работы редактора в издательстве *Český spisovatel*. В тексте упоминаются другие произведения Вивега (например, повествователь дает прочитать своей возлюбленной рукопись романа «Лучшие годы — псу под хвост»³). И, наконец, повествователь находится в процессе написания того романа, героем которого он является. В романе стирается грань между реальностью и вымыслом, автор вступает

в диалог с самим собой, пытаюсь разобраться в целях своего творчества, и включает в этот диалог читателя, открывая перед ним все грани творческого процесса.

Вивег широко использует «обнажение приема», рассказывая не только о событиях, составляющих сюжет произведения, но и о том, как именно он об этих событиях рассказывает и почему выбирает именно такой способ это делать. Например, вот как автор комментирует свое решение включить в повествование рассказ, написанный героиней, Беатой: «Я не собираюсь притворяться, что это ключевой рассказ, представляющий Беату совершенно в другом свете, но я решил включить его сюда, потому что его свежий реализм был приятным сюрпризом после всех криков Беаты о настоящем искусстве»⁴. А приближение окончания романа автор комментирует так: «Быстрое чередование глав для того, чтобы усилить напряжение. Конец уже близко. Я проработал около пяти месяцев. Первые три месяца я писал первую версию романа по вечерам и в выходные, а в марте и апреле написал вторую на одном дыхании. Я не могу дождаться того, как через несколько страниц похороню Беату и наконец сделаю перерыв»⁵. Этой фразой автор одновременно комментирует художественный прием (быстрое чередование глав) и говорит о состоянии писателя во время создания романа.

Другой основной чертой прозы Вивега, которая характерна для почти всех его произведений, является интертекстуальность — понятие, близкое понятию метапрозы и в «Воспитании девушек в Чехии» тесно с ним связанное. Для того чтобы прокомментировать художественные приемы, которые он использует, писатель часто обращается к другим литературным текстам, вступая в диалог с литературной традицией. Таким образом писатель начинает и заканчивает роман. В качестве эпиграфа к первой главе используется цитата из романа чешской писательницы и искусствоведа Веры Линхартовой: «Самое удивительное, что поражает нас больше всего в начале любого рассказа, это совершенная пустота, простирающаяся перед нами. События произошли и лежат вокруг нас в связной, безликой массе, без начала и

конца. Мы можем начать где угодно...». Используя эту цитату в качестве эпиграфа, Вивег сам вскоре ее оспаривает: «начало этой истории лежало не в безликой массе посередине совершенной пустоты, но во вторник 16 июня 1992 года в белом конверте в нашем почтовом ящике»⁶. В конце романа автор ставит под сомнение все происходящее, допуская возможность того, что все события — плод воображения повествователя, при этом он говорит о том, что, используя этот прием, подражает Грэму Грину⁷.

В ключевой сцене романа — сцене самоубийства героини — автор отходит от традиционной формы повествования, комментируя это с помощью цитаты французского писателя Алена Робб-Грийе:

«Немного английского:
 start up an engine — завести двигатель
 step on the gas — нажать на газ
 let in the clutch — отпустить педаль сцепления
 at top speed — на полной скорости
 fly-over — мост-путепровод
 suicide — самоубийство

Раскрытие реальности происходит путем избавления от устаревших форм повествования. (Роб-Грийе)»⁸.

К литературной традиции Вивег обращается и для того, чтобы выразить свои взгляды на то, какой должна быть современная литература и современный писатель. Например, говоря о том, для чего он пишет роман, повествователь приводит цитату Джона Фаулза: «Попытаться доказать, что современная литература не обязательно должна быть только о том, как трудно писать литературу. (Джон Фаулз)»⁹. Он также включает в повествование цитату Уолтера Керра о том, что для писателя важнее не следовать навязанным законам искусства, а пытаться добиться популярности¹⁰.

Таким образом, роман Михала Вивега «Воспитание девушек в Чехии», являющийся ярким образцом чешской постмодернистской литературы, можно отнести к метапрозе и воспринимать и как «роман о романе», и как высказывание автора о творческом процессе.

Примечания

- ¹ *Липовецкий М.Н.* Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997. С. 45–46.
- ² *Javůrková L.* Proměny tvorby Michala Viewegha z hlediska intertextuality a problematiky metafikce. Diplomová práce. Pardubice, 2017.
- ³ *Viewegh M.* Výchova dívek v Čechách. Brno, 2008. S. 103.
- ⁴ Ibid. S. 104.
- ⁵ Ibid. S. 187.
- ⁶ Ibid. S. 8.
- ⁷ Ibid. S. 194.
- ⁸ Ibid. S. 161.
- ⁹ Ibid. S. 146.
- ¹⁰ Ibid. S. 94.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.3.12

Образ «думаемой реальности» в романе Павла Виликовского «Прекрасная машинистка, жестокая герцогиня»

Анастасия Владимировна Бырина

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: Biely.Kvet@yandex.ru

Ключевые слова: словацкий постмодернизм, литературные
реальности, Павел Виликовский

The image of perceptual reality in the Pavel Vilikovský's novel “Lovely train driver, cruel duchess”

Anastasiia V. Byrina

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: Biely.Kvet@yandex.ru

Keywords: Slovak postmodernism, literature realms, Pavel Vilikovský

Павел Виликовский (1941–2020) — наиболее известный словацкий писатель-постмодернист, создававший свои произведения на протяжении более пятидесяти лет. Его произведения переведены на английский, белорусский, болгарский, венгерский, итальянский, македонский, польский, румынский, русский, словенский, украинский, французский и хорватский языки.

Роман «Прекрасная машинистка, жестокая герцогиня» (2017) — одно из последних произведений писателя. Его отличает сложная структура, характерная для позднего периода творчества Виликовского. Роман имеет три сюжетные линии, которые объединены фигурой рассказчика, а также созданным Виликовским художественным образом «думаемой реальности»¹.

Название романа — очевидная отсылка к сборнику рассказов Виликовского «Жестокий машинист» (1996), что указывает на метатекстуальную связь этих произведений. Жестокий машинист в сборнике не имеет физического воплощения, являя собой метафору сверхчеловеческой силы, рока, судьбы, неумолимого исторического процесса. Потому можно предположить, что прекрасная машинистка в романе — добрая или, по крайней мере, нейтральная по отношению к человеку сила, в то время как жестокая герцогиня олицетворяет силы зла. Однако Виликовский мистифицирует читателя, используя эффект обманутого ожидания. Машинистка и герцогиня никакими сверхчеловеческими силами не обладают, они имеют имя и плоть и являются одним человеком — персонажем третьей, наиболее гротесковой и сказочной, сюжетной линии романа.

Первая сюжетная линия — история романтических отношений сотрудника рекламного агентства Ивана и финансового консультанта Юдиты Окаловой. Виликовский предупреждает нас с первых страниц, что каждый персонаж «думает» свою персональную реальность и себя в ней, и восприятие реальности Иваном не обязательно совпадает, или совпадает частично, с теми реальностями, которые «думают» другие персонажи. «Если бы все эти думаемые

портреты одного человека, — пишет Виликовский, — наложились друг на друга, наверняка нашлись бы общие территории — там, где бы они перекрывали друг друга. Такая операция, однако, весьма сложна и могла бы быть осуществлена — исходя из переменчивости всех причастных — разве что посмертно»².

Виликовский выбрал для Ивана профессию креативщика. Среди его героев мы часто встречаем писателей, редакторов, фотографов — такие герои способны воспринимать реальность не только здесь и сейчас, но и предпринять воображаемое путешествие во времени: разглядеть в господине средних лет кудрявого мальчугана, вообразить встречу с давно умершим человеком, зная одно лишь его имя. И Иван, в свою очередь, влияет на реальность, придумывая сюжеты рекламных роликов. В частности, он работает над рекламой нового автомобиля известной марки. Возможно, именно этот, вполне материальный, а не «думаемый» автомобиль в дальнейшем станет причиной смерти героя второй сюжетной линии романа — писателя Обычана.

Образ Обычана не менее сложен. Он разделяет себя на автора — бестелесного, не отбрасывающего тени, — некую творческую составляющую своей натуры, и самого Обычана — того, кто выполняет всю тяжелую работу: собирает материал, дабы персонажи в книгах выглядели живыми, дает интервью, общается с читателями и платит налоги.

Раздвоение героя — частый мотив в произведениях Виликовского. Так, например, учителю на пенсии Игорю в романе «Собственная автобиография зла» (2009) противопоставлен его друг детства — бывший следователь по прозвищу Шериф; у Чимборазки, героя романа «Мимолетный снег» (2013), есть близнец, но существует ли действительности Штефан Ковач, так и остается загадкой.

Обычан тоже существует в своей «думаемой реальности». Давая интервью для журнала, он «думает» своего автора, от лица которого и отвечает на вопросы. Журналист, который берет интервью, также «думает» своего автора, о котором напишет статью. В то же время Виликовский ирони-

зирует над созданным им образом «думаемой реальности», дабы читатель не воспринимал эту идею слишком серьезно: «когда интервью опубликуют, появился и автор, думаемый читателем. Если такой найдется. И будет он разложенный натрое. А если читателей, не дай бог, станет больше, ай-ай-ай! Останутся от автора одни щепки»³.

Во время интервью Обычан дает смелое обещание написать современную постмодернистскую сказку. Так выстроен переход к третьей сюжетной линии, героиней которой является некогда прекрасная машинистка Маришка Шлагорова из деревни Борова близ Трнавы, а ныне модный французский фотограф — жестокая герцогиня Мари Дюплесси Бургундская. Вероятно, имя Мари Дюплесси — отсылка к знаменитой французской куртизанке, возлюбленной Александра Дюма младшего, девушке из бедной семьи, которая незадолго до своей смерти действительно стала графиней. История Мари Дюплесси призвана вызвать у читателя определенные ожидания относительно поведения героини, и на этот раз читатель не обманывается.

Обычан думает о своей героине как о ведьме или о драконихе, недаром жестокая герцогиня любит повторять «человечьим духом пахнет», имя в виду запах родной Словакии. Мари приезжает на родину, дабы навестить пластического хирурга и провести прощальную эротическую фотосессию. Герцогиня также живет в собственной «думаемой реальности», и оценка ею своего прошлого зависит от того, кому она о нем рассказывает. В реальности же, «думаемой» еще одним персонажем, девятнадцатилетним Яничко, герцогиня его заколдовала, и потому он в нее влюбился. Все эти «думаемые реальности» не совпадают, что приводит к скрытому конфликту между героями.

Новое имя в сказке, придуманной Обычаном, получает не только жестокая герцогиня, но и сам Яничко. На французский манер Мари начинает называть его Птижан: «Только что покрещенный Маленький Жан, или Птижан, обрадовался. Французское имя! У него было чувство, якобы с его помощью он получил пропуск в лучшее, высшее общество»⁴.

Смена имени персонажа — другой характерный для произведений Виликовского мотив. Тем самым, вместо старой личности рождается новая. Так, в романе Виликовского «Автобиография зла» герой после ареста получает от следователя новое имя и новую одежду. А в романе «Мимолетный снег», узнав, что у его жены болезнь Альцгеймера, герой отказывается от своей прошлой жизни и берет себе новое имя — Чимбозка, забавное и ничего не значащее.

Завершая роман «Прекрасная машинистка, жестокая герцогиня», Виликовский пишет, цитируя Хемингуэя, что, «все истории, если рассказывать их достаточно долго, заканчиваются смертью»⁵. И действительно: ревнивый Яничко разбивает голову герцогини штативом для фотоаппарата, Обычан душил «думаемого» им автора, а самого Обычана сбивает автомобиль, рекламу которого он незадолго до того разглядывал. Рекламу, возможно, созданную «думаемым» им персонажем Иваном из первой сюжетной линии романа.

В этом романе нет прямых обращений к читателю, однако присущий книгам Виликовского диалогизм проявляется и здесь. Если роман «Собственная автобиография зла» заканчивается словами «мир стал бы интереснее, если бы мы интересовались друг другом»⁶, то в «Прекрасной машинистке, жестокой герцогине» практически каждую сцену Виликовский начинает или заканчивает фразой: «но кого бы это интересовало». Это воспринимается читателем как продолжение давней беседы, предложение еще раз задуматься над темами, которые поднимает в своих книгах писатель.

Виликовский помещает своих героев в необычные, гротесковые ситуации. «Думаемая» персонажами реальность предстает как художественный прием, раскрывающий несовпадение их представлений о мире. И пока каждый из героев живет в собственной реальности, диалог между ними невозможен, и они обречены на одиночество. Такова одна из главных тем, которые Виликовский столь ярко раскрывает в своем творчестве.

Примечания

- ¹ Термин предложен Л.Ф. Широковой. Подробнее см.: *Широкова Л.Ф.* В поисках смыслов и ценностей: двойная оптика как сюжетобразующий принцип в современной словацкой прозе // *Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной / под ред. д.ф.н. И.Е. Адельгейм.* М., 2021. С. 119–132.
- ² *Vilikovský P.* Krásna strojvodkyňa, krutá vojvodkyňa. Bratislava. Slovart, 2017. S. 17–18.
- ³ Ibid. S. 87.
- ⁴ Ibid. S. 128.
- ⁵ Ibid. S. 108.
- ⁶ *Vilikovský P.* Vlastný životopis zla. Kalligram. Bratislava, 2009. S. 301.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»

Отражение реальности: исторические образы в культурном пространстве Центральной и Юго-Восточной Европы

Н.В. Евстафьев

Образ стража-мусульманина в славянских житиях XVI в. 4

А.М. Ланцева

Образ королевы Ядвиги
в польском музыкальном искусстве XIX в. 9

Е.А. Колосков

«Храбрые мужчины, женщины и медведи»:
образ восточного славянства в фэнтези-сеттинге
мейнстримных видеоигр 13

Национальная идентичность и этноконфессиональные аспекты истории славянских народов

Д. Пергл

Белорусская идентичность в биографическом нарративе 18

К.О. Долголаптева

Исторические мифы в публикациях сетевых медиа
как фактор конструирования белорусской национальной
идентичности 22

Первая мировая война: проблема возрождения славянских государств

Т.В. Гимадеев

Память в глубоком тылу: «Гусов юбилей» 1915 г. в Праге
в условиях Первой мировой войны 28

А.А. Илларионова

Прокламация Королевства Польского
во время Первой мировой войны
в дискурсе немецкой прессы 33

А.А. Чибисова

- К вопросу о деятельности
Православного церковного совета
во Второй Речи Посполитой (1919–1921 гг.) 38

**Россия и зарубежные славяне:
борьба идей**

И.А. Прохоренков

- Польско-литовская литературная пропаганда
периода Смутного времени: к вопросу периодизации 43

А.Ю. Перетяцько

- «Славянство» как мировоззренческая категория
в творчестве казачьего историка-любителя В.М. Пудавова 47

**История Центральной Европы XX в.
по материалам периодики и архивов**

А.Л. Лейдерман

- Евреи Варшавы и городская система здравоохранения
в начале XX в. (по материалам идишеязычной газеты
«Хайнт» 1908–1909 гг.) 53

**Югославия и ее страны-наследницы
в системе международных отношений
XX – начала XXI в.**

Д.П. Ерёмин

- Проблема функционирования
наднациональной структуры управления
Боснии и Герцеговины в контексте интересов России
на Балканах на рубеже XX–XXI вв. 59

СЕКЦИЯ «ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

Славянские языки в прошлом и настоящем

Т.В. Шалаева

- К этимологии русского слова сачок ‘лентяй’ 64

Н.П. Иордани

- К вопросу о функционировании сослагательного наклонения
и инфинитива с частицей *бы* в истории русского языка 70

С.А. Афанасьева

- Анализ перфектных конструкций в «Постиллах»
Якуба Вуйка и Микалоюса Даукши 75

Р.С. Фисун

- Инвентарь модификаторов
и источники грамматикализации составных
неопределенных местоимений в славянских языках 80

А.Д. Васюков

- Языковые иерархии и ассимиляция:
из полевых наблюдений в Кашубии 86

С.А. Борисов

- Идентификация и самоидентификация
через этнонимы в чешских миноритарных сообществах
на Балканах 91

Язык и традиционная культура**Чжэн Янтун**

- Лексика родильной обрядности в словаре
«Речник српскога језика» Матицы Сербской (2011) 97

А.И. Чиварзина

- Обозначения пестрого в болгарской народной песне
«Че малко ли съм донела» 102

А.П. Якимова

- Традиционная болгарская одежда
и акциональный код: заворачивание 106

Лю Ху

- Образ сербской ведьмы:
есть ли аналоги в китайской провинции Шаньдун? 111

Д.Г. Чубукова

- Предвестники и знаки смерти
в представлениях украинцев Саратовской области 116

**Взаимодействие языков и культур
на материале печатных и рукописных памятников****Л.И. Шутова**

- Глоссирование как метод критики текста
в издании Апокалипсиса 1625 г. 121

А.В. Богатырев

Две новые иллюстрации из донесений В.М. Тяпкина
к истории польско-русских культурных связей XVII в. 126

А.С. Алексеева

Вопрос о полонизмах в «Логике» Макария Пётровича 130

О.А. Королёва

Словообразовательные классификации
древнерусских топонимов 136

О.С. Румянцева

Роль именованний Богородицы и Младенца Иисуса
в раскрытии художественного замысла
пьесы Л. Рыделя «Польский Вифлеем» 141

А.Ю. Михайленко

Грамматические «вольности»
в поэтической практике «приказной школы»..... 146

СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»

Литературные трансформации

М.А. Ламм

Маргинальный фольклор
в песне белорусской рок-группы Dzieciuki «Частуханы» 152

В.В. Старкова

Трансформация мотива «маленького человека»
в ранних рассказах И. Цанкара (сборники «Виньетки»
и «Книга для легкомысленных людей») 157

Г.В. Климанов

Прага и Москва 1920-х: проблема «маленького человека»
в славянском мегаполисе (на материале произведений
К. Полачека и М.А. Булгакова) 161

Р.В. Зиновьева

Чеховская традиция в пьесе Славомира Мрожека
«Любовь в Крыму» 166

А.В. Грасько

Восприятие творчества Иржи Вайля в чешской критике:
эволюция и трансформации 172

Пространственно-временные парадигмы

И.А. Либина

- Образ «реки времени» и проблема историчности
в книге Ч. Милоша «Долина Иссы» 178

М.В. Смирнова

- Память как структурообразующий принцип
в творчестве Милорада Павича («Хазарский словарь»,
«Ящик для письменных принадлежностей»,
«Бумажный театр») 183

Л.А. Винокурова

- Южночешский пейзаж в лирике Антонина Сова
(сб. «О моем крае») 189

Вопросы жанра и поэтики

А.В. Амелина

- Жанровые особенности чешской межвоенной
(анти)утопической литературы 193

Е.В. Шатько

- Нарратологический анализ текста на примере
рассказа М. Павича «Долгое ночное плавание» 198

П.С. Левина

- «Воспитание девушек в Чехии» Михала Вивега
как метароман 202

А.В. Бырина

- Образ «думаемой реальности» в романе Павла Виликовского
«Прекрасная машинистка, жестокая герцогиня» 206

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ

Тезисы
конференции молодых ученых
в рамках Дней славянской письменности и культуры,
24–25 мая 2022 г.

Ответственные редакторы:
Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова

Редакторы-корректоры:
Е. В. Дейкина, Т. К. Дейкина

Компьютерная верстка:
П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119334, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 19.10.2022. Формат 60×84¹/₁₆
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная
Печать цифровая. Усл. печ. л. 12,68
Объем 13,63 печ. л.

Заказ № 73.

Тираж 500 экз.